

БОРИС АЛМАЗОВ

ПОХОД НА ПОЛНОЧЬ

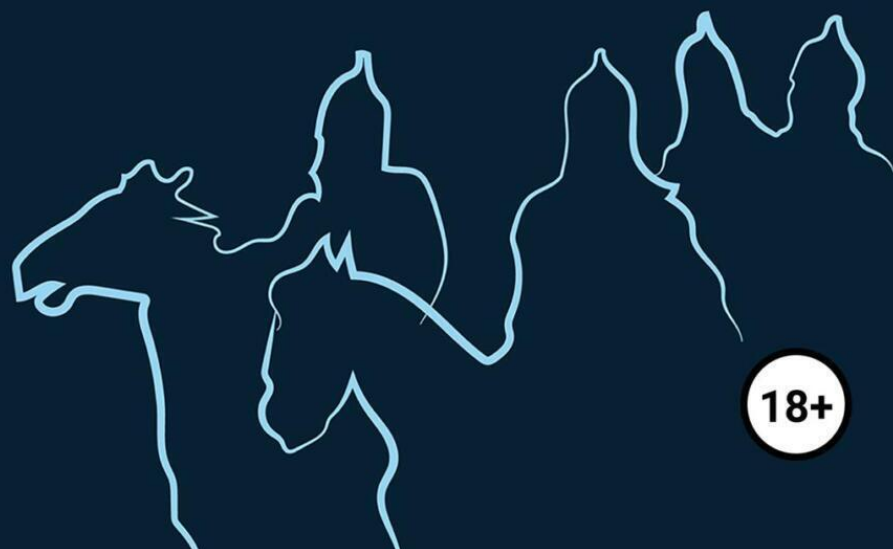

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

РОМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Алмазов

**Поход на полночь.
Александр Невский**

«Автор»

2023

Алмазов Б. А.

Поход на полночь. Александр Невский / Б. А. Алмазов —
«Автор», 2023

В романе, основанном на документах, повествуется о тяжелейшем периоде в жизни Руси от разгрома соединенного русско-половецкого войска на Калке до принятия князем Александром Великой схимы в Городце, за несколько дней до кончины. В романе рассказывается о событиях и деяниях князи либо малоизвестных, либо совсем неизвестных современному человеку. (Скажем, о походах и отражении набегов эстиев и литвы, о походе в Финляндию, двух «татарских» переписях, взаимоотношений в Орде и т.п.) Роман "Поход на полночь" - центральная часть трилогии Б. Алмазхова Илья-богатырь а Атаман Ермак со товарищи под общим условным название "Последние витязи". Научный редактор профессор СПб Духовной Академии и профессор Академии художеств архимандрит Александр (Федоров).

© Алмазов Б. А., 2023

© Автор, 2023

Борис Алмазов

Поход на полночь. Александр Невский

Глубокий взгляд на исторические события, видящий их внутренний смысл и дальнейшие перспективы, недоступен народной массе. Народная масса видит перед собой лишь внешние факты и непосредственно на них реагирует. Она может лишь подсознательно понимать и ценить путь своих вождей, подобных св. Александру, которые исполняют ее скрытую и для нее самой неосознанную волю, но на тех путях, которые вызывают ее сопротивление. В этом есть глубокая трагедия истории. Из народа выходящие, народную сущность утверждающие и сознающие, отдельные великие люди творят подлинную волю народа среди сопротивления народа. Они живые камни, на которых создается история народа. Они наиболее всех народны. Они получают народное признание и любовь на каких-то особых, неосознанных путях, именно как наиболее ярко осознавшие и воплотившие национальную волю. Но их жизнь полна непонимания и открытых мятежей. Они всегда одиноки.

Н.А. Клепинин. «Святой благоверный и великий князь
Александр Невский»
УМКА-PRESS, Paris, 1928

Пролог

«Пришли народы неизвестные...»

(1223 г.)

1.

За Днепром служилые черные клобуки донесли, что видали маячивших на холмах и возвышенностях чужих всадников народа неизвестного. Одного словили. Видом он был преужасен: гололоб, безбород, лицо имел плоское и будто внутрь продавленное, нос короткий, глаза безбровые и такие узкие, что не разобрать, как он и смотрит-то. Тело имел широкое, и на взгляд – совсем без шеи, руки и ноги короткие. Поначалу то, когда издали, смотрели, и вовсе решили, что он без ног. Потому иные сказывали, что сие зверь Китоврас, не то лошадь – подбрюшье то конское, не то человек. Но как попали в но стрелую, так он и развалился: конь – отдельно, человек – отдельно....

Старший воевода Александр Попович велел пленника привести в свой шатер. Но привести оказалось невозможно – ранен трудно, уже глаза заводил. Принесли. Поставили носилки у ног воеводы.

Воевода Александр внимательно рассмотрел «воителя грозна». Мелкорослый, на вид – тщедушный. Лик имел страховидный, но подобные лица попадались и среди половцев, особенно тех, что последнее время, откуда-то издалека приходили. И не гололоб природно, а прическа диковинная на голове его: середина головы брита, как лысина, а на висках и да затылке четыре косы тонкие длинные насаленные. Волос черен и груб, будто конский хвост. Лицо с желтизной, а теперь уж и в темных пятнах подглазий, с синюшными губами – видать кончается жизнь в таурмене, мунгале или как там его...

Александр рядом, коим покрыт раненый, приподнял, да скорее обратно покрыл. Все кишки наружу и ребра ломанные, как у рыбы гниющей, наружу торчат. Видно, как сердце бьется.

– Фу, глядеть приторно... – сказал крещеный половец Антипа, тот, что и взял пленника. – Добить его, что ли?

–

Надо бы, допрежь сего, распытать,

–

предложил сотник половцев Ратмир.

– Да он уж кончается. Толку с него...

Александр – опытен – прикинул: жизни в таурмене осталось часа на два:

– Да и кто ж его собачье наречие ведает? Как распытать-то? Так что, Антипа, взял ты языка, а язык сей немым явился, – сказал он по-кыпчакски.

И тут все увидели, как у раненого расползлись в улыбке губы.

– Ого! – зашевелились, посунувшись к носилкам, половцы: – Никак он нашу речь понимает! Ну-ко!

Антипа немилостиво вывернул таурмену веко. Черный глаз, без мертвенной пленки, глядел осмысленно.

– Жив. Ай! Жив. Допросить можно... – засуетился Антипа: – Ай-е! Жив!

Раненый открыл глаза и так глянул на Александра и воевод, что те невольно отшатнулись. С трудом, ворочая языком, он что-то проскрипел, будто каркнул, и плюнул в склоненные над ним лица. Кровавый плевок попал Поповичу на сапог.

– Ах, ты, паскуда! – кинулся пинать таурмена Иванко оруженосец.

– Оставьте его! – приказал Александр.

– Заговоришь! Заговоришь, сучий хвост! – хлопотал Антипа. – Ты у меня все расскажешь... Ты у меня соловьем запоешь...

– Оставьте его! – повторил приказ Попович. – Снесите вон наружу, чтоб не воняло тут...

– Чего ж ты его распытать не дал? – удивленно спросил половец, когда толпа воинов клубком вывалились из шатра: – Сейчас-то зажмуркой идем. Где кто, где враги?

– Побьют они нас, – сказал вдруг Александр. И сам подивился тому, что сказал.

– Да ты что! Это же звереныш дикий, навроде волка... А у нас сила, вон какая! В кои веки вся Русь заединым духом поднялась! – ахнул боярин Анпилог, ведавший конным обозом. – Они вои, сказывают, хуже половцев, ... – и тут же осекся, напоровшись на взгляд половца Антипы.

– Это ведь всего смерд ихний, – сказал Александр, – самая, то есть, чернота. А иного боярина крепче держится.

– И у нас воев изрядных много! И духом смелы и телом крепки...

– То – то и оно, у нас только что много, а у них, разумею, таковы – все...

– Господи, – перекрестился Анпилог, – аж меня от твоих слов в холод кинуло. Ты ли это, витязь? Я тя, Олёша, не узнаю! Ты ли это, Попович?!

– Я сам себя не узнаю.

Правду сказал. Странное предчувствие страшного, неведомого, чему и противостоять то нельзя, как Судному дню, теперь оформилось. Вот она, секира при корнях дерева лежащая. Шумит листва, зреют плоды, а смерть ему уже приуготовлена. Вот он – конец света. Идут народы незнаемые, и на людей-то не похожие, и всех сильных побивают!

Попович вышел из шатра. Воинский лагерь, разбитый на берегу Днепра, сиял – полный огней, бряцания оружия, музыки, доносившейся из княжеских шатров, фырканы и ржания коней у коновязей, топота верховых. За шелковыми или полотняными стенами шатров раздавался смех и пение... Всё как всегда! И даже в смертельных междоусобных княжеских сечах, когда сходятся свои со своими, как в той несчастной сече на Липице, а уж о странах заморских и говорить нечего... На Кипре и в Палестине. воевавшему там Поповичу, иной раз казалось, что для знатных воителей, да и для простых ратников главная жизнь не в боях и переходах, а вот так на постоях в лагерях...

Костры выхватывали из темноты коновязи, полные лошадей, княжеские стяги и половецкие бунчуки, развевающиеся у шатров, посверкивали на доспехах часовых и ходивших по

лагерю воинов... Всё привычно, всё знакомо. Но вон там, нынче, во мгле за Днепром в бесконечной степи, словно туча, клубится что-то темное, неизъяснимое и неотвратимое...

– Что ж прежде-то, – думалось воеводе, – не было перед сражениями нынешнего томительного ожидания, даже какой-то уверенности в скорой гибели, словно предчувствия конца света? – и тут же сам себе ответил, глядя на тени, за стенами шатров, – Не всю правду князя говорят!

Припомнил, что когда он только прискакал из Ростова, ходили слухи, будто бы от половцев приходили посланцы просить о помощи противу мунгалов. Были и от мунгалов этих неведомых посланцы с уверениями, что мол, они, мунгалы, только с половцами воюют, а князьям Руси – не супротивники. Гоните, мол, от себя половцев, а то и соединяйтесь противу них с нами и делайте с половцами все, что хотите.

– Как же «соединяйтесь противу половцев!» – подумал Александр, – Это ведь не то, что прежде, почитай, сто лет назад и больше, в те времена, когда половцы только появились в Диком поле, вот тогда, сказывают, вражда с ними была лютая. А нынче-то почти все половецкие ханы в родстве с князьями да сами воеводами в княжеских дружинах состоят. И хоть воюет меж собою вся княжеская родова непрерывно, без отдыха, идет брат на брата, все тех же степных половцев нанимая себе в помощь, а противу внешнего врага с половцами же степняками соединяются. Половцам в угоду, должно, чтобы свою верность дружеству показать, посольство мунгалов тех неведомых и убили. Как же половцам не радоваться: теперь князя русские с князьями половецкими кровью убитых послов мунгалов повязаны. По закону – нельзя послов убивать! Посольство навсегда неприкосновенно. Но уж таков на Руси обычай – аж из штанов выпрыгивать, дабы верность дружеству показать! Сказано не зря: «русский треснет, а выходку явит!» Хорошо, когда по уму выходка, а больше вот так, в запале, от восторга, от дури...

– Ох... – вздохнул воевода, – чем теперь за эту кровь посольскую платить придется?! Небось, виру за убийство, деньгами такими потребуют, что у смердов шеи затрещат! Князьям то что – они лес не выжигают, над сохами не горбатятся. А черным мужикам – тяжела будет плата за восторг княжеский. Да и князя, особенно малые, это понимают, потому теперь и вовсе для всех одна забота сделалась – мунгалов побить, чтобы хоть виру им не платить! Вот и выходит пословица – дальше в лес – больше дров!

Мунгалы, шел слух по Галицким да Киевским полкам, в дальних степях у Кавказских гор уже половцев разгромили, убили крещеных князей половецких – Юрия Кончаковича и Данилу Кобяковича, а разбитые рати их гнали аж до Половецкого вала, что отделял Дикое поле от владений киевских. Сам наибольший половецкий хан, воитель Котян, прибежал в Галич к своему тестю Мстиславу, за помощью. Христом Богом умолял помочь. Сколь подарков князьям подарил – верблюдов, коней, поволок, невольниц... Понимал, небось, лучше богатство потерять, нежели голову. Видать, так мунгалы половцев припекли, что они уж стали готовы под руку князей русских всеми своими кочевьями и племенами идти. Вон хан Бастый, намедни, крестился в Православную веру, дескать, мы теперь вам братья во Христе – единоверцы! Помогайте!

Да оно, особливо по окраинам Дикого поля, давно уж так случилось. Мало что все князя с половцами в родне, и смерды-то родовой перемешались. У кого мать половецкая, у кого – жена. В половецкие станы приедешь – все язык славянский разумеют, половина кочевников – христиане! А Мстислав-то Галицкий Удатный и вовсе дочь за Котяна выдал. Во внуках-то Мстиславовых половина крови половецкой, а они Мстиславу – против других внуков – любимее!

Мстислав Удатный на Руси славен – почестен. Вот он и кликнул сбор всем князьям в Киев. Собрались князья в Киеве, стали думать. Половцы только что на колени не падают, да и князья им в любви и дружестве клянутся. Тогда вот и порешили: вставать заедино с половцами, и всей Русью, свои распри, позабыв, как бывало встарь.

Но за спиной меж собою князья и другие думы держат, иные речи говорят. Главный резон Мстислав Удатный вслух произнес: «Если мы половцам не поможем, то половцы пристанут

к врагам нашим, и сила их станет против нас больше». Вон как! И то верно – с половцем дружись, а за меч держись! Хоть и нет в Диком поле славянам никого половцев ближе, а все ж чужой народ, стал быть, и веры ему нет. Не по русской правде живут, свои законы держат, свой интерес соблюдают. Хотя и все так-то! Каждому роду племени – своя рубаха ближе к телу.

Ну, а когда решили помогать, на том крест целовали все князья, кроме Юрия Суздальского.

Решили тогда же – не за стенами городскими мунгалов дожидаться, а идти им встреч. Мол, «лучше встретить врага на чужой земле, чем на своей».

– Чем же лучше? Кому? – размышлял Попович. – Половцам, конечно, лучше. Их кочевья давно снялись и по степи разбежались, от войны подале, а княжеским дружинам в степи воевать непривычно. Дрались-то постоянно, счетом, почитай, двести лет, но со своими – князь на князя! А тут идут мунгалы какие-то, каковы они в бою – неведомо. Известно, что все конные. А в княжеских ратях собралась главная сила – пешцы. Конницы мало, конница почти вся – половецкая. Стало быть, войско хоть и велико, а малоподвижно, не разворотисто. Мунгалы, сказывают, изрядные стрелки – лучники. С таким – резон на стенах биться, а не в голой степи ратиться. Конные, сколь бы их ни есть, конно на стены не взойдут! И чем их больше, тем скорее кони всю траву округ крепости, кою горожане, в осаду садясь, не выжгут, приедят! А нет корму – нет и осады! Редко когда осада более месяца длится. Пока один город в осаде бьется, другие успеют к набегу приготовиться. Так все супротив набега, в городах затворившись, и отстоятся.

Однако, даже если бы Александр Попович свои опасения высказал, кто бы его слушать стал? Они – князья, а он – попович, и что с тринадцати годов он в сечах, что на Руси, что в дальних странах, и годами иных князей нынче вдвое старше – не в зачет! Попович! Вон уж сесть стал, а все «Олеша»! Слава Богу, хоть не Олешка!

Видал он восторг княжеский, а пуще рыцарский, когда под действием минуты кидались рыцари в сечи совсем безрассудные, бессмысленные. И нравилось ему, что на Руси князья все ж порассудительнее крестоносных рыцарей будут. И то, что в степь пошли, с одной стороны – безрассудно, а с другой – с умыслом. Какое княжество, всю тяготу соединенных дружин принять сможет хоть бы и на краткий срок? Войско ведь как саранча – мигом все округ сожрет! Да и беды от войска всегда жди.

Вон крестоносцы – что с Царьградом сделали! Ведь шли как друзья, не как враги басурмане, а хуже басурман город, да и всю державу Византию, разграбили. До сих пор Константинополь к былой красоте и славе не вернулся. А уж почитай двадцать лет прошло. А здесь в степи половцы рати на свое прокормление взяли.

Но ведь и то: не идут мунгалы неведомые на русские города! Это Русь сама, первая, с половцами заедино, на них двинулась, да еще поспешает – боится добычу упустить.

Идет войско в силе тяжелой, округ пеших ратей половецкая конница скачет. Кругом весть громом раздается: замиренная, как в прежние времена, Русь, а теперь еще купно с половцами, распри позабыв и обиды простив, един воинский дух имеет!

Да и сам воевода ростовский Александр, а попросту, Олеша, сын ростовского попа Леонтия такого и не помнил, чтобы меж собою князья не дрались, и старался старинным преданиям, не то мечтаниям, верить. Не столько верил, сколько надеялся, что может Русь заедино противу врагов подняться, как вставала прежде, что прежде такое было!

А может, и не вставала? Сказки сказывают? Сейчас-то вон сила какая поднялась – говорят, одного войска восемьдесят тысяч! А ведь это еще не все! Многих князей из Северной Руси – нет. Еще не подоспели. Далеко идти – велика Русь. Но только ли поэтому?

Нет вот переяславского князя Ярослава Всеволодовича, коему воевода Олеша Попович служил, командуя старшей дружиной. У кого отпрашивался, чтобы сюда прискакать с дружиной малой.

Александр свое место на воеводстве очень понимал. Да как не понимать, когда и прозвище носил – «попович», то есть роду не знатного, не княжеского. Только что не смерд. И хоть многими победами воинскими украшен, и в заморских краях знаем, и всеми признано, что воевода он изрядный и воитель на Руси, чуть не первый, а всё не князь, всё – попович. Сказано: сколь ни дороден, ни славен боярин, а всё княжеский слуга.

Князь Ярослав Всеволодович отпустил Поповича с радостью. Получалось – вроде, как и он свою лепту малую в общее дело князей русских внес. Однако, понимал Попович – сам князь ехать-то не хочет! Как враждовал с тестем своим Мстиславом Удатным, так, видать, обиду на него и держит. Да и Мстислав зятя не любит – вон даже на постриги 1) внука не приехал.

Хорошие вышли постриги, и пиროванье доброе. И мальчонка, коего Попович на коня первый раз сажал – хорош. Так за гриву и уцепился – не даром имя ему – Александр.

Тогда еще владыка Симон, что постриг княжеский в Переяславском Спасо Преображенском соборе совершал, сказал Поповичу, держащему на руках двухгодовалого мальчонку:

– Вот, как ты – Александр. Тезка твой. Тоже воитель будет, как Македонский!

Мальчонка глядел смышлено, ни скопища людского, ни кляцанья ножниц, коими отхватывали пряди кудрявых его волосенок, ни коня – не испугался. И Поповичу тогда вдруг страшно захотелось так вот держать на руках не княжича, не внука Мстислава Удатного, сына князя Ярослава, а своего дитенка, свою родную малую плоть, свою кровь от крови, кость от кости... И думалось, со вздохом, что тогда, что теперь: может, и растут где-то его дети, да он даже и не помнит где. Мало его по свету носило с битвы на пир, с пира на поход, да на сечу... Где там семью-то заводить! Сказано, катящийся камушек мхом не обрастает! Так, на постоях, грехом беса тешил... Может, где и в странах заморских, где воевать пришлось, бегают, вовсе какой-нибудь чёрненький. А может уж и выросло его, Олеси Поповича, потомство, не ведавшее отца. Его семя, разметанное по свету. Иные, небось, и языка славянского не разумеют, и повстречай Поповича, даже и окликнуть его не смогут. Вот не дай Бог, со своим в сече переведаться меч о меч! Как про такое в былинах об Илье Муромце поют, как он сынка своего обасурманенного Подсокольничка в бою повстречал! Щемило у воеводы временами сердце. И подивился он себе – никогда прежде от тоски не страдал, видать, стареть начал, да и пора – пятый десяток лет землю топчет.

А крошечный княжич Александр Ярославич, тогда, месяц назад, крепко обхватив его ручонкой за шею, глядел во все глаза на сотни блистающих либо вороненых шлемов, на красные щиты княжеской дружины, на фыркающих коней. Так и запомнилось воеводе его невесомое тельце и тепло ручонки на шее. Как сажал он княжонка на коня и вел коня вокруг собора, а тот сидел будто клещ, вцепившись в конскую гриву. Куда там – упасть! Сидел – как влитой!

– Воитель, воитель будет! – шло по рядам дружинников. – Вишь, как вцепился – не ворохнется, стало быть, в любой сече уцелеет. Не убьют!

Невольно улыбнулся иссеченный во многих боях, бывший по молодости неутомимым гулякой и бабником, постаревший воевода, вспоминая недавний праздник постригов в Переяславле. Вот ведь что на ум явилось: ни пиროвание, ни девки, плясавшие всю ночь, а княжонок в длинной рубашонке и собольей княжеской шапке с алым верхом. То, что он не хотел с рук Поповича сходить! Упирался и брыкался, желая сидеть у воеводы на руках. А поутру, когда выезжала малая дружина со двора в поход на Калку, вынесла его мамка на крыльцо, и махал княжонок ручонкой отъезжающим. Будто маленькая птичка на фоне голубых, весенних, северных небес, крошечная ладошка трепыхалась. Так и осталась в памяти махонькая эта, машущая ручонка...

– Да, мил ты мой, – неожиданно для себя вслух сказал воевода, – на что ж это ты меня, тезка Александр, благословил?

2.

За шатром, вопреки приказу Поповича, пытались прижарить пленного. Но он молчал, пока не впал в беспамятство. Пожгли немного, да и отступились – все едино не жилец.

Однако пленный умер только через трое суток, поразив стражей своих и палачей невиданной доселе живучестью. Говорили, что перед смертью он вдруг приподнялся из последних сил, глянул в степь на восход солнца и что-то прохрипел, на совершенно никому не известном языке – не то позвал кого-то, не то со своими простился... И повалился мертвым. Телом немощен, но духом силен! И сказывают половцы, что таковы мунгалы – все...

– Можно воевать с врагом сильным, можно воевать с противником многочисленным, но здесь с кем воевать? Где они – эти народы неизвестные? Сколько их? – сказал Попович оруженосцу, ехавшему рядом, когда ему донесли о смерти пленного.

Шел он во главе половецкой орды, впереди русских дружин, с небольшим отрядом легкой конницы, тоже, в основном, из крещеных половцев и служилых торков, далеко в заднепровских степях. За ними, расстелившись на многие версты, шли русские дружины конные и пешие, в силе тяжкой, потому и двигались медленно. Конные половцы и своя легкая конница шли впереди войск и обочь по сторонам, оберегая дружины от неожиданного нападения. Но врага все не было. Бесконечная, непривычная и неприветливая степь тянулась округ, куда доставал взгляд. Кто хоронился в ее оврагах, чьи глаза следили за густыми рядами славянских пешцев, конницы, скрипучих обозов – неизвестно. А что следили – Попович не сомневался.

Дня через два передовые наткнулись на небольшой отряд, шедший с востока на запад. Всадники трусили на мелкорослых, мохнатых лошадаках, ведя еще по две в поводу. Привычно, подобно волчьей стае, охватили их отряд половцы, по команде Поповича, разом, кинулись с холмов да из балок на неизвестных конников. Скоротечно пыхнула схватка. Не выдерживая удара, неприятели попытались уйти в степь, но были перехвачены конными стрелками и все повалились с седел, сбитые стрелами. Всего один, либо двое, ушли в степь и словно там растворились. Как ни гнались за ними всадники Поповича, а догнать не смогли.

Так говорили догоняльщики, воротившись. Воевода не поверил. Как это на сильных конях, походом не траченных, каких-то мохноногих лошадачек не догнать! В ином причина – наткнулись на громадную отару овец и на табун, кои тоже гнали с востока на запад гололобые отарщики и табунщики. Кинулись хватать скот да коней, про погоню позабыли. Добыча – знатная! Мяса недели на три для всего войска. Александр подымать крик из-за того, что гололобых упустили, не стал. Можно было бы и разнос учинить корыстолюбцам, да и времена нынче не те, что прежде – нет в воях покорности. Много как высоко все себя нести стали. Ты его, может, и за дело укоришь, а он те, ночным временем или в сече, стрелу меж лопаток! Измельчали людишки, озлобились в непрерывных усобицах, ноне каждый сам за себя, ежели и подружатся, то звериным манером – для добычи, а как делить станут, как, глядишь и дружбе конец – перегрызлись, будто собаки над костью. Дрянь народ!

Воеводы нечаянной добыче радовались: мол, вот и в пустыне Господь пропитание послал! Попович же толковал с воеводами половецкими не про милосердие Господне, а удивляясь, откуда такому случиться в голой степи? Почему супротивники идут не встречу соединенному войску половцев и русских дружин, а как-то мимо, словно нарочно подставляя незащищенный правый бок. Половцы отмалчивались, отшучивались, но чувствовал Попович, что-то они недоговаривают... Добро, коли сами не знают, хуже, ежели скрывают измену какую. Вот и здесь тоже получается – как же в бой идти, в сече стоять заедино, если веры соратникам нет?! Потому измена обычаем стала. Одно слово: дрянь народ сделался!

Непонятность движения врага гнала Поповича от вечернего застолья, где сиживал он на самых высоких скамьях, пред самые княжеские очи. Прежде пировал и веселился витязь всегда знатно и гостем был званым да любимым, а вот теперь и веселие пиршественное стало ему не в радость. Бывшие его сотрапезники дивились – не тот нынче стал Попович, видать – постарел... Вон его уж и в седину шибануло... То ли дело прежде!.. Да ведь прежнего не

воротишь! Поповичу и разговоры-то про прежние гулевания тошны сделались. Тоска давила. Тоска от непонятности, куда идем, с кем боя ищем?.. От предчувствия, что вот эта непривычная непонятность до добра не доведет. Да и вообще, тоска...

Еще через день наскочили на уходивший в степь, строго на юг, отряд, подобный тому, какой изрубили в первой схватке. Напали на него неожиданно, незаметно подойдя к старому кургану половецкому, где спешилось несколько всадников – «мунгалов». Потому как стремительно бросились они в отступление, бросив даже несколько сбатованных 2) коней, Александр понял, что и эти гололобые нападения не ожидали.

Конники княжеские, обшаривавшие курган, наткнулись на запрятанного в яму (видать когда-то копали грабители курганов) раненого воина, немолодого и, должно быть, знатного. Этот, в отличие от первого пленного, сразу заговорил и назвался:

– Камбег.

Пленный по-кыпчакски говорил свободно, это немало всех удивило.

– Откуда половецкий язык знаешь? – спросили Камбега.

– Воеюем давно, – ответил тот.

– Где?

– Там... На Иргизе... – показал пленный на восток.

– А где он, Иргиз-ат этот? – толковали князья, и кто-то знающий пояснил:

– Далеко. За Хвалынским морем.

– А море таковое, где будет? – вякнул кто-то.

– Ай! – отмахнулся знающий, – толкуй тут с вами... Далёко!

– Вот и слава Богу, что далеко! Авось, до нас не дойдут!

«Ан вот уже и дошли!» – подумал Попович, но про себя. Молча. Князья вокруг стояли – не чину ему говорить.

Александр оставил малый отрядец для подсмору за степью, а сам повернул назад, к Днепру. Гнали по прямой. Доехали быстро. Однако же, Александр о многом успел Камбега расспросить, и много ему стало понятно.

Монголы, так именовался народ незнаемый, кочевали где-то далеко на Востоке. Их разрозненные племена объединил Тэмучин, иначе именуемый Чингисхан. Монголы много лет воевали с меркитами. Кто это такие – Попович не понял. Никогда про такой народ не слышал. Но с меркитами, где-то там, далеко на Востоке, союзничали половцы. Монголы меркитов победили и теперь пришли сюда в Кыпчакскую степь разделаться с их союзниками – половцами. Участь коих, по словам Камбега, предрешена. Они будут уничтожены все.

Воевода Александр дивился выносливости монгола. Терпение, с каким монгол переносил боль, невольно вызывало в нем уважение. Уж кто-кто, а многократно израненный воевода знал, каково это – боль терпеть от ран жгучих. Но самоуверенность, с какой монгол повторял: «половцы будут уничтожены все!» – раздражала и вызывала протест. Поповичу было странно слышать, как говорил это монгол – спокойно, без ярости, без ненависти.

– Да почему же всех половцев надобно уничтожить? Чем же перед вами все-то виноваты, и даже те, кто вас и в глаза-то не видел?

Монгол раскрыл глаза-щелочки, и Александру показалось, что он смотрит с удивлением и даже с долей жалости – будто с ребенком-несмышленишем говорит.

– Страшная болезнь – чума, – сказал монгол, – Как чуму остановить? Откочевать, чтобы сам воздух чуму тебе не принес и не погубил род твой, а всех, кто даже разговаривал с зачумленным – уничтожить и жилища их сжечь огнем. Предательство хуже чумы, поэтому нужно уничтожать не только предателя, но весь род и весь язык его, чтобы остановить болезнь. А половцы – предатели.

– Чума по ветру ходит, а предательство в людях живет, – пытался возразить Попович. – Один предаст, а другой, может, брат его, никого не предавал, чем виновен? Его за что казнить?

– Если брат – значит виновен! Зачумленный же тоже не виноват, что к нему чума прилипла, но чем иначе, чем огнем, от чумы защитишься?

– Ну, а половцы-то наши, кои никогда с вами за морем Хвалынским и не знали, чем виновны?

– Они предатели. Они тоже больны этой болезнью.

– Да откуда?!

– Сюда мы пришли через Кавказ. Через народ аланов. Половцы обещали аланам помогать, но не помогли. Значит, предали! Значит, они больны предательством, они будут уничтожены.

– А мы? Мы половцам союзничаем, что же, и мы больны?

– Да, – с уверенностью, от какой воеводу мороз по спине продрал, отвечал Камбег, – Вы тоже заразились предательством.

– Это как же?

– Мы посылали вам наших людей сказать, чтобы вы не дружили с половцами, не помогали им. Почему вы убили послов? Значит, вы тоже предатели. Вас уже заразили предательством половцы.

– Что же вы, и нас уничтожите? – спросил Попович, уверенный, что монгол начнет от ответа увиливать, но тот ответил спокойно и уверенно:

– Да.

– Смотри, не подавись, собачья блевотина, – наклонясь к самому лицу монгола, прошипел половец Ратмир, что ехал позади воеводы и монгола, и весь их разговор слышал.

Безволосый блин лица монгола расплзся в улыбке, сверкнули крепкие зубы.

– Их... – хлестнул его поперек лица плетью Ратмир.

– Нооо! – перехватывая его руку, сказал Попович, – пленного-то, связанного-то?! Негоже!

Кровь текла из рассеченного лба монгола, заливала щелочки глаз, но не один мускул не дрогнул на лице, и улыбка, широкая, самоуверенная не исчезла.

– погоди, погоди, – хрипел Ратмир, – ужо ты у меня польбисси! Ты у меня польбисси! Ох, как я на тебе сердце отведу, дай срок! Воеводе скажи спасибо, а то бы сейчас у меня на ремни подпружные пошел, а нутро – волкам на пропитание. У меня, небось, не враз помрешь, помучаешься всласть, ... – шипел Ратмир по-русски, забывая, что монгол языка сего не разумеет.

– А хоть бы и разумел, – подумал Попович, – есть ли у него страх или, может, он полумный какой?

Через реку переправлялись войска. Александр заметил уже на этой, степной стороне князя Мстислава Удатного и молодого князя Даниила, сродника его, что состоял при князе на положении воеводы. К нему и обратился Попович, соблюдая ряд и чин – хоть Даниил раза в два моложе Поповича, а происходил он из высокого рода княжеского и сам княжил, а не воеводствовал, как Александр. И, слава Богу, вроде, не глупой у Мстислава зять-ат! Попович вычислил верно. Даниил быстро прошел в Великокняжеский шатер, и вскорости оттуда вышли несколько князей пленного посмотреть.

Попович отошел к обозу. Отыскал две своих телеги. Тамила – не то тиун его, не то оруженосец, с Никишкой, сыном своим, обрадовано кинулись навстречу.

– Ну, как ты там?

– Да как вошь под шапкой – в темноте. Тычемся тут без толку. Места неизвестные, лесные. Одно слово – идем вслепую, наугад. Слава Богу, хоть трава да вода есть, а как прижарит солнце да трава погорит – вот тогда и завертимся... – воевода разговаривал с Твердилой, своим рабом, откровенно – стар Тамила, опытен, верен.

– Так ведь половцы ведут.

– Куда-то еще заведут... Им самим эти места – дальние. Они тут, почитай и как мы – небывальцы.

– Бродников бы наймовать. Бродничьи вожи самые знающие.

– То-то и оно. Да их где взять? Разбежались по степи. И так скрытно живут, по рекам хоронятся, а теперь их вовсе не сыскать. Ни одного бродника, уж сколь дней идем, не видел. Ушли, не то попрятались.

– Да и не стали бы бродники князьям да половцам служить! – встрял Никишка.

– Уж, ты вывел! – засмеялся воевода.

А Никишка, почесав потылицу после отцовского подзатыльника, чтобы в разговор старших не лез, не унялся:

– Я одного бродника знал. Дружество с ним водил. Так он на князей да на половцев, как собака, зубы скалил. Баил: князья де у нас все ловы отняли, со всех сторон степи распашкой давят. Дичину охотами своими с мест сбивают, реки сетями перегораживают, а половцы и того хуже: бродников имают, где не встретят, да в рабство за море продают.

– Это верно: половцы-то, известное дело, с того живут, что людьми торгуют, – согласился Тамила.

«Да и князья работорговлей не брезгают – подумал Попович, – Кто половцам пойманных повсюдно рабов к степным границам полонями гонит? Князья! А ины и своих смердов продают».

– Ты доспех-то приготовил? – спросил он, переводя разговор на другое.

– Все в готовности. И доспех конский, и коня... Никишка за ним, как за малым дитем, доглядывает. С ладони зерном кормит.

Никишка подвел коня. Высокий широкогрудый красавец, половецкие кони были много ниже, плясал, бил тяжкими копытами, выворачивал бешеный глаз, ронял с губ пену.

– Смотри, не перекорми зерном-ат, – сказал воевода, – Ишь, сколь тела набрал! Неровен час, осядет на ноги с перекорма – хлопнул он любимца по крупу.

– Чай, мы по зернышку, по счету. Не сомневайся, как пойдет настоящая сеча – обрядим тебя да коня в доспех – поезжай с Богом. Всех сразишь, а сам невредим будешь!

– Хорошо бы, когда так! – вздохнул воевода.

– А как не так? Вон половцы да мунгалы эти, на чем ездят? Почитай, на собаках резвых. Ты на нашем-то конике вопоти них как медведь вопоти сусликов!

– Собаки медведя валят, когда скопом налетят!

– Ин медведь-то, чай, без доспеха, – осклабился Никишка.

– Пряма ты, Никишка, – засмеялся наконец Попович, – стратег византийский. Смотрите, ежели всполох какой будет – сами меня находите. Мне, может статься, от сотни своей не отойти. Сами ко мне с доспехом пробивайтесь.

– Не сомневайся. Пока легкоконные да лучники начнут с супротивником стрелами переводываться, мы враз и тута. Успеем и тебя, и коня в доспех обрядить.

– Да мы зане коня-то обрядим, – сказал Никишка, – прямо в доспехе к тебе подведем.

– Не надо – сказал Попович, – Жара вон какая! Затомился конь в доспехе. Кто его знает, как оно пойдет.

К ним подскакал гридень из его Поповича сотни.

– Воевода, – сказал он, отирая рукавом пот – солнце уже припекало, – Князь Мстислав пленника твоего Камбега половцам на распыл отдал!

– Как половцам?

– А вот так! Его воля – его власть! – каркнул, будто ворона, гридень. Оправил ремни от круглого щита, что висел у него на спине, и смачно плюнул в пыль.

– Неподобство! – ахнул Тамила. – Бог накажет!

– Уже наказует, – сказал воевода.

3.

Князь Даниил нагнал Поповича в степи. Поехал молча рядом, стремя в стремя.

– Сам посуди, – сказал князь вдруг, словно продолжая прерванную беседу, – В степи идем. Здесь конница надобна. А у половцев все войско – конно. Без половцев нам пешцев не прикрыть, потому князь мунгала сего им и отдал. А вот вчерась от мунгалов посланцы были, и речи были их супротив нас, а мы зато ничего: отпустили с миром.

Воевода молчал.

– Чего молчишь? – спросил князь.

– А что тут скажешь, когда дурь на глупость превыше небес городится!

– Как это?

– Пришли посланцы от монголов в первый раз. С миром пришли. Вы их убили! Смертельных врагов нажили! Камбега этого раненного – запытали половцам в угоду! А иных монголов, кои пока сюда шли, все высмотрели, все дружины пересчитали – отпустили.

– Да теперь-то все едино. Скоро лицо в лицо сойдемся. Они и так про нас все ведают.

– Эх, Русь ты моя бестолковая, все-то у тебя не в лад! – в сердцах сказал воевода.

– Что ж нам, с этими мунгалами вонючими надо дружества искать?

– А на что врагов лишних наживать? Что они против нас сделали? С половцами воюют, ну и пушай! Мало ли, что у них в степи делается! Куды мы поперлись всей Русью, города свои бросив? А ну как, пока мы тут в краях незнаемых шляемся, с Запада рати придут? А?

– Откуда им быть-то? У нас с поляками и венграми замирение.

– Эх... – махнул рукой Попович, – сидите вы тута, дружка дружку грызете, почитай, двести годов, и что вокруг твориться – вам им дела нет. Сказано: зачем знать, что Вавилон пал, когда у меня своя докука: в трубу кирпич завалился!

– Потому с тобой и говорю, – не отвечая на гнев Поповича, сказал Даниил, – Ты в заморских краях побывал, расскажи – как обо всем этом нонешним нашем бытовании мыслишь?

– Да я уж князьям, как из Палестины воротился, сказывал.

– Не было меня тогда.

– Да и князья-то, что были, что не были, все меж ушей пропустили...

– Сделай милость – расскажи, – попросил князь, и это тронуло воеводу. Князь говорил с ним, как с равным.

«Сам, небось, в услужении у Мстислава Удатного ходит, понимает, каков на вкус кусок из княжеских рук» – подумал он.

– Да тут не знаю с чего и начинать.

– С начала.

– А где оно, начало-то? Тут все одно к одному сплетается! Ну, вот сказ по порядку. Всеволод Большое Гнездо потому такое прозвание имел, что от Бога большим семейством был помилован. Семь сыновей, четыре дочери. Старший Константин, дале Борис, коей помре, дале Юрий и Ярослав, иные моложе. Наследовать отцу по закону должен старший сын – Константин. А у него с отцом пря пошла, и завещал Всеволод Владимир-град не Константину, а Юрию. Константину же оставил Ростов. То есть все последование княжения, всю лествицу наследия нарушил. Потому, как только Всеволод помер, началась между братьями усобица. Константин Юрия из Владимира изгнал. Юрий побежал к тестю своему Мстиславу Удатному, ну, а тот и явился с войском. На Липице учинили резню... Я как раз у Ярослава конную дружину вел. Ярослав за Константина, Мстислав, тесть твой, за Юрия – пошла сеча злая...

– А не тогда ли твой Ярослав князь с поля боя сбежал?

– И слава Богу! – сказал Попович. – Константин да Мстислав почти что десять тысяч воев наземь посекали! Своих ведь! Христиан! Десять тысяч! Да каких! Где теперь их найти?!

– Ладно. Я про это сам знаю! Далек говори.

– А что дале? Князья-то, воев своих побившие, замирились, а на меня-то все волками глядят. Это ведь я, что там живого оставалось, из под их мечей с Липицы увел. Мне князь Ярослав и сказал тогда: «Тебя де не простят, что ты мне воев сохранил! Беги – схоронись». А куды мне деваться? Выпросился от Мстислава с Андреем венгерским в крестоносный поход идти. Гроб Господень освободить. Там-то всего и насмотрелся. А главное – снаружи на державу нашу посмотрел, и много чего увидел, чего вам изнутри – не видать. Али сами видеть не хотите. Зажмуркой жить то веселее. Там ведь в пустынях-то иной раз такая тоска возьмет – все думаешь-думаешь про дом, про Русь. И вот тебе мой сказ про нынешний день: на Западе пря полыхает и нас достает! От Ольги Святой да Владимира Крестителя Русь на Византию глядела, у нее помощи всегда просила и получала, а нонь Византии больше нет.

– Как нет? Царьград как стоял, так и стоит!

– Так да не эдак! Ноне болгарский царь Калоян да наши половцы крестоносцев окоротили, изгнали из Византии. Но запомни князь день – 13 апреля! Девять лет назад итальянцы да французы – рыцари крестоносцы над Царьградом надругались. Вот те и христиане, а суть – враги Православия лютые. И нет тех врагов для нас лютее!

– Так ведь возввернули Константинополь же! Цела Византия!

– Знаешь, как ударят человека по голове палицей, он и помрет, а в гробу-то все едино, как целый лежит. Сразу-то и не разберешь – жив ли, мертв ли... Так вот мертва и Византия – глава и наверхие чертога Православного.

– Византия от нас далеко.

– Вчера далеко, а нонь, глядь, ан – близко! Слыхал ли ты, лета два назад, про монголов? А вот ныне с ними ратиться идешь!

– Ну, не стало Византии, так что ж, помирать теперь? Она, может, и раньше не жива была. И раньше про нее мало слышали, и ныне проживем. Рыцари-то эти – христиане суть, неужто нам с ними не договориться? Это же не звери степные – мунгалы, а те князья нами знаемые, христианские.

– О... – сказал Попович, – что нам тогда и говорить! Ты их видал – христиан-то этих, князей знаемых? А ведомо ли тебе, что Константинополь пал, а Рига, крепость сильная, явилась?

– Какая еще такая Рига?

– Немецкая! Крестоносцы- рыцари, по благословению папы римского, начали поход крестовый, да не противу сарацин в странах полуденных, а против ливов да эстиев – у нас под боком! И сколь князья суздальские да новгородцы эстиам не помогали противу рыцарей, а рыцари и ливов, и эстиев побили и примучили...

– А мы тут причем?

– Ах ты, Боже ты мой! – подивился непонятливости князя воевода, – да ведь раньше-то между нами да рыцарями не только леса-болота были, в лесах-болотах – чудь, да эстии, да ливы нам союзничали. А теперь мы, православные, лицо в лицо с рыцарями стоим. Ливы да эстии по воле али неволей, нынче все под рыцарями. И меж нами и немцами – никого. Не мы на запад явились, а запад теперь к нам пришел!

– Ну и что! Теперь, значит, надо с рыцарями союзничать. Рыцари все ж – христиане.

– Каки оне христиане! Латынцы! Рыцари хуже сарацин веру православную изводят! Видал бы ты, что рыцари с эстиями творят, да с чудью православной?! А попадется братьям-рыцарям русский, так с ним и разбору нет – сразу вешают. Союзников у нас, акромья разве что половцев, боле нет. Нигде! Одинока Русь сделалась!

– Земля наша велика, народу много. Отстоимся, Бог даст, противу всех.

– Земля велика, а лада в ней нет! Вот идут, на взгляд – вроде как заедино, твой Мстислав Удатный, князь Галицкий, да Мстислав Черниговский, да Мстислав Киевский – вишь ты, и

зовутся-то одинаково, а дружка дружку не то, что не любят – ненавидят! Вместе на сечу идут, а друг с другом не разговаривают! Как же так можно?!

– Это плохо, – сказал князь – о том и спору нет. Ну, да Бог управит. Сойдутся, глядишь, князя после сечи под единую руку...

– Бог то Бог, а и сам не будь плох, – пробурчал Попович, но уже себе под нос. Князь, вероятно, не услышав от него ничего для себя нового, равнодушно взмахнул плетью и поехал назад к дружине.

– Эх... – вздохнул воевода, – плохой видать из меня толкователь, а и то сказать, что князю из моих слов?

На привале он долго не мог уснуть. И так-то спать стал по-волчьи – урывками. А здесь вовсе сон отлетел, точно в глаза песку насыпали. Все не шел у него из ума разговор с князем Даниилом. Все ему казалось, что плохо он князю толковал, не понял Даниил того, что Попович хотел высказать.

«А сам то я больно понимаю, что высказать хочу?», – подумалось Александру воеводе.

Сколько раз пытался он толковать, особенно с молодыми воеводами, а все не получалось. Они больше расспрашивали Поповича, каково в заморских краях служить, да сколько на прокормление рыцари дают... «Это враги наши страшные!» – иной раз в запале кричал он, но воеводы только усмехались: – «Как же враги, ежели они – христиане!», а иные добавляли: «Враги не враги, а живут много нас вольготнее. У них города вольные, богатые! У них нам учиться надо и дружество с ними водить».

– Дружил конь с волком, одни подковы остались – зато на счастье! – подумалось воеводе.

Припомнил он и виданных монголов, что того первого, что Камбега, и подумалось:

– Кто из воевод нынешних, а не то из князей, вот так с врагом разговаривать сможет, как монголы сии? Косорылые, страх смотреть, примученные, ребра наружу, псиной за сто верст от него разит, небось и не мылся никогда, а уж коли говорит: «Да» – так, видать, и сделает по слову своему! Для них белое – бело, а черное – черно, а нашим-то воеводам, что белое, что черное – все пестро. И в который раз повторил:

– Дрянь народ сделался. Что в черных мужиках бессловесных вороватых да хитростных, что в воинстве, от тягот всяческих княжеской волей обеленных, но не воистых – лукавых да лживых, что не чести ищут, а прибытку, что во князьях, в доспехах светлых блистающих, – дрянь народ! Вот разве что духовенство еще держится закона, а и то прежней крепости, как во святых первых веках, в нынешней церкви не видно. Уж на попов-то насмотрелся, не по прозванию, по родове – попович, – не все Богу служат, которые и мамоне. Сказано: в последние века, перед Страшным судищем Господним греха в храмах станет больше, чем в миру. А последний час, видать, совсем приблизился. Скоро, скоро грядет Вседержитель судити живых и мертвых судом последним праведным...

С тем и уснул. И опять приснился ему мальчонка махонький, тезка его Александр – вторуша³) князя Ярослава. Носил его опять воевода на руках, хватался он за наплечья воеводины, лопотал что-то, глазены тарашил, и так-то от его лепета воеводе хорошо сделалось, что проснулся он в слезах.

– Во как! – сказал он, подымая голову с седла, положенного в изголовье. – Чтой- то слаб я стал на слезу. Старею, – но все ему чудилось детская ручонка, обнимающая его за шею. – Вот как, Александр Ярославич, ты мне в сердце вошел! Неспроста видать... Жив буду, какого не то гостинца тебе привезу...

Половцы вели сбатованных коней на водопой к реке. Воины купались в ней вместе с конями. Кони били копытами, поднимая тучи брызг, блистали на солнце мокрыми боками, фыркали, ржали. Молодые ребята кто в одних портах, а кто и вовсе нагишом плавали вместе с конями, прыгали с конских круп в воду, плескали друг в друга водой. Веселый гомон стоял

над рекою, словно не передовой отряд русской рати шел на сечу неведомую, а гнали веселые конюхи табун коней.

Гул тяжкого топота копыт заставил Поповича обернуться. К реке подошла дружина Мстислава Удатного. Сам князь в алом плаще, в собольей шапке, посверкивая доспехом, картинно встал на высоком берегу. Рядом с ним на вороном красавце тоже в алом плаще стоял князь Даниил. И Поповичу невольно подумалось:

– Вот – князь Мстислав, по всем краям славен. У князя Мстислава два зятя: Даниил да Ярослав. Вот – любимец, потому и рядом стоит, стремя к стремени, а Ярослав – зять не любимый, зять обиженный... Ведь до чего доходило. Когда Ярослав стал новгородцев в покорность приводить, как эту покорность суздальцы понимали, да явился Удатный, мало, что рать суздальскую разбил, у зятя жену – дочь свою – отобрал! Еле потом ее Ярослав назад вымолил. Вот и стоит теперь Мстислав с одним зятем. Хоть и орлом глядит, а орел-то об оном крыле. Эх, орел!.. Зачем монгола половцам отдал? Мог ведь и помилосердствовать над пленным да раненым. Стало быть, и не орел ты вовсе. Погоди, у Бога-то, сказывают старцы, все в книгу пишется... Ужо и тебе зачтется монгол сей, хоть и не христианского рода. Мог ведь милость явить, а побрезговал. Решил половцам угодить. Им – забава, а монголу какво? А ведь он худа тебе, князю, не делал! Ну, говорил поперек, так ведь слово на воротах не виснет... За что на пытку отдавать?

– Как река зовется? – услышал воевода веселый княжеский голос.

Из рати половецкой гортанно ответили, будто каркнули:

– Кхалха.

4.

– Переправляться! – скомандовал князь Мстислав, – Обоз вон туда на холм, а дружины легкоконные вперед!

Князь Даниил повел конницу через реку. Кони фыркали на воду, мотали головами, но, взятые в строгий повод, шли вброд, а там убедившись, что дно надежно и река неширока, скакали плавными прыжками, пока не обрывались в стремнину, где приходилось плыть, но недалеко. Нашупав под ногами дно, они опять веселым скоком выносили всадников на невысокий песчаный берег.

Александр – воевода не сразу повел коня на ту сторону реки. Он еще слышал спор меж князьями – стоит ли реку переходить. И на том, на левом берегу, князья опять принялись собачиться: идти ли в степь или тут отабориться телегами и ждать, пока подойдут неведомые мунгалы.

– А откуда известно, что они сюда подойдут? – усмехаясь, спросил Александр у половеца Яруна, который следил, как его полк переходит реку.

– Потому и спешаем, что неизвестно! – скаля крепкие белые зубы в улыбке, отвечал тот: – Поедем – посмотрим.

Попович смотрел, как легкая половецкая конница, становясь в голову, впереди русской конницы, ведомая Яруном, пошла в степь. Посмотрел, как князь Мстислав Романович, да зять его Андрей, да Дубровицкий князь Александр, разругавшись с Мстиславом Удатным, начали заворачивать обоз и ставить лагерь на высоком каменистом берегу Калки.

– Река-то точно с полночи на полдень течет! – кричал Мстислав Романович, – Всю степь перегораживает, а здесь броды! Непременно здесь монголы пойдут! Тут на броде их и перейдем!

– Вся степь – дорога, где захотят – там и пойдут! – сказал половец сотник Ратмир, – Монголы на бурдюках переправляются.

– Как это?

– У каждого бурдюк. Надуют, не то сеном набьют. Свяжут из бурдюков плот, оружие все на плот вскладши, сами коней за хвосты держат и так-то плывут. Могут и версту проплыть и две. Сколь у коней плыть сил хватит.

– Ловко.

– Потому надо им навстречу в степь идти.

– Это кому в сечу охота, – сказал кто-то негромко у Поповича за спиной.

– А кому неохота, лучше бы вертался до Киева, – не оборачиваясь, буркнул Попович, и тут же подумал с усмешкой, что вот ему-то самому как раз и неохота. Только воротился бы он не Киев, а в Переславль, не то в Новгород, где не печет безжалостное солнце, где нет этой бесконечной увалистой пустыни с гривками роц, подальше от этой военной сутолоки и княжеской прилюдной неразберихи.

После полудня от передовых отрядов прискакали вестники:

– Нагнали! Нагнали мунгалов! Порубили! Скота отбили много. Мунгалы нашего боя не стерпели. Бегут! Князь Мстислав Удатный вдогон пошел, подмоги просит. Всей коннице велит за ним вдогон идти.

Все половецкие сотни, составлявшие легкую конницу, жадно кинулись вперед, чуя легкую добычу.

– А мы что ж, воевода? – спрашивали Поповича гридни.

– А мы-то ведь не половцы, – пытался отговориться он, – это они как блохи скачут. Наше дело – доспех кованый да копье тяжелое, и ломить стенкой, не то стоять несокрушимо. Мы – конница тяжелая.

– Да с кем тут нам в доспехах ратиться? Все округ легкоконны. Айда, вдогон! А то вовсе без добычи останемся. Половцы всю добычу, как шерсть с барана, мигом остригут!

С тяжелым сердцем, покорился воевода гридням. Сытые кони к вечеру нагнали передовой отряд.

Там ликовали. Огромная отара овец, стадо коров, козы блеяли и мычали, загоняемые на ночь в овраг. Ночью жарили баранину и наедались до отвала. Прослышав про большую добычу, от Калки подтянулась почти вся конница.

На рассвете дозорные подняли тревогу:

– Монголы!

На холмах действительно показались редкие всадники. На них пошли Данило Романович, Мстислав Немой и другие молодые князья, да все половецкие конные рати.

– А ты что ж?! – закричал Поповичу Мстислав Удатный, по-молодому, проносясь мимо воеводы на горячем скакуне.

Александр повел гридней на рысях. Он видел, как поперек широкой долины гонят половцы всадников на мелкорослых, мохнатых лошаденках. Вроде бы сшибают их с коней стрелами, хотя больше сами падают, сбитые монгольскими стрелами, кувыркаются через конские головы. Вдоль всей дороги лежат, растянувшись в сторону погони. И вот что показалось ему странным: с седел монголы, вроде бы, сваливались, а на земле их нет.

Он хотел сказать об этом, комунибудь из воевод, но в тысячах всадников, огромной подковой выстроившихся по всему краю долины, не докричаться до воевод.

– Эва, сила, какая! – сказал кто-то из гридней: – Стена!

Но стена быстро редела. С холмов в долину ручьями стекали конные сотни и втягивались в погоню за монголами. Скоро стена превратилась в длинную змею, уползавшую вверх на гребень противоположного склона.

Захваченный общим движением, спустился с холма и Попович со своим полком. Они миновали долину, поднялись на вершину следующей холмистой гряды. Отсюда, было хорошо видно, как далеко-далеко по гладкому полю, превращаясь в точки, уносятся монголы, а за

ними истончившись в нитку, по три– пять всадников в ряду, несутся княжеские конники, вперемышку с половцами, словно идет веселая праздничная скачка – кто кого обгонит.

И вдруг там, вдаль, что-то произошло. По окраине долины, словно закружилась туча. Она стала стремительно наползать на тонкую струйку княжеской конницы. Поначалу, было видно, как отдельные всадники и небольшие отряды все еще вливаются в колонну, преследовавшую убежавших монголов. Они все еще шли вперед, но навстречу им уже катился пыльный вал, перекрывая степь от края и до края. В нем тонула княжеская и половецкая конница. К ужасу Поповича, на всех конях, с коих, казалось, были сбиты монголы, они явились вновь! Целые и невредимые!

– Что это, что это? – тянули шеи гридни, а Попович, чувствуя непривычный холод под сердцем, страхась верить своим глазам, уже все понимал!

Он не успел ничего скомандовать, когда мимо пролетел, держась за грудь, весь окровавленный князь Даниил, а за ним на обезумевшем коне князь Мстислав:

– Вооружайтесь, вооружайтесь! – кричал он, призывая тяжелую конницу облачить в доспехи коней и всадников и стать стальной стеной на пути этой несущейся пыльной лавины. Но дружинники падали под градом стрел, не успев меча вынуть, не то что натянуть доспех или поднять щит.

– Какое там «вооружайтесь!» – закричал Попович, – Отходи, ребята!

Спасение теперь оставалось только в быстроте коней, что гридней, ожидавших его, были не утомлены и с места приняли в галоп. Попович скакал, гоня коня во весь мах, боясь оглядываться, но сзади все яростней, все неотвратимей нарастал гул тысяч копыт. Несколько раз мимо него свистнули стрелы, и гридни, скакавшие впереди, будто переломившись, повалились с седел.

Вал бегущих всадников, гонимый еще большим валом догоняющих, сметал всех, кто пытался хоть как то построиться в ряды и выставить навстречу коннице копыта. Бестолково, стадом бегущие дружинники и половцы, и неотвратимый вал преследующих, словно мокрая тряпка пыль с половицы, мгновенно и бесследно стирали жидкие ряды встающих в оборону пешцев.

Попович нагнал Мстислава и Даниила у самой Калки. Молодой князь болтался в седле, будто кукла, набитая тряпками. Рывком схватил воевода княжеских коней за поводья, затянул в воду, кони поплыли, и Попович, не отпуская поводья, потянул их по течению, вниз по реке, в сторону от толпы бегущих.

– Что это? Что это? – повторял Мстислав, поддерживая, теряющего сознание Даниила: – Их ведь не было! Откуда они явились в силе такой?..

Всадники выбрались на берег в каком-то густом кустарнике. По зарослям продираясь, поднялись от воды на береговой откос. Попович оглянулся на реку. Визжащий вал вражеской конницы въезжал и плыл через реку, передовые всадники уже выметывались в туче брызг из воды и мчались по этому берегу.

Редкие кучки пешцев щетинились копьями. Но монгольские всадники, не подходя к ним близко и не теряя темпа скачки, мгновенно засыпали их сотнями стрелами, превращая каждого убитого в ежа.

– Тащите князей к Днепру! – приказал Попович нескольким уцелевшим гридням, а сам, поворотив коня, попытался вернуться туда, где прежде был обоз, и теперь – в кольце телег, оцетинившихся кольями и копьями, стояли несколько сотен воинов и виднелись не срубленные стяги Мстислава Романовича и князя Андрея Добровицкого.

Монголы, выстроившись в страшный хоровод из сотен несущихся по кругу коней, не подъезжая к укреплению, засыпали его стрелами. По реке, багровой от крови, словно бревна при сплаве, густо плыли, истыканные стрелами, трупы. Все без доспехов – не успели обрядиться и вооружиться.

Затаившись в кустах, Попович видел, как на третий день выходили из-за обозов князя. Как бродники, явившиеся в войске монголов во множестве, в мохнатых шапках своих, вязали князей. Как прорвавшись за телеги, бродники и монголы вязали изнемогших от жажды дружинников.

Он поймал коня, одного из стоявших над еще умирающими хозяевами. Растянувшись во всю степную ширь, неотвратно к Днепру двигались цепи монгольских всадников, как степной пожар траву, добывая на своем пути всех, кто еще двигался. Как волк, хоронясь по оврагам, пробираясь впереди монголов только ночью, воевода суздальский Александр Попович добрался до Днепра. По всему берегу догорали остовы лодок и больших стругов. У тех же, что издали казались целыми, были прорублены днища.

– Князь-надежа, Русь оборонил!

Князь Мстислав все лоды прорубил!

припевал бродивший среди углей и щепок, какой-то безумный – седой, в кольчуге, но босой.

– Мстислав Удатный, княже благодатный!

Сам уплыл, а лоды порубил...

пел сумасшедший.

Александр-воевода искал хоть какое нибудь бревнышко, чтобы, держась за него, попытаться переплыть на другой берег Днепра. Хотя Днепр здесь – широк, многоводен и быстр. Переплыть его – все равно, что переплыть море... Сознание Поповича мутилось и ясно понималось только одно: что так погибать, что эдак...

Он успел снять пояс с мечом, сапоги и кольчугу, когда сумасшедший вдруг умолк, закончив свое пение странным булькающим звуком. Попович подошел к съезжившемуся у обгорелой лодки безумному певцу и увидел торчащую у него в шее стрелу.

Попович поднял голову, привычно ища взглядом, откуда стрела послана. Прямо перед ним, сажень в тридцати, стояли монгольские мохнатые кони. Плоские лица всадников блестя, смазанные жиром.

– Вона, значит, на что ты меня, тезка, благословил... Александр-воитель...

Усмехнувшись, Попович повернулся к монголам спиной, и широко перекрестившись, шагнул в Днепр. Несколько стрел воткнулись ему в шею, в спину и в голову. Раскинув руки, он упал в волны и медленно поплыл на низ к Черному морю.

Всадники, на мохноногих лохматых лошадях спустились к самой воде. Не слезая с седел, подобрали его кольчугу, меч. Один поднял стоптанные сапоги, потрогал оторванную подошву и зашвырнул их в Днепр.

Погребальный звон и бабий вой вознесся и повис над раздерганной на княжества Русью. Молва передавала страшный рассказ о предательстве бродника Плоскини, который крест целовал на том, что монголы ни капли крови сдавшихся князей не прольют. Они и не пролили. Уложили князей на землю, навалили на них помост и сели пировать. Раздавленные князья – задохнулись.

А где оно – предательство? Плоскиня-бродник не был княжеским холопом. На верность не присягал. Плоскиня князьям – враг лютый, сие верно, но не предатель. Неизвестно, за что он мстил им, но явно обиду кровную имел. Мстил изощренно, затейливо, как принято у степняков, так, чтобы славушка о его мести далеко пошла. Знал ведь, наверно, что монголы, уважая своих противников, не прольют ни капли их крови, сохраняя для князей возможность возрождения к новой жизни. На том и крест целовал: «Мол, ни капли вашей крови монголы не прольют!». А в том, что убьют, хотя и бескровно, но люто, не сомневался, да вот князьям

не сказал. Князя убили послов, потому их уничтожили как носителей самой страшной заразы – предательства.

Уцелевшие половцы в своих полупустых, обезлюдевших и голодных вежах передавали известие, что лютые их враги монголы пошли к Дунаю, а оттуда повернули назад к Волге и там, на волжской переправе, их перебили болгары.

– Так их наказал Бог за нас – куманов! – возносили половцы молитвы богу степняков – Великому Тенгри.

– Это им за воинов наших, за князей воздал Господь Вседержитель! – крестились в княжеских теремах и курных избах по всей Руси.

И верилось, что нет боле на земле злых мунгалов – людей чуждых язык, прежде неизвестных, и не вернуться они из-за гор высоких, из-за моря Хвалынского, от страны Киттим – никогда. Прошли как пожар, как чума и сгинули...

Только мудрые старцы, монахи смиренные, в скитах молитвенно подвиг свой творящие, имеющие дар прозрения будущих времен, говорили: что на диком звере, что на мунгале – вины нет. И победили они не потому, что сильнее оказались. Не мунгалы сильны, Русь – слаба! А сей приход воев неизвестных из самой преисподней – предвестник последних времен и конца света. И что надобно народу православному, князьям да боярам, воеводам, гридням да крестьянам покаяться! Возможно, Господь Вседержитель по неизреченному милосердию своему отодвинет кончину веков, дабы народ мог совершить покаяние полное – не единой молитвой в храмах, перед иконами, а как пред лицом Господним – не токмо словесно, а трудами и молитвенным деланьем ежедневным, чтобы оправдаться на скором Страшном Судище. Еще можно успеть примириться меж собою всем братьям, всем сродникам, а пуще детям и родителям, простить друг другу обиды, забыть распри. И теплилась надежда, что как в книге пророка Ионы простил Господь и помиловал град Ниневию, может, пронесет Господь чашу смертную и мимо Руси, не лишит народ православный державы его.

Старцев слушали, умиляясь, плакали, во всем с монахами праведными соглашались, но жили по-прежнему, не меняясь ни в чем, ни на волос. Вспоминая же смертное избиение дружин княжеских и князей на Калке-реке, крестились в страхе, да шептали:

– Слава Тебе, Господи, было и прошло – пронесло... Авось, и в другой раз пронесет!

И ничего ради страха и опасения будущих времен не делали.

Ан, вот не пронесло!

Часть первая

(1220 -1239 гг.)

На хорах Святой Софии

Глава первая

Знаменья

1.

«...О сих же злых татарах... не ведаем, откуда пришли на нас и куда опять делись; только Бог весть...» – Александр перевернул тяжелые страницы и отыскивал пугающие строчки под годом 1223-им, что уже не раз перечитывал:

«Того же лета была засуха сильная, и многие леса и болота загорались, и дым сильный шел, так что недалеко можно было глядеть людям; словно мгла к земле прилегала, так что и птицы не могли по небу летать, но падали на землю и умирали. Того же лета явилась звезда на западе, и шли от нее лучи, невидимые людям, но словно с юга по две, восходя, с вечера после захода солнца, и была величиной более иных звезд. И пребывала так 7 дней, а после 7 дней явились от нее лучи к востоку; простояла так 4 дня и сделалась невидима».

Александр отчетливо помнил, как именно про эти знамения говорил десять лет назад князю Ярославу владыка.

– Опомнитесь, князья! – стучал он посохом, – что вы творите! Зверь зверя, себе подобного, не трогает, а вы брат брата, аки каины проклятые, терзаете. Русь зорите, поганых наводите на города русские, гордыни своей ради...

– Верно, верно... – сокрушенно кивал тогда князь Ярослав.

– Да что ты головой мотаешь, как мерин над овсом! На себя оборотись! Хорош! О душе подумай! Зачем ты за высоким столом киевским бегаешь?! Чего тебе недостает?! Сиди в Переяславе – народ сохраняй, тебе, князю, данный. Позвали в Новгород – ступай. Нет, ты всех примучиваешь! Не гош Новгороду – уходи с покорностью. Нет, ты люди казнишь! Сказано в Писании: «Прежде чем в храм идти ко Господу, примиришься с братом своим!» А вы миритесь?! И вы дерзаете еще Бога о чем-то молить?! Истинно, истинно, по милосердию Господнему неизреченному Земля еще стоит, уже до краев грехами вашими наполнена. Сосуд зла – каждое княжество! А вы, князья, яко пьяницы неупиваемые, друг у друга княжества, будто чаши пиршественные, из рук рвете. А чаши-то сии не то пусты вовсе, – по край доверху грехами полны! Что вы творите! Дерзаете крестное целование нарушать, слезами лживыми плача! Кого обмануть хотите, слепцы! Опомнитесь! Ибо скоро восплачете, не слезами, но кровью! Господь вас знамениями увещевает – не видите! Чем вас еще образумить?! Каким знамением?! Кончина веков при дверях, а вы о мирском печетесь и грехи умножаете! Каких вам еще знамений надо?! Перед Калкой Господь знамению посылал – не вняли! И полегла рать русская бесчисленная... И теперь Господь знамения шлет!

И верно – были от Господа знамения! Были! Александр ясно помнил, ему тогда уже десятый год шел, на литургии в храме стоял с Феодором, с матерью, с братьями, а нынче в летописи письменным подтверждением удостоверился:

«В лето 1230–е, 3 мая, на память святого Феодосия, игумена Печерского, в пятницу, во время святой литургии, когда читали святое Евангелие, в соборной церкви Святой Богородицы во Владимире затряслась земля, и церковь, и трапезная, и иконы задвигались по стенам, и паникадила со свечами и светильниками заколебались, и люди многие изумились... И то все было по всей земле в один день, один час, в час святой литургии...

Того же месяца в 10-й день, в пятницу 5-й недели по Пасхе, некоторые видели, что восходящее солнце имело три угла, как коврига, потом казалось, как звезда, и так исчезло, потом через некоторое время вновь взошло своим чередом. Того же месяца в 14-й день, во вторник 6-й недели по Пасхе, во втором часу, солнце начало исчезать на глазах у всех людей, и осталось его мало, как месяц трех дней, и начало снова наполняться...» (из летописи Сташего извода)

Еще скотина со страху мычала, и собаки металась по улицам, и народ, как безумный сделался, – вспоминал Александр, – тогда же митрополит возгласил со слезами:

– Быть бедам! Не минует семилетие – быть бедам великим!

Помнится, отец тогда еще спросил:

– Отчего, владыка, семилетьями счисляешь?

– Ай, не помнишь, княже, что семь лет назад было?

– Как не помнить! Мунгалы, не то таурмены зовомые, Русь с половцами на Калке побии, да князей подавили помостом пиршественным. Грехи... – вздохнул отец.

– Думаешь, прошло и миновалось? И не воротятся мунгалы сии?

– Помилуй, Господи!...

– Думаешь и пришли незнамо откуда, и сгинули неведомо куда?

– И то!.. Как в преисподнюю.

– Вот хоть бы и в преисподнюю! Так ведь теперь-то оттудова к нам им дорога знаема!

– Так что, владыко, располагаешь – обратно явятся?

– Они ли, иная ли казнь, а воздаяние будет! Аль не помнишь знамения по всей Руси и в то лето? Погром на Калке 30 мая содеялся, перед тем знамения были, а знамения нынешние, с теми схожие, стало быть, не о Калке, но о грядущих бедах! Ждите конца веков! Скоро уже! Всё к тому!

2.

Свеча перед новгородским князем Александром истаяла, загасла и украсилась тонкой струйкой дыма. Но он не заметил, что уже светало, и около тусклого оконца, подле коего он сидел, света теперь стало достаточно.

– Господь, по милосердию своему, все ждал, что народ опомнится, что предстатели за народ свой перед Господом – князья да владыки земные – покаются, и по раскаянию их Господь отведет казнь... Да вот не раскаялись, и не миновал гнев Господень Русь!

Александр помнил тогдашний страх, после знамений, что будто пригнул всех к земле. Все ждали конца света. Ждали, но ничего не желали изменить в жизни своей.

Однако раньше еще этого всеобщего страха от непонятных знамений пришел иной, его, Александра сына Ярославлева князя, страх! Страх от людей, от их бессмысленной и неистовой злобы.

Впервые они с братом Федором были оставлены отцом в Новгороде, когда ему едва минуло пять лет, а Федору, брату старшему, шел седьмой годок. Не княжить, конечно, но княжеский престол в Новгороде занимать, дабы всем ясно было – Новгород подвластен Переяславскому князю Ярославу, его же сыновья в Новгороде и оставлены!

Первые-то три года – еще ничего. Даже с горок на санках катались, не все же было деревянным мечом, а вскоре и тяжелым кованым, учиться махать да с толмачами, по-русски едва разумеваемыми, чужие языки запоминать, с иными наставниками за учением книжным сидеть, да стоять в храме длинные службы. Было порой время и на недолгие игры да потехи.

А уж как по Ильмень-озеру в стругах катались! И на веслах, коими гребли дюжие гридни, и вовсе налегке – под парусом! И рыбу ловили неводом или накидными сетями! А пуще того нравилось Александру с удочкой сидеть. Особливо по осени, когда комары не донимают.

Со временем бы, наверно, приохотился бы он к занятию истинно княжескому – охоте. Если бы отец в Новгороде с сыновьями пребывал – тогда конечно! Но отец был далеко, княжичи еще для самостоятельной охоты маловаты. Да и опасно без дружины по новгородским лесам разезжать. Кто его знает, кто по лесным чащобам да болотинам тaitся. Что ни год волхвов-язычников, кои порчу на христиан и на скотину христианскую наводят, лавливали. Да они и сами попадались! Лезли, как воши, словно из под земли. Повыведут их, повыведут, в погребца посажают, а то утопят либо сожгут, а через малое время, глядишь – опять иные им подобные на моление сатанинское народ сокликают да головы простым людям морочат волхованиями своими.

Собрать народ оружный да по лесам пройтись, чтобы навсегда сброд этот богопротивный извести, княжичи не могли. И воинов маловато, и народ здешний – путаный: в церкви ходит, а на всех перекрестках дорожных кринки с молоком стоят – для русалок, первую рыбу – не в монастыри, а водяному. Случись какая болезнь – к бабке-ведунье. Так что Господу Иисусу Христу молятся, а жертвы волхвам несут.

Да и места-то здесь беспокойные, что ни год – то литва набегает, то чудь с водью, купно соединясь, бунтуют, либо поврозь на проезжих дорогах да на речных путях шалят: когда рыбаков в полон утащат либо жизни лишат, когда купцов ограбят да побьют. И все сие – не своею хоть бы и дурью, а немцы да свеи их на Русь науськивают, да подзуживают, да посулы богатые обещают. Ну, и укрывают, конечно, самых-то ярых разбойников во владениях своих – кормят, врачуют и вооружают. Но это зло привычное – новгородцы и всегда живут с опасением, земля новгородская на краю Руси, чужой язык, чужая вера под боком. Постоянные стычки и сечи с

разными супротивниками здесь за обыденку. То от грабителей отбиваются, а чаще сами грабить идут!

Но в лето 1229 пришел страх иной. Сотворилось в самом Новгороде великое смущение и распря, и жизнь на княжеском городище сделалась совсем страшной.

Он помнил, как сидели они с братом в темном тереме: двое еще совсем мальчишек малых – Александру шел десятый год, Федору – одиннадцатый. Сюда, за две версты от Новгорода, за крепкие стены острога и вековые бревна терема княжеского доносился колокольный набат и смутно – страшный гул толпы, что денно и ночью бушевала в городе. Вои, стоявшие на страже, изнемогли на стенах от бессонницы, ожидая, когда буйная толпа повалит из города под окна и бойницы княжеского городища.

– А и что бы они, вои ти, сделали? – сказал молодой князь вслух, – горсть супротив сотен черного народа?!

Голос его неожиданно громко отдался под сводами хоров Святой Софии, где хранилась вся книжная премудрость Господина Великого Новгорода, и где теперь Александр просиживал ночи напролет, перелистывая тяжелый лоснящийся холодный пергамент летописей.

Князь от голоса своего вздрогнул. Оглянулся. Но никого в храме, кроме него, не было. Сторожа княжеская дремала внизу у входных соборных дверей. Потянувшись с хрустом в плечах, князь снова углубился в чтение и словно бы вернулся в те, слава Богу, минувшие года.

«Той же осенью начался дождь велик на Госпожин день 4)– шел и день, и ночь, так что и до Николина дня 5) не видели светлого дня: ни сена людям нельзя было добыть, ни нивы возделывать».

Запомнил! Запомнил Александр тогдашнюю черную осень. День и ночь поливал холодный проливной дождь, будто хляби небесные разверзлись – не было ему окончания. Раскисла вся земля, потонули в непролазной грязи дороги, вспучились болота, переполнились водою реки и залили прибрежные села поля и огороды не веселым весенним половодьем, а ледяным осенним паводком. Вымокли все озимые хлеба, сгнило в стогах сено, обрекая на голод скотину.

И словно черная вода, заклокотало, забурило в народе новгородском недовольство, поднялось, как пенная шапка над кипящим котлом, злобою и вылилось на площадь гневными воплями веча. Там, на вече, прилюдно, черный народ, исходя криком, искал причину постигшего Новгород несчастья.

– По грехам! По неправде! – горланил, не чуя ледяного дождя, осатаневший посадский люд. И тут же, верно кто-то хитростный, причину подсказал:

– Епископ де Арсений поставлен не по закону! Он, дав мзду князю, сверг владыку истинного законного новгородского Антония 6), и той Арсений захватил престол владычный, при попустительстве и силе князя Ярослава!

Пошло с тех воплей немислимое! Озверевшие смерды выпихнули Арсения с владычного двора – едва не убили. И полыхнул в городе голодный, яростный мятеж!

«... Пришел в смятение весь город, и пошли с оружием на тысяцкого Вячеслава, и разграбили двор его, и брата его Богуслава, и Андреичев, владычного стольника, и Давыдка Софийского, и Судимиров; а на Душильца, на Липинского старосту, послали грабить, а самого его хотели повесить, но ускакал тот к Ярославу – князю, а жену его схватили, говоря, что «те на зло князю водят»; и был мятеж в городе велик... Тогда отняли тысяцкое у Вячеслава и дали Борису Негочевичу, а к князю Ярославу послали на том: «Поезжай к нам, забожное 7) отмени, судей по волостям не слать; на всей воле нашей и на всех грамотах Ярославлих 8) ты наш князь; или – ты по себе, а мы по себе» (Из летописи).

3.

Александр и Федор тогда еще, по малолетству, толком не разбирали, почему смутились и о чем кричат новгородцы, чего требуют. Запомнился только страх, что начался при знаме-

ниях немислимых и, всё усиливаясь каждодневно, не проходил. Те страшные дни и особенно ночи оставались памятни Александру всю жизнь. Томительное время, когда они с Федором старались не выходить не токмо за крепкие бревенчатые стены городища, но и из терема-то княжеского носа не высовывать.

Забившись в домовую церковь, братья либо молились, со слезами умоляя Христа и Богородицу спасти их, либо слушали жития святых, кои читал, в наставление и поучение юным князьям, монах. В те страшные дни их даже грамоте, языкам и воинскому искусству не учили, и это отсутствие обычных ежедневных занятий только умножало томительное ожидание беды.

Снова и снова просили она монаха читать житие святых благоверных князей Бориса и Глеба, святых русских, сродников своих. Потому, может быть, и понятны были они, и любимы братьями более чем, скажем, византийские святые и великомученики или ветхозаветные пророки и страстотерпцы.

Сидя на низенькой скамеечке, держась за руки, в окружении нескольких, облаченных, страха нападения ради, в полный доспех воинов, ловили они каждое слово в монотонном полупении чтеца. Им казалось, что это их судьба, что они – князья новые Федор и Александр, как прежние князья праведники Борис и Глеб, должны последовать Господнему завету, и, во искупление грехов человеческих, принять венец мученический, имени Божьего ради.

4.

После чтения казались себе Федор и Александр новыми мучениками Борисом и Глебом, страх сменялся странной какой-то лихорадочной радостью, что вот и их Господь сподобит прияти мученический венец, подобно святым сродникам их сто лет назад. Но такая радость приходила только на молитве – всегда со слезами, а по все дни – тоска и страх душили, гнули свинцовой тяжестью.

Ночью, сморенные усталостью, не снявши тулупов с доспехов, валились на лавки гридни. Притулившись в уголке подле анаоя, посапывал монах-чтец, и только дозорные перекрикивались на стенах. Александр с Федором выбирались из-под душного пухового одеяла, из под медвежьей шкуры, коей была накрыта их постель.

Босые, в одних рубахах становились на колени перед образами и молились горячо, со слезами, о спасении.

Но, казалось, что спасение невозможно. Дождь не прекращался, все лил и лил, и мятеж в городе день ото дня набирал силу. Темной ночью то дальше, то ближе вспыхивали пожары, и разливался над Волховом звериный вой толпы, прорезаемый истошными женскими визгами.

И не уплыть, не убежать от этого страха невозможно – дождь залил струги, дождь размыл все дороги – кони вязли по брюхо, и не то что телеги застревали в непролазной жиже, а и всадники тонули, ежели не удавалось им, бросив коня на погибель, выползти по торфяной или глинистой жиже на твердое место.

В Новгороде разразился голод. Под княжеские стены собирался оборванный, умирающий с голоду, нищий люд, прося милостыню. И хоть за стены княжеского подворья их не пускали, со стен подавали хлеб и иные припасы.

Братья сами спускали на веревках корзины с едой, и лучники, натянув тетиву, грозно требовали, чтобы хлеб делили поровну, не рвали друг у друга кусков, не забижали слабых. И народ слезно благодарил княжичей.

Но однажды ночью, на молитве, неожиданно Федор обернулся к Александру и сказал:

– А ведь голодные сии неправду и зло своё все же творят!

– Как? – удивился Александр.

– Да они, от стен отойдя, все едино у слабых пищу отымают!

– Что ж делать-то?

– Пушай при нас едят! – сказал Федор, – Поставить столы! Пушай при нас, за столами, посля молитвы, со смирением пищу приемлют и тут все съедают!

– А как же, ежели у них домашние в хворости или дети малые!

– Детей пушай сюды несут, – подумав, сказал Федор, – а уж кто совсем в хворости – тех на волю Божию. Всех не спасешь...

И подивился тогда Александр не по годам умному решению брата своего, но все едино до утра плакал, представляя, как в десятках землянок и курных изб в холоде и голоде погибают люди и дети малые...

Заутра столы поставили и лавки. Феодор с Александром, не слушая запрещений тиуна Якима, вместе с попами и монахами вышли раздавать голодным хлеб.

Страшно было идти среди леса черных рук, словно среди кустарника живого проламываться. Тяжело видеть, как гридни отпихивают напирющую толпу, хлещут народ бичами, будто скотину. Удивительно слышать сквозь слова благодарности иной крик – проклинаящий князей...

Всем хлеба не хватило и, укрывшись за спинами гридней, что пятились, выставив перед собою копыя, Александр и Федор воротились за стены.

– Всех не накормишь! – строго, словно, повторяя слова Федора, сказал тиун Яким, – Завтра никуда не пойдете! А не то велю вас под засовы посадить! Мне ваш отец на то волю дал!

Но ночью вдруг стало необычно тихо. И когда утром братья выскочили из терема и поднялись на стены, то увидели сияющую снежную белизну, покрывающую всё видимое пространство земли. Все поля, все луговины покрылись снегом, только чернела и покрывалась туманом, замерзая, вода в Волхове да в Ильмень озере. Но вот поднялось солнце, и вода стала нестерпимо синей. Разведрилась. Открылась голубизна просторных чистых небес...

Веселые гридни, отфыркиваясь паром, словно кони, таскали воду и поливали скаты у стен. Политые мокрые откосы парили – схватываясь льдом. Дороги еще не стали, и лед еще не покрыл воду, но зима пришла! И хоть не утих гул, вновь наполнивший Новгород, и по ночам все так же вспыхивали в городе злые огни, а надежда на спасение появилась. Задули ледяные ветра, помела, погнала снежные вихри слепящая пурга. Разогнал мороз горластое вече. Полезли смутьяны да горлопаны к печкам – отогреваться. Но мятеж не утих и каждую минуту мог полыхнуть снова и покатиться сюда под стены княжеского городища.

Потому, скрадом да тишком, в метельную февральскую ночь 9) выехали верхи, без обоза, из ворот Городища, и поскакали посреди отряда конных гридней княжичи на Низ к Суздалю.

А вослед им летела новгородская грамота, список которой вот теперь, в лето, читал, сидя на хорах в Святой Софии, шестнадцатилетний князь Александр Ярославич:

«Да если какое зло задумали на Новгород, то и побежали, а мы их не гнали, но братию свою казнили; а князю никакого зла не причинили. Да будет им Бог и крест честной, а мы себе князя промыслим. И целовали Святую Богородицу, что быть им всем заодно, и послали за князем Михаилом в Чернигов...» (Из Новгородской Первой летописи старшего извода).

Самую грамоту Александр видел прежде, у отца в Переяславле, и смысл ее тогда отец им растолковал. Был этот смысл совсем иным, чем хотели представить дело новгородцы.

Глава вторая

Лествица

1.

Прискакали они в Переяславль и сразу, как ввалились в княжеский терем, по наущению наставников – боярина Федора Даниловича да Якима тиуна, пали в ноги князю Ярославу.

– Прости князь, не удержали новгородцев, – возгласили, горестно трясая бородами, боярин Федор Данилович да тиун Яким, – пришлось, аки татям в нощи скрываться да убежать! Совсем новгородский люд ополоумел!

– Да полно вам казнить! – сказал князь. – Сыновей сохранили в целости, на том спасибо, а новгородцам-баламутам вот я пропишу ужо! Попомнят они у меня, как черниговцам кланяться, да князей менять!

Князь поднял сыновей с колен, обнял, расцеловал:

– Господи, выросли-то вы как! Совсем молодцы стали! А новгородцы заслуженное получают!

– Новгородцы – пустобрехи, – говорил отец, – княжеской власти ни во что не чтут, потому и норовят менять князей почасту. У них, у горлопанов, которые – за нас, за Суздаль, которые – за Чернигов, а ины, один Бог знает, чью руку держат! Жить норовят вовсе без власти! Кабы им сила воинская не нужна была, так и вовсе не пускали бы князей в Новгород! Дрянь народ! Это ведь они не сами крамолу измышляют – их черниговские князья подзуживают! Под руку князя Черниговского новгородцы, нам в пику, давно пойти подумывали! Они ведь что?! То суздальские приверженцы силу возьмут – черниговских ломают, а то черниговские – суздальских! А суть всему – корысть! Новгород торговлей стоит, вот они новгородский торг и делят! Не милы им никакие князья вовсе! Всех сдадут и продадут, а милы им одни великие прибыли! Дрянь народ! Князья потребны только для защиты богатства новгородского.

– Да какие там богатства, – сказал княжич Федор, – народ черный с голоду мрет!

– Народ черный – навоз! Он завсегда в бедности! Богатство у нарочитых! У золотых поясов! Золотые пояса все ворочают! А они, небось, не голодуют! И сколь у них злата, серебра да рухляди мягкой югорской 10) – никто не считал! Много в кубышках и дирхемов, и талеров, и своего серебра гривенного. Вот им князь и надобен, да не свой владетель, а приглашенный, чтобы не токмо от супостата оборониться, но и супротив своего народа черного силу иметь! Каб тот народ, с голодухи ошалев, не взбунтился да дворы их на дым не пустил! Но только князь им надобен вовсе ихней воле покорный, а такого где сыскать? Вот они и норовят князей менять, будто коней в запряжке. И опять хитро! Чуть народ взбунтуется – князя долой – давай нового! Мол, во всех бедах князь виноват, а не золотые пояса! Князь, мол, худой попался – давайте сыщем доброго! Так вот и мудруют, а власть-то из кулака не упускают! В Новгороде, слышь-ко, у князя – сила, а у золотых поясов – власть! А ведь так-то не по воле Божьей, ибо сказано: глава дому муж, глава державе – князь! Он за все свои люди, чада и домочадцы перед Богом на Страшном суде ответчик, а не пояса золотые!

– А они что же, и суда Божьего не боятся? – спросил Федор.

– Суда Божьего только скотина бессловесная не боится. Скотина безвольна – потому на ней греха нет, потому и служит она только на потребу человекам! А всяк крещенный пред судом Божиим станет со страхом, и по грехам своим ответ держать будет. И ужо грозен будет тот суд, и гореть в гиене огненной всем корыстолюбцам, мздоимцам... Знамо, боятся! Потому, что ни год, новые церкви ставят, суда Божьего страшась! Однако, с князя-то и на Страшном судище Христовом спрос поболее! Господь-то спросит – почему, имея силу и Божье избрание, прегрешения народу бессмысленному позволял?

– Да как же на эдакое управу найти? – не унимался Федор.

– То-то и оно! – вздохнул князь Ярослав. – Вмиг бы на ихние новгородские бесовские прелести окорот сыскался, хоть золотых поясов, хоть смердов, кабы все князья единомысленны были, да правды держались, да крестоцелование соблюдали. А нонь крест целуют, в дружестве кланутся, пируют, замирившись, а как с пира долой – так за прежнюю крамолу. Каждый по своей воле живет, да свою правду измышляет.

– Да как же на всю крамолу и силы нет?! – ахнул Федор.

– Ан вот и нет! – вздохнул князь, – Надобно жить по правде пращура нашего Ярослава Мудрого, да ведь ни одного дня по ней не жили! А по совести жить не выходит! А приневолить жить по правде единой для всех может только князь Великий Первоверховный над всей Русью. И зажав бороду в кулак, добавил как бы сам себе: – Да и то, если у него самого сила будет!

Запомнил эти слова, немо слушавший тогда отца и старшего брата, Александр. Навсегда запомнил, на всю жизнь...

Слова-то разговора запомнил, а вот когда сей разговор произошел – запомнил. Должно, разговор этот, либо подобный, происходил позже, когда Александр в отроческие лета вошел.

Не представлял тогда Александр, как накажет отец новгородскую крамолу, но по уверенному голосу его почувствовал, что обиду князь Новгороду не простит!

– Голодуют оне, говорите? – зло и весело поблескивая стальными серыми глазами, спрашивал князь, – Нет, брат, это они еще не голодуют! Голодовать-то они еще не начинали... Глад да мор у них весь впереди!

И Федор да Александр улыбались отцовским словам, и страх их, рядом с этим сильным, высоким и крепким человеком тогда совсем прошел.

Того же дня двинулась суздальская дружина на Волок Ламский, через который шел в Новгород хлеб с юга и все съестные припасы. И вскорости донесли оттудова воеводы, что все дороги перекрыты, и в Новгород никому с Низовских земель хода нет.

– Вот и ладно, – говаривал отец, – Михаила Черниговского княжить позвали – вот пушай он вас, пустообрехи новгородские, и прокормит! – и смеялся.

И братья тоже смеялись вместе с отцом. Но теперь, листая летописи, понял Александр – какой ужас смертный наступил в умирающем от голода Новгороде.

И другое понял: во всех неисчислимых бедах, павших на Новгород, была часть рукотворная, князем Ярославом Всеволодовичем сотворенная, перекрывшим путь хлебу в Новгород с Низовских земель.

«... Так воздал Господь Бог по делам нашим. На Воздвижение честного креста 11) побил мороз урожай по волости нашей, и оттого пришло горе великое: начали покупать хлеб по 8 кун, а ржи кадь по 20 гривен, а во дворах по 25, а пшеницы по 40 гривен, а пшеница по 50, а овса по 13 гривен. И разбрелись град наш и волость наша, и полны были чужие города и страны братьями нашими и сестрами, а те, кто остались, начали помирать. И кто не прослезится о том, видя мертвецов, по улицам лежащих, и младенцев, псами поедаемых. И вложил Бог в сердце архиепископу Спиридону 12) благое сотворить: устроил скудельницу 13) у церкви Святых Апостолов на Прусской улице, в яме, и приставил мужа благого, смиренного, по имени Станил, возить мертвецов на конях, где отыщутся по городу, – и так беспрестанно по все дни волочили и наполнили яму до верху, числом же 3 тысячи и 30..». 14)

2.

В тот год братья много времени проводили с отцом, которого боготворили! Да и мудро было не полюбить этого рослого статного князя в самой поре расцвета зрелой воинской красоты, силы и мужества. Мудрено было не гордиться им, когда сидел он в думном покое с боярами и воеводами, взглядывая на них быстрым и ясным, поистине соколиным, взглядом светлых своих глаз и точно всех насквозь видел. И братья, сидевшие, справа и слева, обочь отца, жадно ловили каждое его слово, запоминая каждое отцовское речение, чтобы потом, перед сном все припомнить, обсудить меж собой и подивиться отцовской прозорливости и мудрости.

Или затаив от счастья дыхание, смотреть, как отец, откинув алое крыло тяжелого плаща на снежно-белой подкладке, легко встает в высокое стремя и взлетает в седло. Вороной красавец конь подается вбок под весом княжеского тела и тяжелого вороненого доспеха, пля-

шет, роняя пену с удил и становится в голову дружине суздальцев, в голубоватых кольчугах, в сверкающих шлемах, с красными круглыми щитами, по-походному заброшенными на спину. Замерев от вида этой красоты, смотреть, как ведет князь, будто литой стали, тройки всадников. Гулом от конского топота полниться земля, и проходит мимо высокого крыльца, где стоят рядом с матерью, мамками, няньками и младшими братьями Александр и Феодор, княжеская дружина. Целых сто рядов, разделенных на сотни и десятки, под водительством лихих воевод и нарочитых, закаленных в боях, бояр. За конницей тяжело выступала молодшая пешая дружина с большими щитами, на коих дыбились искусно нарисованные львы. С арбалетами и луками, за плечами, колчанами, полными стрел, с длинными копьями, крашенными красной краской, с разноцветными флюгерами, под сияющими свечками сулиц (15). За ними серой сермяжной глыбой валили пешцы, вооруженные совьями да рогатинами.

И вся эта сила готовилась идти на князя Михаила Черниговского, кого призвали новгородцы к себе княжить!

А тот сразу и пришел с сыном своим Ростиславом – совсем малышом, только что постриги княжеские Ростиславу совершили.

– Вот уж князь! Истинно князь. Небось, этот князь еще портки не надевал! – смеясь, говорил отец про Ростислава. – Вот погодите, покажем князю Михаилу, как крестное целование нарушать, как неправду творить! Болтается как собачий хвост туды-суды – не сидится ему в Чернигове! Вот ему Новгород подавай! Где Чернигов, а где Новгород?! И ведь уж был в Новгороде на княжении, целый год княжил, как раз после того как на Калке дружины русские побили, и ничего не выкняжил! Наладили его новгородцы прочь! Но прикормышей своих среди новгородской черни как вошей понаплодил! Чуть что – они вой, по его наущению, поднимают: «Хотим князя Михаила!», а он и рад! Разлакомился! «Новгород ему!»! Дышло ему в зубы, а не Новгород!

Отец посмеивался зло. Раздраженно ходил по горнице, притопывая каблуками высоких сапог.

– Ишь, вражина! Я те покажу Новгород! Всех прикормышей Михайловых выморю! И до тебя, злыдень черниговский, Бог даст, доберусь! Попомните у меня тогда с гаденышем своим новгородское княжение!

Братья прежде отца таким не видели. И теперь понимали: отец зря гневаться не будет! Значит, Михаил Черниговский отцовский гнев заслужил! Значит, он враг! И сам Михаил Черниговский казался им кем-то вроде крысы, что рыщет в подполе, ищет по сусекам, что плохо лежит, точит стены амбаров, жрет зерно, а пуще гадит! И зачем Господь такие твари создал? Как бы без них хорошо жилось! Небось, и новгородцы бы не смущались, когда их под свою руку князь Михаил не приманивал! И мы бы в Новгороде жили! Как там хорошо и весело было, пока шло мирное житье! Все вот через таких князей, как Михаил, нестроение идет! Но когда по вечерам толковали меж собою, перебирая запавшие им на душу разговоры взрослых, выходило, что не один князь Михаил на чужое добро зарится – все князья округ воюют!

Александр и Федор еще в Новгороде слышали толкование приставленного к ним боярина Федора Даниловича, почему идет нескончаемая княжеская распря, но там, в стороне от нее, каким-то совсем дальним и непонятным делом она казалась. Малы были. Не разумели еще. Не по их детскому уму были хитросплетения княжеской вражды. Да и боярин объяснял длинно и путано. Здесь же, в Переяславле, распря стояла при дверях! В любой и каждый день могла дружина княжеская двинуться в силе тяжелой на Новгород. А могла изгоном накатить на Переяславль и дружина князя Михаила!

– Почему? – приступили они с вопросами к боярину Федору Даниловичу, – за что, мол, меж князьями распря идет?

И тот ответил сначала просто:

– За правду.

А потом стал объяснять пространно.

– Русь живет по правде Ярослава Мудрого. Он же и лестницу княжеского престолонаследия установил. Смысл сего установления в том, чтобы княжили на Руси князья все, и всяк по достоинству и вежеству своему и своевременен. Потому великий князь Ярослав Мудрый владения все разделил, князьям роздал, а великое княжение Киевское передал не сыну, а брату, чтобы от него престол младшему брату перешел.

– Так в чем же тут разница? – спросил Феодор, – А раньше как было?

– А раньше власть переходила от отца к сыну.

– Зачем же менять? Глава миру Бог, глава дому отец!

– Так-то оно так, а только ведь по Ярославовой правде каждый князь, в зрелые лета войдя, и по возрасту, и по старшинству становился бы главою всей Руси. Пока мал да молод, с малого удела начинал, а с годами все выше и выше к киевскому великому столу приходил, так-то бы и ума и опыта набираясь, становился главою рода княжеского и главою всей державы.

Окромя того, держава разрослась, уделы умножились. Для их обережения многие дружины потребны, а их одному Киеву не прокормить, и до границ- то, чтобы набег вражеский отбить, скоро не дойти! По городам, по уделам дружины стоять должны и пребывать в готовности боевой! Постоянно!

– Все разумно, – сказал Федор и растолковал Александру княжескую лестницу: – Вот к примеру, князь великий, скажем, Иван – держит стол Киевский, средний брат Василий – стол Черниговский, младший брат Петр стол Владимирский. Сыновья Ивана стол Полоцкий, сыновья Василия в Северских землях, сыновья Петра во Владимирских.

Вот помирает великий князь Киевский, на стол садится средний брат Василий, на стол Черниговский брат Петр, а на владимирский стол старший сын князя киевского... И так лестница движется! И все князья переменяют уделы свои. Держава не рушится. Каждый князь ведает, что рано или поздно всеми уделами по сроку владея, из княжества в княжество переходя, по праву станет среди братьев наибольшим и займет великий стол Киевский. К той поре он всю Русь как свою ладонь знать будет, и править станет умело по возрасту ума, а по долгому княжению опыта набравшись!

– А вот коли первым не старший брат помрет, а средний? – спросил Александр, – Кому тогда стол Черниговский – брату младшему? А сыновей среднего брата куда? Все столы, все княжества, кои им воследовать должны, еще заняты, а на их место, по правде-то ярославовой, должны сыновья младшего брата Петра садиться. Это их право!

– А тут, – сказал боярин Федор Данилович, – вот явится правда! Право – когда по установлению человеческому. А правда – когда мало что по установлению человеческому, еще и по совести, ибо совесть есть Бог в человеке. Должны собратиться все князья и разделить уделы как совесть велит, и в том пред Богом на Евангелии крестное целование принять. Тогда и лестница не порушится, и держава стоять будет! Все как Бог велит!

– Бог-то велит, да человек слушать не хочет! – сказал вдруг сидевший в углу горницы княжеского терема игумен.

Братья вздрогнули! Монах сидел так тихо, а угол в горнице, освещаемой тусклым светом окна, так темен, что его видно-то не было. Он встал, словно кусок темноты отделился, прошел мимо княжичей, сутулясь, отворил низенькую дверь и вышел.

– Истинно, истинно... – вздохнул Федор Данилович, – Хуже нет участи, как у князя сироты, у изгоя.

3.

В тот год Александр многих князей да иерархов церковных увидел. Постоянно то князь в Переславль к отцу заезжали, то отец, прихватив с собою сыновей, ездил во Владимир к высокому столу брата своего Великого князя Юрия Всеволодовича.

Александр от этих поездок сильно уставал. Не столько от дороги, сколько от напряжения, от боязни, что-нибудь сделать не так, сказать не так, не туда встать, не по чину сесть за стол. И хоть за всем этим внимательно следили княжеские слуги и ошибиться бы не дали, все равно он волновался, боясь прослыть невежею.

А Федор, похоже, чувствовал себя и в храме, и в терему как рыба в воде или птица в небесах. И все-то у него ловко получалось, и князья про это не раз говорили и хвалили Федора. А собирались к Юрию многие, с боярами своими и челядинами. Александр, как ни силился, а все ему запомнить не удавалось, кого и как зовут, да кто чем владеет, да с кем в родстве состоит.

Тиун Яким специально с ним занимался, заставлял имена да титулы запоминать, на столешнице, на пергаменте древо родословное вычерчивал, а все никак это в Александрову голову не лезло. Потому и молчал он, а когда к нему обращались – сильно смущался и краснел. Князья смеялись, переводили все в шутку. Но Александр томился, чувствуя себя неуклюжим и глупым. Вот младший брат Андрей – совсем малыш, а боек! О чем его не спросит – отвечает. И молитвы читал, хоть и шепеляво, хоть и по-детски, да не сбиваясь! А вот Александр даже на «Верую» два раза сбился. Как такое могло с ним случиться! Ведь по несколько раз в сутки молились, день с того начинался, что в храме службу стояли, он службу-то всю знал, почище священника – на память, а как пришлось перед князьями молитву читать – тут и сбился!

А уж титулы да величания княжеские вовсе запомнить не мог. Потому старался Александр так встать, чтобы его особо видно не было, за братом Федором, за отцом! Да как спрячешься! Что не лето – Александр росту прибавлял. Так-то брата Федора моложе, а ростом выше! Не случайно, когда на молитве сбился, кто-то из княжеских слуг пустил шепоток: «Дурная трава в рост идет», а кто-то со смешком соворил: – Велика Федора, да дура...

Вот в книжном учении Александр всех выперезживал! Раньше всех ему грамота далась!

Обучал княжичей и десяток сыновей боярских письму и чтению пожилой дьяк со всей прилежной строгостью. И подзатыльники развешивал, и тростью по рукам бил равно и сыновей княжеских, и сыновей бояр, и сыновей нарочитых дружинников. Но Александру битья почти не доставалось – он учился с интересом и старанием. Память хорошая, ум понятливый. Рука не больно тверда – потому на вощанке да на бересте буквицы кривыми-косыми выходили, не то, что у Федора. Ну, да за это наставник не особо бранил – княжичам, чай, не летописи писать!

Греческому и латыни обучал черный как жук-навозник монах – грек. Вот уж тут Александр был всегда лучше всех. И весьма скоро он с греком на его языке разговаривал.

Князь Ярослав, сам свободно говоривший на четырех языках, приказал обучить сыновей германской речи – равно понятной немцам и шведам, и уж совсем в диковину – кыпчакскому языку, коем говорили конники-половцы, ну, а финское наречие Александр и без всякой науки понимал. Большая часть окрестных племен на сем языке говорила. Вся челядь на княжеском дворе легко со славянской речи на финскую переходила, а то и сразу на двух языках болтала. Бывало, начнет иной дружинник что-то по-славянски рассказывать, а там и на чудской язык перейдет, и не разберешь: то ли он по-русски говорит, то ли по-фински. Но все окружающие его понимают...

Учил грек цифири и счету и в уме, и на абаке 16), учил науке логике и философии.

Закону Божьему – духовник княжеский, а вежеству и поведению княжескому тиун Яким.

Обучал, как в беседе сидеть, как со стола яства брать, как соль, как питье... Кто за кем берет, у кого какое место по чину на пируванье либо на беседе. Как себя держать надлежит, как речи говорить, каким словами благодарить, что можно вершить, что – княжеской чести урон...

Но тяжеле всего – ученье воинское. Каждый день до изнеможения гридни и старшие бояре на княжеском дворе боевой науке обучали. Бою рукопашному – голыми руками: и один на один, и стенка на стенку. Бою мечному с тяжелым деревянным щитом. Наставник со щитом тож, с хворостиной вместо меча – хлестал немилостиво, по всем местам незащищенным, разве что только не по глазам! Бою лучному, ножевому, копейному, бою конному. Уж тут бы дело

веселое – конь несет, а ты знай мечом отмахивайся, ан, нет! Начиналась тяжелая наука с того, что заставляли коленками тяжелый булжник держать, пока с булжником стоячи по десять раз Богородицу, Отче наш и Верую не прочтешь. Уронишь камень – начинай сначала! Ездить учили гридни-половцы, кои в седлах чуть не родились, да так с коней и не слезили.

Как прибавили княжичи росту – стали их помалу к dospехам приучать, к железам: кольчуге, шлему с личиною, поножам, поручам... И мечи взамен детских дали настоящие – боевые.

Учились княжичи вместе с детьми бояр и гридней, и наставники различия меж ними не делали и обучали и наказывали равно. Да оно и учились-то робята со тщанием – как только ходить начинали, уже разумели – оплошаешь в бою – покойник! А хуже того – руку, ногу отсекут либо глаза вышибут – и будешь потом у родаков на шее камнем висеть, да чужой кус заедать. Не дай Бог такой участи.

Глава третья

Охота княжеская

1.

Тот год в Переяславле, подле отца с матерью, в княжеском тереме помнился Александру как самое счастливое время всей его прожитой до сего дня жизни. Весну, все лето и целую осень. Хоть и кратки были часы досуга, а все ж хватало времени и по траве босыми побегать, и в реке с мальчишками искупаться, и на конях по окрестным лугам поскакать.

В конце августа принесли звероловы-добытчики долгожданную весть: – Лосиный гон начался. Недели через две – охота!

В Новгороде Александр и Федор не охотились. Поначалу малы были, а потом не до охоты стало! Дичину-то в княжеские палаты и в Новгороде постоянно приносили, а самим княжичам охотиться еще не приходилось. Гридни и старшие дружинники-бояре постоянно про охоту говорили, и княжичи жадно такие разговоры слушали. Им казалось, что доведись им попасть на охоту – они бы не оплошали! Стреляли-то они из луков и арбалетов метко. Могли что врага, что зверя и мечом сразить, и копьем сколоть – зря что ли их каждый день по несколько часов дружинники бою обучали. Умели они и в поединке ратится, и в стенке стоять. Не в полную силу, конечно – малы еще, но бой понимали и лучный, и мечный, и кулачный. А вот на охоте – на самом княжеском деле, вторым после воинского труда, не были еще ни разу. А хотелось! Ох, как хотелось!

Когда по лесным дорогам с дружинниками разъезжали, жадно разглядывали следы гона, кои показывали им бывалые охотники – ободранные стволы молодых деревьев, почему-то чаще всего сосен, реже – берез и осин. Возле них клочья тонкой кожицы с короткой шерстью. Быки рога чистили от покрывавшей их тонкой кожицы с нежной короткой шерстью – на бой вострили.

– А почто они только молодые деревца мочалят? – спросил Федор.

– Поди, знай! – ответил охотник, – Должно со злости! В старый ствол чего рогами колотить! Как в стенку! А тута навроде как с супротивником ратишься!

Среди поломанных ободранных кустов и раскиданного ископченного дерна стали появляться «копки» – пологие, выбитые копытами в земле ямы, сильно утопанные, в два-три локтя шириной и в локоть глубиной. Гридни растолковали, что копки быки бьют на местах, где помочилась лосиха. Это признак, что гон лосей уже в разгаре.

Братья жадно слушали бывалых зверобоев и разглядывали следы зверя. Наконец, князь Ярослав объявил, что коли чего особого не случится, после Рождества Богородицы¹⁷⁾ пойдут на лося! И братья ждали, не смея спросить, когда же наступит этот заветный день, когда пойдут они как взрослые воины на зверя лося, к нему же и подступить страшно – росту огромного, одни рога в косую сажень размахом, копыта раздвоенные острые – панцирь кованый скрозь

прошибают! По все дни на учении пешем и конном, целясь из лука большого или из малого-сагайды, либо из арбалета, представлялось братьям, что целят они в зверя сильного – лося!

По вечерам, затаив дыхание, слушали разговоры дружинников про охоту. Казалось им, что все они уже про лосиную охоту вызнали, какая она бывает, и теперь гадали, как пойдут – загоном или на приман?

– На приман! – твердо сказал Федор. – Загоном-то и зимой можно! А сейчас на приман – потому как у лосей гон! Быки за лосихами гоняются!

– А что ж не идем-то? – робко спросил Александр.

– Должно, хорошего вабильщика 18) отец ждет!

– Да дружинники бают, что каждый стрелок вабить сумеет! Не велика наука!

– Может и не велика, да не всем далась! Мы – князья! Нам абы как охотиться не след!

На нас народ смотрит! Не можно нам оплошать! – сказал Федор. Александр понял, что это он отцовские слова повторил: – «На нас народ смотрит!»

В конце сентября березы оделись в золото, красным огнем полыхнули листья бересклета, начали ронять пестро нарядную листву клены, затрепетали, посыпали с ветвей серебро осины. Темнее стали и словно содвинулись в сплошную стену темнозеленые ели. Поплыли над сжатými нивами в хрустальном и по-осеннему чистом воздухе паутинки. Но ранними утрами уже седела трава от легкого заморозка, обращаясь под ясным еще теплым солнышком в алмазные капли. И настал, наконец, долгожданный день княжеской охоты.

Александр спал вполглаза, ночью несколько раз вставал, выбегал на широкое крыльцо терема – поглядеть, не посветлело ли небо. Но небо было черным, бездонным, густо набитым звездами. Александр стоял, задрал голову, и ему казалось, что он летит туда вверх в немыслимую высоту...

– Чего ты тут?..

На крыльцо вышел Федор, тоже видать и ему не спалось.

– Рассвет дождаю...

– Да рассвет-то с другой стороны, с восхода.

Братья по гульбищу обошли терем. Уставились, вытаращив глаза, за частокол дальнего леса, но небо еще не светлело – полночь лежала темной глыбой на всем земном мире.

Однако свет откуда-то шел. Братья, ежась от холода, ступая босыми ногами по стылой твердой земле двора, пошли поглядеть – откуда свет...

За амбаром у стены, окружавшей городище, горел малый костер, а около него копошился человек. Он что-то подбрасывал в огонь, и тот вспыхивал белым пламенем. Братья подошли ближе и услышали, как человек творит охотничий заговор:

– Встаю я засветло, умываюсь ни бело, ни черно, утираюсь ни сухо, ни мокро. Иду из дверей в двери, из ворот в ворота, в чисто поле, к лесу дремучему, а из лесу дремучего бегут ко мне навстречу двадцать сатанаилов, двадцать дьявоилов, двадцать леших, двадцать полканов – все пешие, все конные, все белые, все черные, все высокие, все низкие, все страшные, все робкие: встали передо мной те сатанаилы, те дьявоилы, лешие и полканы в такой-то остров, пригоните русаков и беляков на мои клевы поставные: сумеречные, вечерние, ночные, утренние и полуденные. Пригоните, остановите и в моих клетях примкните.

Древней жутью повеяло от этих заклинаний, братья стояли как замороженные, со страху даже не в силах перекреститься. А человек у костра волхвовал – припевал с подвывом, по-волчьи:

– Пособите и помогите вы мне за охотую ходити, белых и серых зайцев ловити; куниц, и лисиц, и серых волков, дорогих зверей рысей, кабанов, лосей загоняти и залучати, чтоб бежали по своей ступи и по своей тропе безопасно, на сторону не отмятывались, и взад не ворочались. И сохраните меня, с моим железным кляпцем от урока и призора, от стрешника и поперешника, от колдуна и от ведуна, от двоезубых и троезубых, от двоеженных и троеженных, от кривых

и слепых, от русоволосых, и пестроволосых, и черноволосых, от девки и парня, чтобы им меня не испорчивать. Поставьте около меня три тына – тын железный, а другой медный, а третий булатный; замки, замкнитесь, отнесите, ключи и замки; чтобы ключи лежали там безопасно, как к ели хвоя, так ко кляпцам железо! А мне скок крепок и жесток! В синем море синий камень, в черном море черный камень, в белом море белый камень.

Почувствовав, что за спиной у него кто-то стоит, человек у костра оглянулся, и братья увидели его страшное лицо в косматой бороде. Братья кинулись бежать! Вихрем взлетели на крыльцо, промчались мимо безмятежно посапывающей стражи, вбежали в свою горницу и спрятались под одеялом.

Александр казалось, что тот от костра гонится за ними со стаей своих сатанаилов, леших и полканов! Но в тереме было тихо, половицы не скрипели, двери не хлопали.

– Не бойсь! – сказал, передохнув, Федор. – Он на огонь смотрел, потому от свету оборотьясь, нас не разглядел...

– А он колдун? – спросил Александр.

– Да нет... – подумав, отвечал брат, – может, язычник... Да, вряд ли. Должно и крещеный, а вон, какой грех творит...

– Какой язычник! – возразил Александр, – Уж когда и когда Русь светом Христа просветилась – какой язычник!

– Да наружно-то все христиане, да все едино, как прежде, в леса истуканам языческим жертву носят, а округ Новгорода, волхвы бродят... – совсем по-взрослому сказал Федор.

Александр видел не раз, как хватали новгородцы каких-то диковинных, страховидных людей и волокли их с криками на площадь. Дружинники из детинца – крепости в центре города, рассказывали, что иных топили в реке, иных сжигали на кострах, иных забивали до смерти, а иных толпа отнимала и те успевали скрыться...

2.

На приман собирались охотники малыми ватагами – всего по несколько человек. Затемно помолились, и разошлись артели в разные стороны – благо со всех сторон леса к городским стенам подступают.

Прочавкали кони нековаными копытами по топкой луговине, вышли на старую вырубку. Вабильщик, в котором братья со страхом узнали того ночного волховальщика, и двое пеших стрелков соскочили с конских круп, куда их брали всадники, чтобы те в болоте не промокли. Стали под ветер и неторопко двинулись вглубь леса. Вабильщик и пешцы впереди, всадники чуть поодаль за ними.

Чуть посветлело небо на востоке, острыми пиками нарисовались верхушки столетних елок. Конь Федора споткнулся о гнилой пень, подался вбок к меринку Александра. Охотник, шедший между конями братьев (конский запах человеческий перебывает, а коней лоси не боятся.) немилостиво ткнул его кулаком по ребрам. Конь, понимающий свою оплошку, выправился и стал на мерный шаг. Сердце Александра, бившееся, казалось в голове, маленько утишилось. Но все равно, Александру казалось, что буханье его сердца слышно по всему лесу. Стараясь успокоиться, он стал смотреть в плывущую в утреннем тумане спину отца, ехавшего впереди. Заметно рассвело. Впереди идущий охотник поднял руку. Всадники и пешцы остановились. Замерли, прислушались. Туман слался по траве, цеплялся за осинник, прятал полусгнившие пни старой вырубки.

Вабильщик приложил ко рту сложенные лодочкой ладони:

– Уоххх! Уоххх! ... – позвал он на манер лося. Постояли, послушали. Пошли вперед, сажень сто, снова поманили...

– Может, тут и нет никого! Ушел зверь лось в другие места... – подумал Александр, но глянул на Федора – тот вытер ладонь о штанину и перехватил покрепче взведенный арбалет,

готовясь пустить тяжелый болт в голову зверя. Александр тоже досуха вытер руку. Идущий у стремени Александра гридень показал: мол, спрячь руку за пазуху, отогрей. Александр сунул руку под рубаху – рука была как ледышка. Холода он не чувствовал, но какая то противная дрожь заставляла трястись подбородок.

И вот далеко-далеко раздался ответный зов, похожий на удары по дереву. Охотники переглянулись, изготовились... Пешцы прошли чуть вперед в стороны, устали в землю тупики рогатин.

Шум идущего зверя усиливался, слышно было, как он проламывается через чащобу, ломает кусты...

А вабильщик все манил его, все поддразнивал, звал на бой: Уоох... Уохххх...

И вдруг совсем в другой в стороне раздалось уханье и стон еще одного быка. Справа от Александра затрещал валежник – оттуда приближался второй лось. Двигался он быстро и непременно бы вышел прямо Александру в бок – пешцы начали головами вертеть – соображая, куда рогатины поворачивать. И ничего еще не успели сделать, как прямо перед ними вырос зверь лось. Распаленный гоним, он не заметил охотников. Александру показалось, что лось гораздо больше его коня. Черный огромный как валун – скала стоял лось в десятке шагов от княжича. Александр видел, как он хлопает верхней губой стараясь уловить запах врага, и поводит огромными, будто корни древнего пня, рогами.

Но тот бык, что ломился через кусты справа от Александра, как объясняли потом гридни, сто раз припоминая все подробности охоты, наверное, первым взял соперника «на ветер» и стал его обходить. Почуввав соперника, зверь лось ломанулся назад в чащобу, а то неизвестно чем бы эта встреча кончилась. Стремянной Александра, видать, растерялся, и не сообразил его коня поворотить так, чтобы удобно было стрелять или разить мечом. Да и как тут сообразить – и с одной стороны зверюга, и с другой еще один! Поди догадайся, какой первым кинется!

Отец, не проворачиваясь, показал гридням кулак – чтоб стояли молча и допрежь князя стрел не выметывали.

Первый лось грозно заревел, и пришелец двинулся на него, ломая кусты и издавая устрашающий рев... Стук рогов, треск сучьев, сопение, фыркание.

Быки бились в отдалении. Ходуном ходили вершины осинки и березки на месте схватки. Но бой был короток. Победенный, оборотясь, высочил из ивняка и метнулся прямо на охотников.

Князь пустил стрелу, и Александр увидел, как несколько коротких толстых болтов впились в голову и шею лосю. У лосю подломились передние ноги, он повалился вперед, взрывая рогами землю. Отец соскочил с коня, и, вытащив кинжал, кинулся к лосю, который еще пытался встать и мотал рогатой головой.

– Куда! Куда! – закричал вабильщик, – А другой-то! Другой!

И тут из кустов бурей на князя обрушился второй лось! Александр видел, как ближний к отцу охотник успел подставить рогатину, но лось был так огромен, что навалился на нее, переломил древко, как соломину. Спасаясь от его рогов, отец перепрыгнул через поверженного лосю, но тот, дрыгая оглоблинами ножиц с острыми раздвоенными копытами, поворачиваясь на спину, придавил его. Охотники кинулись к упавшему князю, выставив рогатины. Но второй раненный лось, низко наклонив голову к земле и неотвратимо наступая, мотал рогами и разметывал рогатины будто камышины. Охотники пятились перед совком лосиных рогов. Под всадниками забились кони. Александр, себя не помня, схватился за луку седла, и мотался на обезумевшем от страха меринке, как тряпка. Но Федор, будто кот с крыши, прыгнул к наступавшему лосю и оказался позади его рогов. Подступив к самому зверю, ближе двух шагов, вбил стрелу в лосиный глаз. Глаз вскипел под ушедшим по самое оперенье коротким болтом и лось, сразу обмякнув, повалился на бок...

Александр опомнился, когда гридень поймал за узду его коня и огладил. Подошел, прихрамывая, отец.

– Ну что?.. – сказал он, смеясь, – Аника воин, ты и тетивы не спустил ни разу...

Жаром стыда обдало Александра.

– Не горюй! – сказал отец, обнимая прижавшегося к нему Федора. – Тут лосей полон бор! И на твою долю хватит! В другой раз и ты стрельнешь...

И тут из кустов на просеку вылетел, точно его выбросили оттуда, заяц. От неожиданности он присел и, совсем ошалев, скакнул в сторону. Почему Александр выстрелил в зайца, он так себе всю жизнь объяснить и не мог! Да ведь не просто выстрелил, а попал! Заяц завертелся, пришитый стрелой не то к какой-то коряге, не то к земле, закричал как ребенок. Охотники заготовали, заскалились... сим смехом заглушая свою, чуть не стоившую князю жизни, нерасторопность.

– Вона как стрелил! Востер глазок! Молодца!

Острым ножом полоснул Александра по сердцу заячий, схожий с детским плачем, крик. А заяц все верещал, все бился, ничуть не слабея...

И князь, глянув своими стальными серыми глазами в самую душу сына, сгреб его с седла мощной своею рукой, поставил наземь и вложил в дрожащую ладонь княжича длинный охотничий кинжал: – Иди, добей.

На подламывающихся ногах, споткнувшись обо все коряги, что попались на пути, Александр подошел к зайцу. Зверек затих и только судорожно скреб задними ногами, из огромных глаз его катились настоящие, княжич обмер, настоящие слезы...

– Ну! – сказал неотступно следовавший за сыном спиной князь Ярослав. – Добей, не мучай его!

– Рукоятю бей по голове, – деловито подсказал Федор, – шкуру не порти.

Александр, зажмурившись, ударил...

– Какая у него шкура! – сказал отец, вытаскивая стрелу из пня, – Дрянь линиялая...

Он снял зайца со стрелы и зашвырнул его в кусты.

– Ни что, сынок, – сказал он с неожиданной грустью в голосе, – обвыкнешь. Притерпишься. Поспешайте, робяты, – поторопил он гридней, – вон уж солнце как пригревает, счас мухота налетит! Потрошите скорей. А то наширяет мухота в мясо опарышей, опосля и не промыть будет...

Но гридни и без княжеского понукания торопились. Одни на расчищенной полянке настелили елового лапника. Другие спешно потрошили лосей, вываливая из них сизо-красные кишки. Шкуру не снимали, а уложили туши на лапник распоротыми животами вниз, растянув в стороны задние и передние лосиные ноги, чтобы мясо мух не приманивало.

– Как ввечеру солнце сядет – мухота пропадет, по холодку, на волокушах конями выведем.

Оставшиеся охранять добычу охотники развели костер, сели трапезничать.

– Княжич, – позвали от костра, стоявшего в сторонке, Александра, – попробуй лосиной печенки – вкусно. Немолодой дружинник протягивал Александру окровавленной рукой кусок только добытой теплой лосиной печени: – Вот как! – говорил он, откусывая от блестящего парного ломтя. Пол лица и борода были вымазаны у него лосиной кровью. – Печенку-то можно прямо так исть – сладкая. А шулюм!9) мы апосля наварим.

Александр глянул на дружинника, на гору вонючих потрохов с желваками синих кишок, и закрыв рот ладонью, отбежал в кусты. Там его согнула рвота.

– Вона... Вона! – приговаривал, умывая его, бледного и обмякшего, тиун Яким. – Чего сомлел-ти! Чай не младенец! Пора, княжич, себя в руках держать! Че ты как девка!

Возвращаясь в город, охотники весело переговаривались, смеялись, всадники, ехавшие стремя в стремя, обнявшись, горланили песню. Брат Федор ехал рядом с отцом, о чем-то с

ним оживленно разговаривая. А он – Александр, едва держался в седле, его мутило, голова кружилась, и тошнота подступала к горлу.

В истопленной по случаю охоты бане он париться не стал, а только облился горячей и ледяной водой, отерся холстиной да и побрел к себе в опочивальню, рухнул на постель. Душил стыд, что он оплошал, и что охота, про которую он столько слышал и так ее ждал, оказалась совсем не такой, о чем мечталось, а главное, что он, по всему выходит, для потехи этой княжеской не гожд... И стоял в ушах, резал душу детский заячий крик...

Как пришла, мать он и не слышал – неверно чуть забылся сном. Когда открыл глаза, она сидела рядом и гладила его по голове теплой ласковой ладонью.

– Мама! – выговорил он, припадая к материнской руке губами, и заплакал.

Мать обхватила его голову, прижала к своему большому животу (сколько помнил мать Александр, она всегда была в тягостях – всегда носила во чреве новое дитя).

– Мама! – говорил он, всхлипывая, – Негожий я к охоте. И князь я стану никудышный...

– Ну что ты, что ты... – утешала его мать. – Не печаль сердечко. Откудова тебе знать стать, каков ты во князя будешь... Ты молись, да на Господа уповай. Он поможет и приставит к службе твоей. На Господа уповай, ему всем сердцем служи, а уж Он твою жизнь управит...

– Мама... Я зайца убил, а он как дитё кричал! За что я его убил! Что он мне соделал! А я его убил!

– Да полно, детушка! Полно сокрушаться.

– Я ведь в него и не целил совсем, так – будто под руку кто подтолкнул...

– Вот ведь оно как... – целуя его и укачивая как младенца, говорила мать, – А спомни, как батюшка в церкви читает: когда Христос расслабленного-то исцелил, что от рождения недвижимый сорок лет лежал. А ученики-то и спрашивают Христа, каких ради грех он от рождения страдал? А Христос-то и ответил – может, для того, чтобы я явил на нем чудо. Может, и зайца-то этого ты стрелил, чтобы понятие в тебе было – убивать-то хоть на охоте, хоть зверя какого – непросто. А для забавы – грех! Он хоть и заяц, а и в нем дыхание Божье!

– А вот Федор то нынче как! А я...

– Ну, так Федор тебя старше. Он не сегодня – завтра вьюнош...

– У него и рука-то воина и сердце храбро! А я испугался!

– Погоди, сынушка, и твоя рука тверда сделается. А что сердце у тебя как воск, так и слава Богу... Вон их сколь с каменными-то сердцами, бессовестных... Им что убить, что обмануть, что украсть, и душа не болит...

– Вот Федор настоящим князем будет! А я...

– Да почем ты знаешь, – засмеялась мать, – кто кем будет! И Федор князем будет, и ты... Ты лучше помолись, да спи... Спи, Ангел Хранитель сердечко твое и утишит...

Но Александр долго уснуть не мог, и после молитвы, когда Федор, разметавшись на постели, уже третий сон досматривал, он пошел в молельню и долго стоял на коленях перед образами. Даже не молился, просто стоял. Только строка из псалма звучала в душе «Омый мя от грех моих, Господи, и паче снега убелюся...». Словно голос какой-то в душе его эту строку пел, убаюкивал. На коленях стоя и задремал, и повалился, и чуть лоб не разбил. Тихо ступая босыми ногами, прошел мимо храпящих по углам горниц гридней. В опочивальне отца и матери горел свет, и дверь была притворена неплотно, потому он и услышал, как отец говорил матери:

– Федор – истинно сокол! Как он с коня-то метнулся!.. Никто, и опытные бояре да гридни помыслить ничего не успели, а он – истинно как сокол с поднебесья... А вот Александр не воист... Совсем не воист! Трудно ему будет...

– Господь не без милости... Он и Александра не оставит...

– Пора робят в поход брать, – говорил отец, – Федор – гожий, а вот Александра куда? Мал, что ли? А может, от природы такой? Да вроде не в кого... Ну, не в монахи же ему!..

– Да какой поход! – охнула мать – Они ж дитенки совсем!

– Эх, мать... – горестно вздохнул князь. – Все под Богом ходим! Вот как меня не станет, мало ли что, а они не воисты... Что ж делать – надо к бою приучать! Уж как-то исподволь, малого Александра в обозе, а все ж надо их к походной жизни приваживать. Мир-то каков? Все в крови по уши! Вот на Новгород вместе и пойдём. Апосля ведь – им там княжить, а не ироду этому Черниговскому!

3.

Однако рать на Новгород не пошла. Как теперь понимал, читая страницы летописи Александр, тому были причины. Князь Черниговский не смог прекратить голод в Новгороде, усилившийся после того, как князь Ярослав перекрыл дорогу хлебным обозам и стругам с зерном через Волок Ламский.

Александр читал страшные известия тех лет, когда трупы людей валялись по всему Новгороду, умирающие с голоду ели липовый лист, древесную кору, сосну, мох, конину, псину, кошек, а случалось, и мертвечину! «Простая чадь убивала людей и ядачу" Дрожь пробирала его, когда представлялось, как матери голодными глазами глядят на младенцев своих, не помышляя, чем их насытить, но гоня от себя молитвой неотвязные мысли, что вот, мол, сам младенец суть еда и есть!

Нужно ли было такое свирепое понуждение? Не рисковал ли князь Ярослав вызвать общий гнев и ненависть всех новгородцев, в том числе и своих многочисленных сторонников – ведь голодовали-то все! Ну, черниговские прихлебатели – за дело, а ярославовы-то послушники за что? Надо ли было так народ давить? «Иные злые челоуецы почали добрых людей домы зажигати чююче рожь» Вот ведь каков результат свирепого понуждения!

Но Александр понимал теперь, что у отца иного выхода, как перекрыть хлебную дорогу и обречь новгородцев на страшные муки голода, не было! Должен либо давить, либо отступиться от Новгорода навсегда! А ведь Новгород даром что ни вотчина княжеская, правил-то в нем Ярослав умело! Толково! Однако многие новгородцы этого не ценили и не понимали! А что смерд вообще понимать может?! Сыт, здоров, войны нет – и слава Богу! А князь – он ведаёт, что нынче сыт да мирен, а завтра – размир да глад! И готовится, к тому нужно – а это и хлопотно, и накладно! Дальновидных-то князей не любят! Мол, чего о худом гадать, когда кругом благодать? А смерда бессмысленного, горластого слушать не след. Отец учил братьев: «Хуже нет – как чернь вас бояться не будет!» Где сила, там и страх! Так-то вот, когда по уму!

Однако, вышло-то вовсе не по отцову рассуждению! И неизвестно как бы обернулось голодное томление Новгорода князем Ярославом. И не по уму случилось, (по уму-то – весь бы Новгород вымер – покойников и так уже счисляли без малого в пятьдесят тысяч), а по молитве!

Александр прекрасно помнил то, о чем сейчас читал в летописи:

«В то же лето приходил преосвященный митрополит всея Руси Кирилл 20) к великому князю Юрию и к брату его Ярославу, и к Святославу, и к Константиновичам Васильку, Всеволоду и Владимиру 21) от киевского князя Владимира Рюриковича, а от черниговского князя Михаила пришел епископ Порфирий; пришел с ними и игумен пречестного монастыря Святого Спаса в Киеве на Берестовом Петр Акерович, и другой муж Владимира [Рюриковича] – стольник его Юрий. Эти трое приходили с митрополитом, прося примирить Михаила с Ярославом. Ибо Михаил был не прав, нарушая крестное целование Ярославу, и Ярослав хотел идти на Михаила. Бог же не допустил этого... Ибо послушал Ярослав брата своего старейшего Юрия, и отца своего митрополита, и епископа Порфирия и заключил мир с Михаилом, и была радость великая... Много же даров дали оба князя, Юрий и Ярослав, отцу своему митрополиту, и епископу Порфирию, и игумену Спасскому, и взяли благословение от них, и отпустили их каждого к своему князю». 22)

Александр при том замирении княжеском не был – мал еще, да и Федора отец с собою во Владимир не брал – потому братья не ведали, как там во Владимире дело обернуться могло. Вернулся отец – ни радостен, ни печален, но как бы другой человек. Не стало в нем злого веселья. Сумрачен сделался и молчалив. Почасту в молельне закрывался и выходил оттуда угрюмым и сосредоточенным. Глаза наплаканные от сыновей прятал. Теперь понимал Александр, что замириться-то отец с Михаилом замирился, а в душе своей его не простил. Тем более, что Михаил из Новгорода сам-то вышел, а сына малолетнего своего Ростислава в Торжке, понимай, пригороде новгородском, оставил! Стало быть, от Новгорода все едино не отступился! И что теперь предпринимать князю Ярославу – непонятно.

Но сказано, человек предполагает, а Бог располагает. Прискакал из Новгорода вестник, сообщил, с коня свалившись:

– Новгородцы княжичу Ростиславу показали путь из Торжка к отцу в Чернигов!

Золотые пояса собрались в митрополичьей палате, теперь верх взяли сторонники Ярослава – дали посадничество Степану Твердиславичу, а тысяцкое Миките Петриловичу. Они нашли повод обвинить Михаила Черниговского в нерадении и высказали на вече все его вины, разумеется, не Ростиславу, который по молодости возраста и понять-то не мог – какую вину ему вычитывают, но через Ростислава выказали свои резоны князю Михаилу Черниговскому: «Отец твой обещал на коня сесть на войну с Воздвижения и крест целовал, а вот уже Николин день. С нас крестное целование снято; а ты пойдй прочь, а мы себе другого князя промыслим».

Вскоре явились послы в Переяславль, «по всей воле новгородской» звать князя Ярослава назад в Новгород.

«Ярослав же спешно пришел к Новгороду, месяца декабря в 30-й день, и созвали вече, и целовал [князь] Святую Богородицу на грамотах на всех Ярославлих. И, пробыв две недели, пошел опять в Переяславль, взяв с собою младших мужей новгородских; а сыновей своих двух, Федора и Александра, посадил в Новгороде...»23)

Глава четвертая

Горькая свадьба

1.

Воротились в декабре 1230 года в Новгород под колокольный звон, с честью и славою. Впереди шла отборная сотня княжеской дружины. Стучали копытами кони суздальцев по деревянным мостовым Новгорода. Посверкивали кольчуги, шлемы, алым крылом помывал плащ князя Переяславского Ярослава Всеволодовича. Грозно украшал гордую голову Ярослава шлем с поднятой позолоченной личиною, грозно и прекрасно было мужественное лицо его. Таким и запомнил его навсегда Александр, ехавший рядом с Федором, чуть позади отца.

Горожане падали на колени и кричали славу князю. Было за что! Князь воевал неустанно. Неустанно сокрушал врагов.

Но уже тогда, ребенком малым, увидел Александр, что большая часть горожан помалкивает, а иные и на колени не становятся, а кто даже и шапок не снимает.

Не успели они освоиться в темноватых теремных покоях городища, как началась у князя распря с народом новгородским.

Тогда, забившись в малый покоец, Александр и Федор недоумевали:

– Как же так? Вчера новгородцы славу князю кричали, и нынче те же самые посадские люди заходятся от бешенства: «Поди, прочь! Нам такой князь не надобен! Ты сам по себе, мы сами по себе!». Немыслимо! Вроде как другие люди новгородцы сделались!

Только теперь Александр понял, почему так переменялись настроения горожан. Тогда Александр гордился дружиною, осознавая себя ее частью. Потому и оскорбили памятные ему по сию пору крики смердов: «Объедалы!»

А вот теперь он наткнулся на строки: «Тогда же привел князь Ярослав полки из Переславля, так сказав: «Хочу идти на Ригу»; и стали те около Городища в шатрах, а иные в Славне по дворам. И вздорожало все на торгу: и хлеб, и мясо, и рыба, и с того времени настала дороговизна: покупали хлеб по 2 куны, а кадь ржи по 3 гривны, а пшеницу по 5 гривен, а пшеница по 7 гривен – и продолжалось так в течение трех лет».

– То есть, когда дружина ушла – цены не упали! Почему? И зачем князь приводил так много войска, что из-за этого сразу цены на хлеб возросли?

Нынче, разбирая тогдашние записи по летам, да разговаривая с пономарем Тимофеем, что прилежно вел их, стал княжич Александр многое понимать. Он водил рукой по гладким, словно воском натертым, страницам, жадно ища ответ. И нашел:

«... князь Ярослав пошел в Псков с посадником Иванком и тысяцким Вячеславом. И слышали псковичи, что идет к ним князь, и затворились в городе, не пустили к себе; князь же, простояв на Дубровне, возвратился в Новгород; в Пскове же толковали, будто везет к ним оковы, хочет заковать лучших мужей. И, придя в Новгород, Ярослав собрал вече на владычном дворе и так сказал: «Не замышлял ничего худого против псковичей, но вез им в коробьях дары: паволоки и овощи, а они меня обесчестили», – и возложил на них жалобу великую. Тогда же привел полки из Переславля, так сказав: «Хочу идти на Ригу».

– Вот оно что!

«Услышав о том, что привел Ярослав полки, и, убоявшись того, псковичи заключили мир с рижанами, от Новгорода же отложившись, и так решили с рижанами: «То вы, а то новгородцы, а нам дела нет, но если пойдут на нас войной, то вы нам помогайте», – и те согласились; и взяли у них, у псковичей, 40 человек в заложники. Новгородцы же, узнав об этом, сказали: «Князь нас зовет на Ригу, а сам хочет идти на Псков». Тогда же князь послал Мишу в Псков, сказав: «Пойдите со мной в поход; а зла против вас никакого не замышлял; а тех, кто оболгал меня перед вами, мне выдайте». Псковичи же прислали гречина с ответом: «Тебе, княже, кланяемся, и братии новгородцам; в поход же не идем и братии своей не выдаем, а с рижанами у нас мир. Вы, к Кольваню 24) ходивши, серебро взяли, а сами пошли в Новгород, а договора не заключили, города не взяли, и у Кеси также, и у Медвежьей Головы также. А нашу братью за то перебили на озере, а иные уведены в полон, а вы учинили раздор – да и прочь. А если на нас замыслили, то мы против вас со Святою Богородицей и с поклоном; а лучше вы нас иссечете, а жен и детей себе заберете, нежели поганые. На том вам кланяемся». Новгородцы же так сказали князю: «Мы без своей братии, без псковичей, на Ригу не пойдём, а тебе, княже, кланяемся». Много князь уговаривал их, но не выступили в поход. Тогда князь Ярослав отослал полки свои домой...

Тогда же пошел Ярослав с княгиней из Новгорода к Переславлю, а в Новгороде оставил двух своих сыновей, Федора и Александра, с Федором Даниловичем и с тином Якимом» 25)

2.

Александр закрыл летопись, словно хотел забыть, запрятать поглубже в память те страшные годы, что начались после того, как приехали они с Федором, теперь уже надолго, в Новгород.

Так ли было или по-другому – неважно, – думал он. – Виновен князь Ярослав в бедах Новгорода или нет – только Господь ведаёт. Вряд ли дружина так разорила постоем горожан, что уничтожила все припасы на год. Откуда им, припасам, быть?! Новгород-то и всегда привезенными харчами кормился, жил с торговли. А тут началось такое ненастье, то дожди беско-

нечные, но чуть не посредине лета – мороз. Пресекая подвоз хлеба и всего съестного, потому настал голод по всей земле до Киева.

Дальше стало еще хуже! С голоду пошли в городе поджоги да мятежи!

Началось, как только князь Ярослав с дружиной ушел. Да если бы и остался – вряд ли дружина смогла бы крамолу остановить. Народ с голоду ополоумел. Каждый городской конец, а было их пять, злобился на другой, и зарился на достаток его. Каждый горожанин подозревал соседа в сокрытии пропитания. Священство, само умирая с голоду – иные из причта так за службой и умирали, увещевало горожан, да их никто не слушал!

Только раз, ранним утром, проехали они из княжеского городища в Святую Софию – на всю жизнь страха набрались. Тишина, поистине мертвая, стояла на улицах, где совсем недавно еще толпился народ.

– И скотина не мычит, не блеет... – прошептал тогда Федор, – всю порезали-приели.

– Кака там скотина! – сказал ехавший обочь с обнаженным мечом гридень, – Ни одной лошади нет!

И верно! Странно слышался отзвук копытного стука по деревянной городской мостовой.

– Видал! Видал! – стал он указывать мечом на сгоревшие провалы усадеб, – простая чадь именитых режет, да дома их поджигает.

– Ты сюды глянь! – сказал другой дружинник, – Вона... Александр с ужасом увидел голый труп человека, без ног. – Видал – ноги отрезали и ягодицы! Мертвечину жрут!

– Да ну! Эт собаки!

– Да собак-то уж всех приели! Каки там собаки! Уж всех собак и кошек извели...

Ближе к Софии неубранные трупы на улицах стали попадаться чаще. Двое монахов забрасывали их будто дрова на тележку, с которой уже торчали руки и ноги мертвецов.

– Чего медленно убираете! – рявкнул на них дружинник, – Растеплеет – мор от мертвяков пойдет.

– Не поспеваем, – смиренно сказал инок, подняв на всадников черные провалы глазниц. Все лицо-то у него было, будто череп кожей тонкой обтянутый: – уж четвертую скудельницу трупом наполняем... Уж тыщ с тридцать схоронили...

Накрыв трупы рядом, монахи медленно поволокли телегу вдоль по улице.

– Видал! – прошептал Федор, – И сами-то наземь не валятся оттого, что за телегу держатся...

Вроде тогда они в Софии и службу не стояли. Приложились к иконам, да и назад поскорей. Потому загудел набат, и воины охраны заторопили княжичей обратно, под защиту стен княжеского городища.

– Тимофей, – позвал князь Александр пономаря. – Поди сюда. Ты голод, о том годе, как мы с братом Федором сюда приехали, помнишь?

– И рад бы забыть, да как такое забудешь... – горестно вздохнул пономарь.

– Сказывали, тогда всякий грех творили, скверное ели и мертвечиной не брезговали?

– Истинно так! Иные, из простой чади, людей живых резали и ели. А иные мертвых мясо, с трупов срезая, ели, а другие конину, псину, кошек... Иные же мох ели, ужей, сосну, кору липовую и лист ильмов, кто что промыслит. А иные еще злые люди начали добрых людей дома поджигать, где рожь чуяли, и так расхищали имение их, вместо покаяния. И горше того зло было; видели пред очами своими гнев Божий: мертвецы по улицам, и по торгу, и по Великому мосту, не погребенные. И вторую скудельницу поставили на поле, в конце Чудинцевой улицы, и была та полна, в ней же и числа нет; и третью поставили на Колени, за Святого Рождества церковью, и та наполнилась, в ней же и числа нет.

– За что ж кара такая от Господа?

– Да как же «за что»? – горько усмехнулся пономарь, – По грехам! А может, во испытание, да народ не уразумел! Нам бы, все это видящим пред очами своими, лучше становиться, мы

же только пуще: брат брата не пожалеет, ни отец сына, ни мать дочери, сосед соседу хлеба не преломит. Не было милости между нами, но была туга и печаль, на улице скорбь друг между другом, дома тоска при виде детей плачущих о хлебе, а других умирающих. И покупали хлеб по гривне и больше, а ржи четвертую часть кади покупали по гривне серебра; и отдавали отцы и матери детей своих за хлеб купцам. Горе же это было не только в нашей земле одной, но по всей области Русской, кроме одного Киева. Так Бог воздал нам по делам нашим.

Пономарь всхлипнул, стал утираться рукавом подрясника.

– А пожар-то какой! Весь город вымел! Загорелось от двора Матвея Вышковича, и погорел весь конец Словенский, даже и до конца Холма... Такой лютый пожар был, что и по воде огонь шел, через Волхов...

– И народ, видя такое, не покаялся?.. – на то спросил, не то подытожил Александр.

– Да какое там! Такое озлобление в людях стало: по улицам, среди бела дня, резали!... А иные, бесовство не оставляя свое, волховали да чародейничали... С того волхования глад только усиливался. Народ, как сие уразумел – почал хватать чародеев да в реку метать! А и то сатане в радость! – вздохнул Тимофей.

– Неужто никто ко Господу не прибегал за помощью?

– Как же! – ахнул пономарь. – А через чью молитву Господь град сей помиловал?!

Были молитвенники! Церкви наполнены денно и ночью стояли, народ битком – руки не поднять, чтобы крестное знаменье сотворить. Иные так в храмах и помирали, яко же святые первых лет, и мертвые стояли, так стиснут народ стоял... Тогда и открыл Бог милосердие Свое на нас грешных, сотворил милость Свою. Подоспели немцы из Заморья с житом и мукою и сотворили много добра – а уже при конце был город сей... 26)

– С того часа новгородцы немцам мирволят?

– Да и с того тож! А какой нам от них грех? У нас вон целый конец немецкий, и двор тамо их торговый, и мастеровые немцы живут, и торговля у нас с ними... Немцы Новгороду не враги!

– О как! А что ж чуть не год на них воинский поход идет? Давно ли град Рига зачался, а нонь град сей всем ковам отец да пособник...

– Так немец немцу рознь! Одно дело купец, да мастер искусник – ино рыцарь орденский... Те хуже волков бешеных... Да они, Слава Богу, от нас далеко! Меж нами да ими чудь да водь, да иныи кто... Уж как сравнивать, так Литва много как злее! Эти что ни год новгородские земли разоряют да полоны уводят. Грехи, грехи наши тяжкие... – вздохнул пономарь. – Так что дивиться – все по Писанию деется. И волхвы толпами ходят – врачуют да заговаривают, и народ из страны Киттим должен явиться – при конце времена такое обетование сотворится! Ино ляжешь спать в миру, а встанешь-то по гласу трубы архангеловой на Страшный суд! Все же знаки указуют – при конце веков последний срок живем! Слепому ясно!

– Так-то оно так... – сказал князь, – однако Страшного суда опасайся, а дрова на зиму запасай...

– Истинно, истинно... – засмеялся пономарь. – Пойду я. Пора уж к утрени звонить. Ты князь сидишь тут в затворе, а уж давно день белый на дворе. Помолясь, за дела принимайся, а чтение свое оставь! Ночи ведь напролет сидишь – глаза не жалеешь! Ты что, монах – летописи вычитывать? Ты князь! Твое дело оборону крепить да суд вершить! Истинно, первого князя вижу так-то к чтению приверженному. Даже чудно!

3.

Александр и прежде чтение любил, а как случилась беда с Федором, так стал читать, словно от мира убегая. Будто глух и нем делался, в чтение уходя!

Светел лицом и осанкой прегорд старший брат Александра Федор. При одном взгляде на него ясно становилось – истинный князь растет. Про то и отец, и все домочадцы, бояре

и дружинники так разумели. Александр привык, что Федор первый во всем, а он на вторых ролях. Так-то и спокойнее, и надежнее. Федор не по годам умен и силен. По всем статьям и воин, и управитель.

А как вместе с Великим князем Юрием Всеволодовичем сходил Федор в поход на мордву – так совсем повзрослел, совсем другим сделался, даром, что едва ему минуло пятнадцать лет. Видом воин стал, рассуждением – князь.

Александр помнил, как откровенно, будто два умудренных опытом мужа, разговаривали Федор с отцом, а он, сидя в сторонке, затаясь в темном углу, слушал.

– Вот, – говорил Федор, – ходили на мордву. Мордва – союзная булгарам камским. С булгарами испокон веков у нас пряха идет за Волжский путь в море Хвалынское. Год ратимся, год замиряемся. То мы на них походом, то они на нас. Так от веку. А тут мы на мордву ратью нашли, а булгары и малой подмоги союзникам своим не прислали! Почему?

– Не до союзников им нынче! – сказал отец, – есть известие – они с каким-то кочевым народом, что на них с востока наехал, бьются. И народ сей их одолевает!

– А нам от этого что?

– Вот нам от этого и выходит, что булгары мордве помощи подать не могут. Ты что думаешь, прислали бы булгары свои рати мордве в помощь, вы бы малой кровью обошлись? Булгарская держава сильная, народ крепкий, храбрый... Пришли бы с мордвою противу Великого князя – еще неизвестно, кому бы победа досталась. Князь Юрий знает, какой момент для войны выбрать! На две стороны булгары воевать не могут. Сейчас, знать, булгар припекло!

– Откуда ведомо? – спросил Федор.

– Да вместо того, чтобы противу Великого князя рать выставить, они к нему послов прислали помощи просить.

– Противу кого?

– Да вот супротив тех, что на них из степи наседают. Мунгалы ти, таурмены, татары, что ли... Бог их ведает.

– Не те ли, что на Калке наши рати разбили?

– Да, похоже, что той же державы царя. Тех-то уж, небось, и на свете нет. Они, как князей наших помостом подавили, повели орды свои дальше на запад. Опосля повернули обратно. Дошли степями до Волги, а на переправе их булгары-то и встретили, да всех и порубили! Вот им, мунгалам, и вышло за наших князей да ратников отмщение. Однако, похоже, мунгалы ли, татары, Бог их разберет, за ту переправу нынче булгарам и мстятся!

И тогда из своего угла темного, решился подать голос Александр:

– Вот булгар мунгалы бьют, а с другого боку на них наши рати нашли, когда они слабы сделались...

– Ну, и что? – повернулись к нему отец и Федор.

– Нехорошо это. Не по-христиански.

Отец и брат расхохотались.

– Вот уж ты сказал! Нашел, кого жалеть! Да булгары сии закон Магомета держат – басурмане!

– И что? Мы-то, – прошептал Александр, – мы-то ведь христиане...

– Слабых завсегда бьют! – отрезал Федор.

– Куда же тогда слабым деваться, когда никто в заступление им не придет? – все так же шепотком сказал Александр.

– Пускай Богу молятся! – засмеялся Федор – Придите ко мне вси страждущие и обременении и аз упокою вы...

– Федор! Федор! – мягко, но строго остановил его отец, – С Богом-то не шути. Все во власти его. Нынче силен, а завтра слаб!

И протянув руку, погладил Александра по голове.

– Добрый ты у нас, – сказал он со вздохом, – тяжело тебе будет. В миру то всяк, власть и силу имеющий, другого душист да грызет. Слабым никак быть нельзя.

– Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог! – сказал Федор. Мерцающий свет от лампы и свечей озарял его лицо, золотил кудри. Широкоплечий, статный – истинный воин Федор Стратилат во плоти!

Александр залюбовался братом, но все же упрямо прошептал:

– Сказано в Писании «Не в силе Бог, но в правде»...

4.

При Федоре Александр рос незаметно. Не умел младший брат, как старший княжич Федор, на челядь покрикивать, не умел за нерадение со смердов спросить, не пробовал и с боярами, как равный, а то и набольший – совет держать, все при брате находился да за него хоронился.

Когда пошли разговоры, что, мол, Федора женить нужно, так ни Федор сам, ни кто другой сему не противоречили. Ясно, жениться Федору нужно! Ибо только в браке юноша для служения княжеского совершен бывает.

Толковали – на ком жениться?! Женитьба княжеская по долговому размышлению вершиться, потому брак для супругов таинство да Божье благословение, а для дел княжеских важнейшее подспорье. Браком земли приращивались, браком родословие утверждалось, браком союзничали, браком новых важных родаков приобретали. Равно как браком и врагов наживали. С невестой ведь не только все дружество родичей ее привенчивали к новому роду, но и врагов ее родовых тоже. Княжеская женитьба – дело важное, по рассуждению творится.

Князь Ярослав с боярами и духовенством стал счислять у кого дочери на выданье. Тогда же и подсказал кто-то, чуть не митрополит, что мол, хорошо бы через ту женитьбу с князем Черниговским родство завести. Тут бы и распре вековечной конец!

Но как поднялись думные бояре! Иные искренне, иные стараясь князю Ярославу угодить! Какое, мол, родство! Не те нынче времена! Кто на родство смотрит! Всем памятно, как тесть Ярослава князь Мстислав Удатный – куда уж ближе, второй отец, у него жену отбирал! Ярослав в Новгороде крамолу давил, горожане взмолились ко Мстиславу, тот пришел в силе тяжелой, мало что Ярослава из Новгорода погнали, он и дочь свою, жену Ярославову венчанную, законную, забрал к себе! Сколь пришлось Ярославу потом, гордость свою укрощая, с тестем замиряться!

А ведь Мстислав, свадебную кашу (27) с Ярославом заваривая, когда дочь свою за Ярослава выдавал, на его дружество и воинскую помощь рассчитывал, ан вот просчитался! Потому и не был Ярослав на Калке. Сказался после, что не успел. Ан, ведь другие-то успели – на погибель свою! Воевода князя Ярослава – Александр Попович успел... Там и голову сложил. А князь вот «не успел»... Не успел потому – обиду свою не забыл!

Черниговцы же ковы свои от веку чинили и ни на день не оставляли. Тридцать пять лет назад князя Ярослава пригласили к себе на княжение жители Галича – черниговские князья воспротивились, и приехавшему князю вон показали! Два года спустя Всеволод Чермной князя Ярослава из Переславля ратью выбил! Своего сына – вот этого самого Михаила Черниговского на княжение посадил. С тех пор и повсюду Михаил Черниговский как волк в засаде сторожит, всегда готов на Ярослава кинуться.

Это Александр уже прекрасно понимал и помнил. Не успел в Новгороде голод утихнуть, только князь Ярослав в Переяслав отправился, полыхнул в Новгороде новый мятеж. Беглый бывший тысяцкий новгородский Борис Негочевич с другими боярами, что от гнева князя Ярослава в Чернигове укрывались, тайно оттуда воротясь, захватили Псков. Схватили наместника княжеского Вячеслава, били его смертным боем и оковали в железа.

И дальше пошел мятеж! Полыхнуло и в Новгороде! Забил набатный колокол. Закричали по всем улицам сторонники Михаила Черниговского, что при Ярославе таились да прятались, а теперь поднялись, полагая, что двум княжичам-подросткам со стихией городского мятежа не справиться... Однако просчитались!

Стремительно воротился назад князь Ярослав с дружиною суздальцев и сделал то, чего мятежники никак не ожидали. Похватал всех псковских купцов! И правых, и виноватых! Всех! И посадил их в заложники, а пуще того посадил в подклети жен и домочадцев Борисовой чади (28), кои оставались в Новгороде. В Чернигов-то убегали только мужчины, а семьи в Новгороде оставались жить. И послал грозный приказ псковичам: «Наместника моего отпустите, а Борисовых смутьянов гоните прочь! Пущай идут откудова явились!»

Псковичи было заартачились. Стали выставлять свои резоны: «пустите, мол, к Борисовым челядинам – жен и пришлите все товары, что в Новгороде задержаны! Тогда и Вячеслава отпустим!» Да еще и угрожать вздумали: «А не то мы – себе, а вы – себе!»

Вот тогда и увидели Федор с Александром, какова отцова воля.

– Придавил врагу горло, не отпускай! – учил он сыновей, – Дави его как волка! Отпустишь – он тебе руку отхватит!

Князь не только не отпустил купцов, но все дороги во Псков перекрыл! И хоть голода во Пскове, как было в Новгороде не случилось, однако, соль, что из Старой Русы везли, вздорожала по 7 гривен за берковец(29). Немыслимо! Вроде как теперь псковичи чистым серебром гривенным кашу солили. И рассудили псковичи: а с какой радости им сие терпеть? Пущай Черниговцы с Ярославом счеты сводят да силой меряются, да только не во Пскове. Нам-то, псковичам, от черниговцев какой прибыток? И выпустили Вячеслава из заточения.

Тогда и Ярослав жен Борисовой чади во Псков из Новгорода отдал. Дабы люди псковские видели, что князь слово держит. Однако мира с псковичами не взял и держал Псков за горло мертвой хваткой. Медленно эта пря меж Ярославом и черниговцами тлела. Целое лето тянулась. А в зиму по первому снежку приехали покорные псковичи к Ярославу просить к себе на княжение Федора. Однако Ярослав псковичам не больно доверял, понимая, что сегодня сын на престоле в палате княжеской, а завтра в залоге с цепью на шее. Со скобарей станется! И послал на княжение во Псков своего шурина князя Юрия Игоревича рязанского. Псковичи же, в подтверждения своей доброй воли, всех сторонников Негочеговича с женами их из города выгнали прочь. Те потянулись в орденские земли во град Оденпе – Медвежья голова. Перезимовали там, окрепли, ополчились, а следующим летом изгоном взяли Изборск, который псковичи считали своим, чуть ли ни пригородом.

– Ну! – прихотывая и притопывая каблуками по дубовым половицам горницы, говорил князь посланцам от псковичей: – Ведаете ли теперь, кого вы укрывали?! Какую змею на груди своей пригнали?!

Псковичи не только сокрушенно трясли бородами, но и сами без ярославовой дружины выступили против захватчиков. Изборск отбили, многих черниговцев взяли в плен и отдали Ярославу. Князь же, покидая Новгород, повез их в оковах, с собою, от греха, чтоб не сбежали, да чтобы отбить их сродникам стало невозможно, от псковских земель подальше – в Переяславль.

Уезжал в уверенности, что более набегов черниговцев и мятежей их сторонников в Новгороде не будет – псковичи да новгородцы переменились. Теперь Ярослава станут держаться. Потому и покидал Новгород с легким сердцем, не страшась за подросших своих сыновей.

Однако, когда услышал речь, что не худо бы с черниговцами породниться, побелел и желваками на скулах заиграл. С тем и разговор пресекся. Стали других невест обсуждать, в других союзах выгоды искать, на иные прибитки рассчитывая.

Монахи, конечно, толковали, что это по слепоте человеческой, по маловерию людскому, расчет ведется – как выгоднее женитьбу устроить, а устроится-то всё по промыслу Божию. Как тут не высчитывать, а Господь управит, как угодно Ему.

Размышляя об этом много позднее, Александр с мнением монахов согласился. Истинно – и волос с головы не упадет без воли Божьей. И помнил всю жизнь слова старца, сказанные тогда: «Человек располагает, и мнится ему, что перед ним множество дорог – хочет по той пойдет, хочет по другой... А пред ним одна тропа, и свернуть он с нее не может! Ино Господь его ведет. Кого волею – тот радостен, а кого и неволею...»

Тогда же долго судили и рядили, да не о достоинствах и красоте невест, но о военных союзах, какие этим браком установить можно. Самым сильным врагом становилась Литва. Буйная, молодая, в недавнем и незабытом прошлом поголовно языческая, постоянно нападавшая на земли новгородские. Иной год по несколько раз набеги диких литвинов отбивать приходилось. Потому и решено было брать невесту от князей полоцких, чтобы этот край земель Господина Великого Новгорода родством обезопасить.

Так, во всяком случае, помнил Александр. Счисляли невестино родство с князьями полоцкими – родом сильным, стоявшим в княжеской лестнице престолонаследия особняком.

Александр помнил предсвадебную суету и торжественное оживление во всем городе. Благо, голод утишился, и люд простой подкормился и успокоился. И уж ехала невеста, и ждали ее в городе. Были посланы и встречающие, и дружинники – не токмо защиты ради, но для почета. И Феодора уже на улицах горожане поздравляли и кричали славу. Но видно, Господь по-другому расположил.

За три дня до приезда невесты Федор схватился за правый бок, вскорости почернел и умер. Что стряслось – неведомо. Одно ясно, не умыслением людским злобным, не ядом или стрелой, но промыслом Божиим преставился княжич Федор Ярославич.

Крик смертный и плач встали над городом! Рыдали и домочадцы, и простой люд Новгородский. А каково же невесте, ехавший в чертог брачный, приехать к открытой могиле?!

Александр тогда как одеревенел от горя, и теперь даже плохо помнил происходившее. Помнил смутно, что невесту звали, вроде бы, Харитина, что приняв брачные дары от почерневшего и опухшего от слез князя Ярослава, она не воротилась в дом отца своего, а осталась в Новгороде, где вскоре приняла монашеский постриг, и ныне стала игуменьей в Новгородском девичьем монастыре Петра и Павла.

Бывал Александр на службе во храме того монастыря, видел стоявших отдельно от простых прихожан сестер монахинь, может, среди них и Харитина стояла, да он ее не опознал! Да и не мог опознать. Александр ведь не мог даже и припомнить, точно ли видел он ее или нет... С ним тогда что-то содеялось! На отпевании стоял во храме, на похоронах был, а ничего не помнит! И брата мертвого, во гробе лежащего – не помнит! Помнит только живого! В те дни словно безумен сделался. Ни есть, ни пить, ни спать не мог... Тем только и спасался, что залезал на хоры в Софии Новгородской и читал, читал, читал... Тут же и спать на голую лавку валился. А выходил ли из храма, чем питался, с кем говорил – не помнил...

Гудели колокола, пел хор соборный, а на хорах, точно не на земле, а где-то в ином мире, оставя все мирское попечение даже и о хлебе насущном, в невольном посте, непрестанной молитве и чтении пребывал, точно во сне, четырнадцатилетний княжич Александр. Начисто позабыв, что он наместник отца своего Ярослава, что теперь нет перед ним воина Феодора, прежде всегда идущего первым. Он теперь первый! И он теперь в Новгороде один! Совсем один!

Миновалось лето и осень, пала зима. А он все сидел, не чуя ни дня, ни ночи, в странном молитвенном полузабытьи, пока однажды не услышал у дверей храма тяжкую отцовскую поступь.

Не мог он ее услышать! До хоров высоко, башенная лестница, по которой поднимался отец, узкая глухая, в ней и рядом-то шедшему шагу не слышны... А вот он тогда явственно услышал! Слышал, как далеко внизу отворилась тяжелая кованая дверь, как звякали подковки на отцовских сапогах, как вторили серебряные шпоры, лязгал и чиркал о стены боевой доспех...

Дверь не скрипела! Половицы не скрипели! А княжич знал: отец тут! Словно просыпаясь, оторвался он от книги, прикрыв рукой свет свечи, оглянулся. Отец сидел в темном углу. Тускло поблескивал снятый шлем...

Александр подошел, пал перед ним и положил голову отцу на колени. Тяжелая отцовская рука бережно легла на его голову и гладила, гладила, словно маленького ребенка, утешая.

– Что ж теперь поделаешь... – шептал отец, – что поделаешь,... На все воля Божья. Стало быть, теперь ты старший...

Широко перекрестясь, встал князь Ярослав, наклонясь, шагнул в проем лестничный. За ним покорно двинулся Александр. Они спустились с хоров. Отодвинув кованую дверь и нагнувшись, Александр вышел из храма.

Весь мир сделался бел. Белизна ослепляла. Княжич зажмурился и долго стоял, закрыв глаза, привыкая к холодному воздуху, к зиме... Отец стоя рядом, молчал. Потом, не сомневаясь, что Александр последует за ним, совсем по-стариковски сутулясь, пошел к коням, которых поодаль держали дружинники,... Тяжело поднялся в седло.

Александр глянул вверх на него и увидел: темные густые волосы отца, за тот срок, что они со смерти Федора не виделись, подернулись сединой...

– Пойди в баню, да апосля выпись... – приказал отец, – Заутра, после молебна, на Юрьев град 30) идем... На Медвежью голову31), куда черниговские прикормыши сбежали...

Глава пятая

Первые сечи

1.

Вот тогда в походе, когда качались они в седлах стремя о стремя на бесконечной дороге, или ехали, сидя рядом, в санях, или на ночных привалах лежали у костра, накрывшись одним плащом под мигающими звездами зимним небом, возникло меж ними чувство, даже не понимания, а единения, когда и слов-то особых не требовалось. Думали сходно, говорили так, словно один начинал фразу, а второй ее заканчивал. И благоговел Александр перед открывшейся ему в отце духовной глубиной, тому, что передумал и выстрадал отец, а теперь словно переливал из старых мехов в новые – выстоявшееся зрелое вино размышлений своих.

А князь Ярослав дивился ранней мудрости сына своего, тому, как он умеет спросить и выслушать. Потому и говорил Ярослав без боязни, что Александр может что-нибудь не так понять, и говорил много, как может быть первый раз за всю жизнь. Ибо никому никогда замыслов своих и размышлений никогда не открывал. А теперь не боялся показаться сыну своему слабым, и, не таясь, рассказывал и об ошибках своих, и о бедах, кои себе и другим сотворил. Иной раз и слезу смахивал, не стесняясь сына, ибо почувствовал в нем, по всем временам жизни человеческой, такую редкость – искреннюю сыновнюю любовь.

Со своим-то отцом, князем Всеволодом, никогда у Ярослава такой душевной близости не было, и с братьями всего большого гнезда Всеволодова не случалось. Может, оттого, как преставился набольший князь Всеволод Большое Гнездо, так сразу и пошла меж братьями распря. Да оно и при живом отце-то шла. Ведь Всеволод, не о покойном будь сказано, сам эту распря разжег.

Не зря у князя Всеволода – деда Александрова прозвание дано Большое Гнездо – восемь сынов и четыре дочери возросли в потомстве его. Несмотря на то, что были они меж собою родными братьями и сестрами одной матери и одного отца дети – не было меж ними дружества.

По старшинству шло так: старший Константин, второй Борис (умерший при жизни Всеволода), третий Ярослав (отец Александра) четвертый Глеб, дальше Владимир, Иван и Святослав.

Незадолго до смерти Всеволод составил завещание, где по всей правде расписал, кому чем владеть. Великое княжение – Константину, в те поры княжившему в Ростове, Ростов же – Юрию. Но Константин восхотел оставить себе и Ростов!

Тут бы решить дело миром и увещанием, но Всеволод в горячности изменил завещание и повелел Константину по прежнему сидеть в Ростове, а Великое княжение отдал Юрию! Потому Константин даже на отцовских похоронах во Владимире стольном не был и уж, конечно, о том, чтобы поменяться княжением с братом Юрием, по отцовскому слову, не захотел. Он предложил ему взять во княжение Суздаль, сам как старший, сесть на великом княжении во Владимире, а Ростов отдать своим детям.

Князь Ярослав встал за брата Юрия, чтобы установить правду по отцовскому слову, как христианину надлежит, но за Константина встал тесть Ярослава Мстислав Удатный со всеми родичами своими, считая, что Ростов – родовое наследие только Константина и никакой передаче никому не подлежит. Полилась кровь!

21 апреля 1216 года сошлись дружины на реке Липице, и Юрий с Ярославом потерпели сокрушительное поражение. Ярослав, видя, как гибнут дружинники Юрия, не в силах ему помочь, ушел с поля боя и увел тех, кто уцелел. Но всю жизнь стоял за ним шепоток насмешливый, дескать, Ярослав струсил, потому бежал. Положили же наземь девять тысяч воинов – число огромное. За что? За гордыню княжескую!

На следующий год братья замирились. Константин вернул Юрию Суздаль, с обещанием, что Юрий примет после него Владимирское великое княжение. Так и произошло. Константин во Владимире и двух лет не на княжил – помер. Стал великим князем Юрий – как Всеволод и завещал. Ну, а девять тысяч отборного войска не воскресли...

Ярослав постоянно повторял Александру:

– Девять тысяч! Только представь, сколько это! И ведь то – не мужики чернососные – дружинники княжеские. Снаряженные, обученные... Эка сила даром полегла в распре!..

Про то, что его самого трусостью попрекали, и не вспоминал. Сказал только с горечью: «На чужой роток не накинешь платок».

Александру же за отца было обидно и горько. Ну какой же он «трус»? Всеременно ведь в сечах, всегда в первом сступе, лицо в лицо с врагами бьется, сколько побед одержал, сколько воюет неустанно, а слушок все ползет, да еще и присовокупляют, дескать, после Липицы побежал Ярослав с Константином мириться, тем за собою Переяслав Залеский, где Александр родился, и удержал.

– А что ж мне было с братом своим единокровным, вечно враждовать? – сказал Ярослав Александру. – Он же допрежь всего брат мой... А что мне это за унижение числят, так кто числит? Какое мне унижение – это брат мой. Что Константин, что Юрий равно!

Слова эти в походе на чухонскую реку Омовжу в орденские земли, как бы мимоходом, Ярославом оброненные, Александр навсегда запомнил. Все как по заповеди Христовой: – допрежь покаяния пред лице Господня – иди примиришь с братом своим... С братьями служить надобно, и тому был Александру пример отца и Великого князя Владимирского Юрия.

С Юрием отец дружил, ближе Юрия никого из братьев не считал, и тому Александр был свидетелем.

2.

Оставив при себе малый отряд для охранения от всякого нечаянного наезда рыцарей, Ярослав всю дружину отпустил в зажитья – грабить Орденские земли.

«Грех, конечно. Ведь простой народ страдает! Рыцари да купцы за городскими стенами отсиживаются, а простых мужиков дружинники тиранят да примучивают, жен и девок про-

стого люда скоромят!» – подумал князь Ярослав и удивился, что раньше о таком и не размышлял. Даже невольно оглянулся на Александра. От него, от сына-подростка, коего князь до этого похода считал несмышленищем, мысли такие. Это он разговорами своими на совесть поворот княжеским размышлениям дал, когда спросил: – А не можно ли в зажитья дружину не пущать?

– Это как же? – удивился князь, – Сие от веку ведется!

– Так ведь грех... – потупя глаза, сказал Александр, – По заповедям-то...

– Ну, вот мы с тобой и не грабим... – попробовал отшутиться князь.

– Сами-то не грабим... – все так же тихо сказал отрок.

– Эх, сынок... – только вздохнул Ярослав, – знамо, на князе всей дружины грехи... – сказал и сам своим словам подивился, точно это не он, Ярослав, произнес, а кто-то другой. Все князья добычу доблестью считали, а не грехом. А сын вот сказал, как ножом полоснул.

– Как же, сынок, без добычи? Дружина должна хоть бы на свое содержание добывать! И воевать должна постоянно! На что и дружина, когда не воевать да не обороняться? Иначе казну княжескую быстро истощат. Смерд пропитание сохой да косой добывает, охотник и рыбак силками да неводом, а дружинник мечом!

Но Александр смотрел в землю и молчал.

– Без греха, мил ты мой, в миру не проживешь. От Адама ведется. И видать, до Страшного судища Господня иначе не будет... – словно бы оправдывался князь, – Ты по-другому смотри. Вот пошла дружина в зажитья – стало быть, достатки орденские истощит. Выйдут рыцари из города от дружинников отмахиваться да полон свой отбивать, что наша дружина уводит, а нам то и потребно! Одно дело – дружине на стены городские лезть, где рыцарям каждый камень помогает, иной разговор – в чистом поле с ними ратиться. Тут не у них, а у нас выбор, где стать. Вот размышлять будем. Рыцари клином свиной ходят. Сбиваются в железный кулак и любую оборону прошибают! Стоит хоть тысяча воев, а на версте стенкой – как выходит? По дружиннику на сажень! А они идут клином по пять рыцарей в ряд стремя в стремя. Вот получается, что против одного дружинника враз пять конных оказывается! Да в панцирях, да в латах кованых! Стало быть, что? Стало быть, стенке, хоть ты ее из камня сложи, противу не устоять! Почему? Отвечай.

– Стенка тонка да растянута, неведомо ведь в каком месте железный кулак ударит – согласился Александр. – Что толку, ежели на сто верст сто тысяч воев поставлена? Когда кулак железный стенку пробивает, враз против десятка дружинников сотня в железах закованных супротивников оказывается! Не устоят!

– Что же нам делать? – хитро прищурился князь.

– Резерв держать, чтобы, как рыцари проломаются, так в проломе заслон выставить... Усиливать, чтобы сто на тысячу...

– Э, милый, где ты резерв такой держать станешь? Да и не успеет резерв! В доспехе скоро не побегаешь, да по сугробам, хоть бы и конно! Надо, стало быть, рыцаря на себя вытянуть, да подвести к тому месту, где ему мы быть приуготовим. Начинать ратиться перед полками и отходить, отходить! А клин рыцарский за собой тянуть...

– А они враз разделятся, да и обойдут полки!

– Вот и надо стать так, чтобы обойти было не можно! Скажем, с одной стороны река, а с другой болото.

– Да где ж такое место сыскать!

– А не сыскать, так построить. Рогатки поставить, волчьих ям накопать... Приуготовиться. Но мы-то сделаем еще и по-другому. Мы противу сильных – слабых поставим. Оне ударят в центр, проломаются и попритчятся им, что мол, побеждают – мол, слабы супротивники. Да в горячке боя и завязнут, вот тут полк левой и правой руки ударят их под бока! И тут уж не против дружинника пятеро немцев, а противу рыцаря пятеро дружинников. Оне же плотно

идут, негде им расступиться да поворотиться. Вот тут-то резерв и надобен. В бока бить! Центр подкреплять! Ударим враз со всех сторон, а там и повалим их назад! По уму-то – хорошо бы у них на плечах и в город ворваться! Изгоном! Пока не успели ворота затворить. Так-то по уму!

А про себя подумал князь:

– Кабы всегда по замыслению творилось! По замыслению-то всегда гладко! Ин рыцари тоже не дураки! В сечах опытни! И они, небось, не сложа руки сидят, а как наступать вымышляют! Ведь как свалятся воины в сече – тут уж не до размышления...

Александр же ночью у костра думал не о том, как будут стоять полки, а вспоминал убитого на охоте зайца. И содрогался при мысли, что теперь придется людей рубить! И теперь не свой опытный дружинник будет стоять против него как на учении, где ежели промахнешься или незащищенный бок подставишь – тумачом да синяком отделаешься, а тут противник – враг лютый, который убить тебя пришел!..

– Георгий Победоносец и Федор Стратилат – воители Господни, встаньте в защиту мою, укрепите меня... – молился Александр, памятуя, что Святой Федор Стратилат не только небесный покровитель умершего брата Федора, но и отца – князя Ярослава, в крещении получившего «божье» имя Федор. Небесный воитель представлялся Александру братом Федором, только огромным в полнеба, в сияющем доспехе с пламенеющим мечом, воздетым в деснице...

3.

Князь остановился на берегу скованной льдом и заснеженной реки Омовжи. Она угадывалась по береговым зарослям. Обоз отвели назад и за обозом устроили лагерь. Сюда возвращались с добычей дружинники. Здесь ее делили и отправляли в Новгород. Ярослав вторично в зажитья дружинников не отпускал, формируя полки. Сюда же приходили эстии, воевавшие с ливонцами. Их Ярослав рассылал малыми дружинами в полки, чтоб стояли среди новгородцев да суздальцев, а не сами по себе. Княжеские вои эстиям малодушничать да бежать – не допустят. А глянул на эстиев поближе и понял, что эти, охотою ко князю пришедшие, не побегут. Видать хватанули при рыцарях-ти горячего до слез! У них аж глаза белели, как они за Омовжу посматривали.

За Омовжу к самому Юрьеву, по-нонешнему, по-немецки Дерпту, ушла конная сторожа. Она-то и приняла на себя первый удар вышедшей из Дерпта немецкой рати.

Александр спал на снях и проснулся от криков воевод, скликавших свои отряды. Отовсюду бежали дружинники, становились в ряды. Гридни обрядили Александра в доспех, помогли подняться в седло.

Ярослав подъехал, глянул на сына:

– Ох, и здоров же ты вымахал! А ведь еще расти будешь... В сечу не ходи. Яким!

– Здесь я!

– Возьми своих гридней, и стойте вон там, на горушке с Александром. Истома!

– Я!

– Давай и стяг туда! Яким над вами набольший! Слушать его беспрекословно!

Кони, увязая по брюхо в сугробах, вывели дружинников и Александра на возвышенность, откуда было далеко видать и реку, и заречные луга. Александр рассмотрел, как с той стороны к реке бежали пешцы и скакали всадники. Издали они казались маленькими, как бы и вовсе ненастоящими. Вот последний всадник выскочил на лед, конь заскользил и повалился на бок. Всадник вылетел из седла, но повод из руки не выпустил. Поднялся и, прихрамывая, пошел к берегу, где достаточно близко стояли густые ряды эстиев с рогатинами, вперемешку с лучниками и пешцами с длинными копьями.

– А где конница-то наша? – спросил Александр боярина.

– Здесь! Где ей быть? Вон и ближе, и дальше пешцев стоит. Вон-ти по бокам. В лесочке.

– Идут! Идут! – заговорили дружинники.

Со стороны Дерпта длинной колонной во все ширину проезжей накатанной дороги, по пять-шесть всадников в ряду пошли немцы. В снежной пыли не разглядеть конца колонны наступавших. Рядом с рыцарями и меж рядов густо виднелись пешцы... Сверкали доспехи всадников, чернели кольчуги пешцев, вились флюгера на тяжелых рыцарских копьях, будто пена на закипающем молоке шевелились белые плащи с красными крестами.

– Эва сила кака валит! – опасно прошептал молодой дружинник:– Все в железах! Страх!

Колонна, не нарушая строя, пошла по наезженной дороге через реку, выкатилась на берег. Тучи стрел, как пчелиный рой поднялись и пали на рыцарей, похоже, не причинив им никакого вреда. А пехотинцы, если и падали, то сбивали их не лучники, а арбалетчики, стрелявшие коваными болтами.

Многоголовый звериный крик и грохот ударов накрыл берег.

– Вона! Треск какой! – прокричал дружинник, – Будто ледоход начался!

Рыцарская колонна начала раздаваться в стороны, как река, встретившая запруду, стала накапливаться, раздаваться вширь, неотвратно продвигаясь вперед...

Александр, захваченный картиной боя, поймал себя на том, что ему совсем не страшно, а только жаль, не видно, что там – в прибрежном лесу и зарослях творится.

Рыцарская колонна все больше расходилась вширь у берега и медленно накатывала все дальше на берег. Александр сосчитал, что в ряду уже не пять всадников, а двадцать! А когда пошел на берег последний ряд, насчитал в нем сорок с чем-то всадников.

Крик и шум сечи стал отодвигаться от кромки льда вглубь прибрежного леска.

– Как бы нас тут от войска не отсекали... – сказал дружинник, – Как пробегут-ти, про нас и не вспомнят!

– Молчи, дура! – рявкнул боярин, – Куды ты раньше смерти в преисподнюю скачешь!

Александр увидел, как между его отрядом и сечей, все более удалявшейся от берега, колонной по три неторопливо пошли конные суздальцы. Они протянулись до кромки льда, остановились, повернули коней и опустили копья в сторону сечи. Воевода воздел над головою сверкнувший как молния меч и всадники, укрываясь круглыми щитами и выставив копья, медленно двинулись по сугробам вперед – туда, где невидная за леском грохотала и выла сеча.

Звериными голосами зарычали трубы. Из прибрежного леска назад на лед стали выбегать орденские пешцы и пятить лошадей рыцари-конники. Их становилось все больше. Они сбивались толпой, шевелились на льду, вырастая как грозная туча. Первые сошедшие на лед, поворотив коней, подпирали и толкали назад, пятившихся с берега всадников и пешцев.

Переходили меченосцы реку правильной колонной и только на берегу разворачивали ряды вширь, а теперь всей этой ширию, всем скопом бестолково вываливались назад на лед. Сгрудившись в кучу, пятились рыцари, а некоторые кнехты уже выбирались на Дерпский берег. Там орденские воеводы опять строили их в ряды и гнали обратно в сечу. Пошло с Дерптского берега на лед и конное рыцарям подкрепление. Сотни людей в беспорядке топтались на льду Омовжи. Старшие торопливо формировали эту бестолковую толпу в правильные ряды, чтобы вновь двинуться в сечу на берег.

– Че ж наши-то стоят! – размахивая рукой в красной рукавице, горячился молодой дружинник, – поехали и стали! На льду их добивать надо! На льду им укрыться негде! Надоть со всех сторон наседать, как собакам на медведя. Чего стали-то! С боков их давите! В копья, совыя да рогаины их!.. Покудова оне в правильный строй не стали! Вот ведь нет никого наших-ти!

Боярин ничего не успел ответить, раздался треск, и страшный вопль вознесся над рекою. Под тяжестью сгрудившегося рыцарского войска лед проломился. Люди камнем пошли на дно в черную воду. Огромная полынья, словно молниями рассекая трещинами лед, стремительно разрасталась до самого Дерптского берега. Лдины крошились, под тяжестью людей становились боком. Переворачивались...

Дружинники и не успевшие отступить на лед меченосцы, замерев от ужаса, смотрели, как мгновенно исчезают в черной воде люди и кони... Сеча остановилась.

– Пошел! Пошел! – закричал воевода конной дружины, показывая мечом, как охватывать оставшихся на берегу рыцарей.

Ощетинившись длинными копьями, конная дружина повалила по сугробам на рыцарей и кнехтов, оставшихся на береговой тверди. Те не сопротивлялись. Бросали тяжелые копья, мечи, снимая ведра глухих шлемов, поднимали руки.

– Сюда-то оне цепочкой шли, а обратно скопом как повалили – вот лед-ти и обломился! – повернул к Александру улыбающуюся харю словоохотливый дружинник.

– Каб лед не треснул, мы б счас в Дерпте пиво пили! Вона у нас конница не тронутая! На плечах бы ворвались! – оживленно толковали, между собой гридни.

– Да! – вздохнул воевода. – Победа – оно конечно! А прибытков то никаких! Вон два десятка куроцапов попленили – и все! За них и выкупа-то с гулькин нос! Потопли наши прибытки. Счас бы в город войти! – толковал он молчавшему Александру, – вот тогда бы и добыча была! А как теперь туда добратся – во всю реку полынья!

– Да она, завтра, льдом схватиться – ехай на здоровье! – возразил болтливый дружинник.

– Глупой ты! Так бы вместе с бегущими конная дружина за стены ворвалась, прямо через ворота – изгоном! А теперь оне затворились! В осаду сели. А нам осадить не с руки! Зима! Коням прокорму никакого. С неделю постоим, там кони падать начнут. А сходу на стены не взлезть!

Где-то за леском дружина орала славу князю.

– Слава-то оно, конечно... – сказал тиун Яким, – только из одной славы шубу не сошьешь...

С тем и двинулись обратно в Новгород.

В лето 6742 (1234). Пошел князь Ярослав с новгородцами, и со всей областью, и со своими полками на немцев под Юрьев. И остановился князь, не дойдя до города, с полками, и пустил людей своих в зажитье 32) воевать; немцы же выступили из града, а иные из Медвежьей Головы на сторожи, и бились с ними те до подхода полка. И помог Бог князю Ярославу с новгородцами, и били их до реки, и пало тут несколько лучших немцев; а когда были немцы на реке Амовже, обломился лед, и утопло их тут много, а иные, раненые, вбежали в Юрьев, а другие – в Медвежью Голову; и много опустошили земли их и урожай потратили. И поклонились немцы князю; Ярослав же заключил с ними мир на всей правде своей. И возвратились новгородцы все здоровы, а низовцев 33) несколько погибло.**

4.

– У черного люда – одна правда! У дружинников да воевод – другая, а у князя – третья! Всяк о своем хлопочет, – сказал отец, на беседе с веселием 34), сидя за столом широким, когда они вернулись за стены городища в трех верстах от Новгорода. – Хоть добыча мала, а прибыль велик! – весело говорил Ярослав. – Ну и что, ежели ни злата-серебра, ни мехов драгоценных, ни даже овчин вонючих да баб плодучих из похода не притащили! Привезли победу! Смекай! За победой-то нашей что воспоследует? То-то и оно, что магистр послов пришлет по нашей правде договор на замирение учинять! Теперь-то все, что нам надобно, мы у них и стребуем! И тогда по нашей-то правде, по договору, прибыль сам в Новгород потечет рекой широкой да полноводной! Новгород торговлей живет, с нее богатеет. В Новгороде кто первые, да набольшие? Торговые люди! Вот им теперь воля и простор! И никакого урону, ковы и препятствия меченосцы им чинить не смогут! Теперь торгуй Новгород невозбранно, вези товары, хоть по морю, хоть посуху! Сами-то видели, кто к нам с поминками пришел, да в ноги валился – торговые люди! Князь-де удал! А и то! Небось, не черниговские болтуны! Те все обещали да посулы

сулили, а за городские стены-то и носа не казали! А мы вон пришли и все пути торговые одним махом очистили! По нашей правде мир с рыцарями возьмем!

Бояре и старшие дружинники кричали князю славу, захмелевшие сытые младшие дружинники – дети да пасынки 35) за своими столами бражничали невозбранно, благо богатые новгородцы привезли много еды и всякого брашна.

Однако старший боярин – в плечах широкий, со шрамом через все лицо – заметил, вздохнув:

– Войско на войско – чего не ратиться! Милое дело! От медведя-то можно и рогатиной оборониться, ишо и шкуру, мясо да сало его на потребу себе взять, а ты вон от осинового роя оборонись!

– Верно, верно... – закивали бояре, – Литва, что ни год, со всех сторон язвит! Селища все как есть зорит! Не успеешь опомниться, а уж селище на дым пущено, а смерды и бабы с детишками все в полон угнаны!

– Верно, верно! Пожар да комар – не знаешь, что и хуже!

– Это уж, честные бояре, – сказал Ярослав, – уж, как не крути – ваша забота! Литвак большой ратью не ходит, и князей, с кем мир по правде сотворить можно, не имеет! Нынче – литовский князь, иной и крестное целование возьмет, а не успеет восвояси воротиться – его уж и на ножи посадили, не то еще как башку отвернули! С кем мир творить, когда в литваках закона нет?

– Каждую вотчину не оборонить! Где столько воев набраться?! Да и, поди знай, откуда какой разбойник ударит! Оне ж как волки ходят, за каждым кустом сторожат – загалдели старшие дружинники. – От Литвы разорение пуще немцев!

– Эх, князь, кабы с полочанами купно, заедино на литву ударить, так и разнести их гнездо осиное напрочь!

– Ага! Хороша дубина вспроти медведя, а вспроти комариной тучи хоть в доспех хитростный рядись – толку не будет! – усмехнулся боярин со шрамом.

– Дайте срок, ребятушки, и на литву окорот найдем, – сказал Ярослав и как-то искоса, весело глянул на Александра. Княжич поймал этот отцовский взгляд, запомнил, но не понял, почему на него так отец посмотрел! А спросить не решился. Да и как спросить? О чем? Неловко.

Зиму дожили в спокойствии. Приезжали от рыцарей посланцы, привезли выкуп за пленных и подписали мир, на всех условиях князя Ярослава.

Александр во всех переговорах сидел рядом с отцом. Говорили и по-немецки, и по-шведски, поскольку и тем и другим языком оба владели. Но все пункты договора обсуждали через толмачей и только по-русски, дабы новгородцы князей в сговоре с немцами не заподозрили. Разумеется, это была во многом пустая формальность, торговые люди новгородские германское наречие разумели почти все. Но по-русски говорили, чтобы пустые разговоры в простом народе не пошли.

– Оно, конечно, – говорил Александру отец, когда они остались вдвоем в домашней палате, скинув тяжелые кафтаны и собольи шапки. – Договор хорош, когда за ним сила стоит! Чуть ослабнем – немцы про договор и не вспомнят! Это они сейчас сговорчивые, когда мы им холку намяли, да литва разбойная их с боков подпирает. Я, чаю, хотят они с нами замирение сделать и союз заключить, чтобы совместно на литву ударить. Союзников ищут! С нами-то им сейчас договариваться о союзе не с руки, еще Омовжа памятна, а союзников ищут. И найдут! Как располагаешь, где?

– Да что тут думать, – сказал Александр, – Во Пскове! А еще-то где?

– И в Чернигове! Однако Чернигов далеко, а Псков под боком. Знамо, во Пскове! Ну вот пуцай, со Псковом совокупаься, и ратятся с литвой. Это ведь как решетом воду носить! Кабы был в Литве князь набольший, способный всех своих разбойников в руке держать – мы бы

вмиг с ним мир сотворили! Худой ли добрый – ино дело, но мир! А нынче-то с кем говорить? В Литве каждый сам по себе! Буренка, да три куренка – вот тебе и князь! Князей, как на собаке блох...

По весне бояре разъехались по усадьбам на посевную страду. При князьях осталась только малая дружина из детей да пасынков. Молодые ребята томились за городскими стенами. Земли они не имели, не выслужили еще у князя поместий, а весна звала, тянула в поля, в лес, на Ильмень озеро. Ежедневное стояние в церкви и воинское учение, кои и в другое время казались молодым ребятам изнурительными, теперь вовсе стали в тягость. Только криком да тычками удавалось сюздальцам заставлять их выполнять замысловатые построения да колоть копьями соломенные чучела, в конном и пешем строю махать мечами.

Томление конца весны и начала лета, еще не сменившееся летним зноем, повисло над Новгородом и княжеским Городищем, теплым ласковым ветерком выдувая из теремов и курных изб зимнюю копоть и духоту. Должно, в такой же истоме пребывал и малый гарнизон в Старой Руссе, когда невесть откуда налетели, литваки!

Забил набат в Новгороде. По его зову сбегались ратники как на пожар. Уже с коня, прокричал Ярослав Александру:

– Сажай воев в насады! Выгребайте на Ловать к Старой Руссе, там и встренемся! Без меня в сечу не ходить, не моги!

Новгородцы разворачивали порожние от товаров насады, спешно вываливали прямо на мостки пристани из нагруженных судов товар. Иные охапкой тащили доспехи, сваливали в насады, мол, потом по пути в доспехи облачимся, и деловито садились на весла.

– Шелом, шелом боевой надень!

Тиун Яким поспешал за широко шагавшим Александром.

– Кольчугу-то и в насаде наденешь, а шлемом-ти сразу покройся! Чтоб видать было, где князь!

Первый десяток судов отвалил от пристаней. Ладейщики споро выгребли в Ильмень озеро и бросили весла, когда попутный ветер выгнул дугою паруса.

– Ах ти, злодеи! Руссу взяли! Да это как нож к горлу – Русса – солница Новгородская! Ну, как ключи соляные отымут! Слезами тогда яства солить станем, да кровушкой своей... – толковали меж собой мужики новгородские, крепя щиты на борта насадов. Реки Шелонь да Полисть, не то Ловать, где с князем Ярославом встретиться предстоит – не широки – гребца с берега легко стрелой достать!

Александр на передовом струге стоял, упираясь рукою в высоко поднятый нос насада. Издалека, зная, виднелся его светлый шлем. И от того, что вот он – князь ведет лодейную рать, наполнялась душа волнением и гордостью.

– Ты бы, княжич... того... Как в реку войдем – присел бы! Не ровен час – с берега метнут стрелу, тут тебе и вечная память... – сказал рябой и шербатый гребец, когда они пересекли озеро и подошли к устью Ловати.

– Сядь! Сядь! – заколготился Яким. – Ну, как счас на литву напоремся, а у тебя ноженьки уставши! В пешем сступе на усталых ногах, – какой ты боец! Сядь! Не торчи! И то ведь вон жердь какая вымахала – за версту в тебя целить можно!

Но Александр не мог усидеть, все вскакивал, все всматривался вперед, ожидая за очередным изгибом реки увидеть косматую толпу звероподобных литваков. Но река петляла, а супостат не объявлялся.

Уже чуть притемнело, когда с берега замаячили факелом.

– Наши, – увидя условный сигнал, облегченно вздохнули гребцы.

Князь Ярослав с дружиной только, что подошел к Ловати и ждал возвращения конников, посланных в подсмотр 36) к Старой Руссе.

– Литва в Руссе посад пожгла, разорила и вон вышла! – доложили вернувшиеся к утру всадники. – Сказывают, на Клин подалась. Огнищане да гридни успели в городе затвориться. А монастырь на посаде литва пожгла и разграбила...

– Спасо-Преображенский? – ахнул князь.

– Его! Монахов всех порубили, посадских людей, кои не успели в город вбежать, полонили!

– Ах, ты... – сжал князь кулаки, заиграл желваками на скулах. – На Клин, говоришь подалась? Сами-то оне конны?

– И конны, и пеши, и на возах. Сказывают, больше-то на возах. Возы ти все добром церковным понабили. Сверху уселися и поехали. Полон повязанный за телегами погнали.

– Велик-ли полон?

– Сказывают, душ с полста.

– А самой литвы?

– С полтыщи будет! Да пес их сочтет. Оне то сгрудятся, то, как грабить начнут, на шайки рассыпаются. Оне ведь не то что немцы, правильного строя не разумеют...

– Обучим, – уверенно сказал Ярослав: – И нашей правде обучим, и сюды ходить отучим! Конные суздальцы засверкали белозубыми улыбками.

– Александр, – позвал князь, – сколь у тебя съестного припаса на лодьях?

– Какого припасу? – не понял княжич.

– Ну, хлеба хоть...

– Да мы-то, князь, – заторопился, загораживая собою Александра, высунулся Яким, – мы ти больно споро собиралися, припаса не брали...

– А жрать-то чего будете? – рявкнул Ярослав, – Ты-то, старый хрен, чего думал! Чай, не впервой на рать идешь! Небось, ведаешь, что вас тут пирование с веселием не ждет!

– Да уж больно споро схватилися, опоздать боялися, – валясь князю в ноги, подвывая, оправдывался тиун.

– Ладно! – сказал князь. – Без вас управимся. Возвращайтесь в город. А ты, – повернулся он к Александру, – в другой раз не выскакивай как петух на драку... Бой вести, не удом трясти! Ступай вон хоть умойся, а то так щеки полыхают, еще литваки увидят – продумают, ты им весть какую маячишь.

Мордатые суздальцы открыто хохотали.

– Коням овса задайте, как проедят корм, тронемся! Бог даст, под утро нагоним литву! Как они поночуют, да возы запрягут, тут мы с ними и поздравствуемся. А вам тут ждать не почто! Ночь светлая, гребите обратно.

Насады тронулись в обратный путь. Но поворотили не назад через Ильмень озеро, где до Новгорода по прямой всего верст с тридцать, а потянулись вдоль берега в сторону Шелони.

– Что-й то мы не в обратную сторону гребем? – опасливо спросил Яким.

– Да в обратную... – нехотя ответил кормщик. – До Шелони дойдем, а там попутное течение и ветер с берега будет... Вот до города нас и донесет! Чего зря веслами махать!

– К литве-то в зубы не заедем?

– Литва не в насадах пришла! Чего она нам с берега сделает?! Однако, опаску держать надо. Литва шайками бродит, может, и здесь какая по берегу рыщет.

Александр сидел на корме и стыд, тот, давний, но не забытый, когда оплошал он на охоте, палил ему щеки, выжигал слезу...

Бежала по воде лунная дорога, чуть плескали весла. Вдали от берега на ветерочке комары не донимали. Половина ладейщиков спала, а он как в костре горел... Боялся расплакаться.

– Княжич, – шепотом позвал вдруг кормщик, – Ну-ко поглянь... У тебя глаза молодые...

– Зарево над лесом занимается, – сказал Александр, – либо кострище, либо пожар...

– Не иначе литва рыбацкое селище палит! – сказал кормщик. – Просыпайтесь, робяты!

И повернувшись к Александру, не то сказал, не то приказал:

– Ну, князь, веди!

– Господи не оставь, Господи вразуми... – прошептал Александр. И словно не своим, а каким-то незнакомым властным голосом негромко скомандовал: – Правьте все насады под берег в тень! Весла суши!

Когда насады стянулись поближе, приказал половине ладейщиков сойти оружно на берег. И сам побежал впереди них, огибая селище. Когда новгородцы вытянулись широкой дугой, охватив село, подал сигнал, и петля из бойцов, построенная им, поворотилась и начала стягиваться.

Обнажив меч, Александр пошел прямо на огонь, мерцавший меж деревьев, рядом с ним, проламываясь как лоси, через кусты справа и слева шли новгородцы. Александр чувствовал, что поначалу редкая их цепочка с каждым шагом, смыкаясь, уплотняется и теперь уже никто не сможет прорвать строй новгородцев, ежели кинется бежать в лес.

Потом, в одиночестве, он не раз вспоминал ту ночь и каждый раз говорил себе, что это Бог ему, неопытному небывальцу, помог. Даже если тот охват он придумал сам, только Божьим промыслом они уцелели. Шли-то как! Без подсмотра, ничего не разведав, напролом! Слава Богу, что не рать, а только шайка бродячая литваков селище разоряла – враг ладейщикам вполне посильный! На пожарище, где ошавшая от незащитности селища литва упивалась грабежом, новгородцы выступили все вдруг плотной сомкнутой стенкой, сразу с трех сторон.

Господь надоумил и дал Александру в ту минуту громовой голос, чтобы крикнуть властно, по-отцовски:

– Вперед не выскакивать! Стенкой ломи! Дави их стенкой! Не выпускай не единого!

Разбойники заметались в стяжке кольца копий и острых багров. Двое или трое кинулись с мечами на сомкнутый ряд и тут же покатались, срубленные, в траву, напорившись на стальную щетину.

Тогда и увидел он в двух шагах впереди себя стрелка, припавшего на колени и ладившего кованный болт в натянутый арбалет. Но руки у арбалетчика тряслись, и стрела в паз не попадала. Успей он тогда выстрелить... Шел-то князь без щита, на нем всего и обороны было – кольчуга да шлем без личины 37). Да никакой бы доспех и не помог на десяти-то шагах против арбалетного болта, коим коня от груди до хвоста насквозь пробивают!

– Берегись! – крикнул, пытаясь закрыть Александра щитом, идущий рядом новгородец, но сам споткнулся о корень сосны и упал. Александр взметнулся, словно ангелы подняли его, в два прыжка долетел до арбалетчика и со всего плеча рубанул мечом!..

– Успел! Успел! – восторженно закричал новгородец, тот, что пытался закрыть его щитом. – Ай, резвец! Ай, умница! Успел!

Густая волна новгородцев залила все селище, гоня слабо защищавшихся литваков к берегу, а оттуда навстречу им от воды уже бежали с веревками и баграми подоспевшие струговые гребцы.

Дальше Александр помнил урывками. Помнил, как причитал, ругался и поил его медвяным питьем Яким, помнил, как новгородцы отвязывали от возов пленных, как те кидались хоть что-то отыскать среди тлеющих головешек. Помнил женщину, которая разгребала руками тлеющее кострище, бывшее когда ее землянкой... Ее отгаскивали... Она вырывалась, кричала, кидалась обратно к пепелищу... Сквозь гул, поднявшийся у него в голове, Александр понял, что там у нее сгорели дети. Им литва не дала выбежать. Завалили хворостом и зажгли.

У берега на коленях стояли пленные литваки. Но вид у них был не испуганный и не подавленный.

– Вот, – сказал, весело улыбаясь, какой-то весь прокопченный новгородец с опаленной бородой. – Вот князю – слава! И мы с добычей! Счас в Новгород отведем и будем за них выкуп брать!

– Это уж всегда! Она всегда своих родаков выкупают... А не то половцам продадим! Обратно вот идем не с пустом, а с прибытком!

– А вон того я узнаю! Уж не то второй, не то третий раз имаем! Тебя что ль, осенью брат выкупал? – спросил новгородец здоровенного рыжего мужика.

– Меня! – осклабился тот. – И теперь выкупит! Он богатый!

– Они что, по-нашему разумеют? – спросил Александр.

– Как не разуместь! Половина литвы, кааб не все – русские...

Александр посмотрел на женщину, наконец, затихшую – валявшуюся без памяти... На обгорелых мужиков, бродивших по пожарищу.

– Им бы припасу оставить, да вот не взяли... – сказал Александр вслух.

– Да на что? У них сети поставлены... Лодки где-то попрятаны... Мужик – он как трава. Чем больше топчут, тем гуще подымается! Не угнали в полон и слава Богу... А на своей-то земле он не пропадет! А кто и помрет, так бабы новых нарожают! – сказал Яким.

– Вот теперь, князь Ярослав, ежели литву догонит да побьет – тоже с добычей будет, ан и мы не с пустом назад идем... Вот и нам удача... – толковали ладейщики.

– А ей? – сказал, подымаясь Александр. – А ей, матери этой сирой, тоже удача?

Голос его сделался суров, словно не он говорил, а кто-то другой сильный и грозный... Ладейщики замерли, иные с удивлением и страхом, глядя на этого рослого юношу...

– Всех литваков повесить! – сказал Александр твердо, – Всех! И впредь в плен никого не брать! Всех татей вешать!

Сказал так, что никто и возразить не посмел.

Александр поднялся в насад, сел в корме, укрывшись корзно. Гребцы торопливо разобрали весла, хотя уже рассвело, с берега дул изрядный ветер, и можно бы только под парусом плыть.

– Что ж это плечо так болит... – проваливаясь в дрему, подумал Александр, и тут его как молнией ударило: – Это же от меча! Это же я мечом руку из плеча вынес... Господи, я же человека зарубил... Господи, прости...

– Яким, – сказал он, – Я вправду, что ли, человека зарубил?

– Не человека, а злодея богопротивного... – заботливо подтыкая князю с боков корзно, сказал Яким. – Какой он человек? А не ты его, он бы тебя...

– А как же заповедь «Не убий»... У него, может, и дети есть, отец с матерью...

– А что ж он сам-то убивал? Зачем он сюда пришел? А? Что ж они, забавы ради сатанинской детишков пожгли? А? А ты князь! Ты – меч Господень, страх и суд обидящим, заступление сирым и убогим... Спи, дитенок...

– Какой я тебе «дитенок»... – прошептал Александр.

– И то верно, – вздохнул Яким, – Не дитенок. Вырос! Это я уже старик сделался...

...Тогда же весть пришла в Новгород, к князю Ярославу; князь же с новгородцами, рассевшись в насады, а иные на конях, пошли за ними по Ловати. И когда были у Моравьина, возвратились ладейщики обратно в город, и князь отпустил их, потому что не хватило у них хлеба, а сам с конниками пошел за литовцами. И настиг их на Дубровне, на селище, в Торопецкой волости, и тут бились с безбожной окаянной литвою; и пособил Бог, и крест честной, и Святая София, Премудрость Божия, князю Ярославу с новгородцами над погаными, и отняли у них коней 300 и товар их; а те побежали в лес, побросав оружие, и щиты, и сови*, и все с себя; а иные тут костями пали. А новгородцев тут убили 10 человек... Покой, Господи, души их в Царствии небесном, проливших кровь свою за Святую Софию и за кровь христианскую.

Глава шестая.

Князь-наместник

1.

Ярослав воротился в Новгород весел: полон отбили, добычи привезли много. Отмывшись в бане, отстоял благодарственный молебен, сел в горнице с Александром за трапезу.

– Ну что, воитель грозен, – сказал он, пряча усмешку в усы, – сказывают, ты полон братья не стал, а велел всех татей повесить?

– И дале вешать буду! – набывшись и глядя в столешницу, сказал Александр. – Чтоб все знали – не за прибытком дружина идет, а Божью правду творить!

– Во как!

– Всех насильников да разбойников велю и дале черной смертью казнить!

– Ну, и как? – сказал князь, с хрустом откусывая луковицу, заедая хлебом и запивая квасом, по случаю Петрова поста.

– Что как? – не понял Александр.

– Повесили? – и, глянув хитро, добавил, – Сам видел, как повесили? Сказано: сам князь судил и расправу вершил. Судить-то ты судил, а была ли расправа?..

– Должно, была... – смутился Александр.

– Это вряд ли, воитель ты мой хоробрый... – сказал отец. – И вот что запомни: хуже нет закона, которого никто не боится. Хуже нет властителя, чье повеление не выполняется. Повелел – смотри, кому повелел! За неисполнение – спрашивай строго! А как исполняли – проверяй! Но сто раз подумай прежде: а смогут ли исполнить?.. А не смогут исполнить – не приказывай! Твое слово – золото, а ты его на ветер кинул! Все равно как пес пробрехал или смерд песню похабную спел!

– Я таких песен не знаю, – заливаясь краской, пробормотал Александр.

– Я не про песни! – стукнул ладонью по столу отец. – Приказал – доглядай, чтоб исполнили в точности! Тем более – на смерть осудил! Грех на душу взял!

– За грех свой перед Господом отвечу, я уж на исповеди каюсь... – все так же глядя в стол, прошептал Александр, и подняв глаза на отца спросил: – Что ж, страха греха ради, сим злодеям потакать?! Они же вон младенцев для забавы сатанинской живьем пожгли!

– Ответишь за грех, ответишь, – сказал князь. – Ответишь. Да не за тот, про который на исповеди каюсь. А за то, что никто твоих разбойников не вешал! Выкупили их небось, давно, и опять они грабят!

– Вот я уже спрошу... – повторяя отцовскую фразу, прошептал Александр.

– С кого? – перебил отец. – Ты кому их вешать приказал? А? Кто твой приказ исполнить был должен? Не слышу! Приказал: – «Ты, ты и ты – волоките татей на веревку!» А сам стой – смотри! Что, не нравится? Не хочешь глядеть, как злодеи в петле дрыгаться будут, дерьмом обольются да языки высунут?! Потому она и смерть таковая позорна! Ан вот стой – смотри! Раз повелел – не исполнили! Второй... а третий раз можешь и не приказывать – никто тебя и слушать не станет... Что, сынок, тяжело? А ты думал, только в тереме княжеском на престоле сидеть да брашна медовые пить? Господь с князя поболе спросит, чем с раба! А дружинники – робята бедовые, их вот как в кулаке держать надо! Порой-то и не удержишь, дружину свою верную да хоробрую!

Ярослав встал, заходил по горнице, едва не задевая стены широкими плечами:

– Я Торопец воевал. Торопчане напугались – вышли с откупом – ряд рядить и миром дело покончить. И я на том стоял, чтобы миром, а дружина как заорала вся в один голос: «Мы с ними не целоваться сюды пришли!» И брали город приступом! И кровь лили, и злодейства до небес городили! И не остановить дружину-ти! Что ты один поделаешь противу всей дружины?! Князь – он как голый на льду! Отовсюду виден, и неоткуда, акромья Бога, ему помощи ждатель! А вот хуже нет для простого люда, когда князь не грозен! От слабого князя – жди беды всем и во всем! Но сам-то князь человек есть! И он завсегда один! Еще в Писании сказано: «Не

надейся ни на брата, ни на сродника, ни на сыны человечества, но лишь на волю Божию!» Так-то вот, сынок!

– Ладно, не горюй! – сказал отец, ласково запуская пальцы в густые кудри сына. – Эх, головушка ты моя победная! Воевал-то ведь хорошо! И на Омовже побывал, на изрядной сече, и литву погнал! Хорошо! Пора тебе вокняжиться! И мне руки развяжешь. Я в Новгороде оставаться дале не могу. Брат князь Юрий меня во Владимир зовет. Он князь на Руси набольший. И догадываюсь я – станет он стол Киевский мне предлагать!

И на немой вопрос, что прочитал в глазах сына, объяснил:

– Конечно, нынешний Киев Новгороду и в подметки не годится. Весь разорен! Сколь уж он раз из рук в руки переходил! Сколь раз его изгоном брали да жгли, от бывшего его величия и следа нет...

– Так на что ж такую обузу тебе?

– Э... сынок... Хоть Киев не в богатстве нынче, да в славе-то прежней. Как лестница княжеская строится? Из владения во владение, из княжества в княжество по правде Ярославовой переходя... Только так и большого стола над всею Русь дожждаться можно. В Киевском княжении нынче корысти немного, а без Киева в Великие князья хода нет!

– А на что оно в Великие князья? – потупясь сказал княжич.

– Да ты что, сынок? – Ярослав схватил сына за плечи, заглянул в глаза. – А кому ж, как не нам? Михаилу Черниговскому, что ли? Да он же правитель никудышный, никогда он Русь в единый кулак не соберет. Он и что имеет – истеряет! Гордыни много, а вежества 37) то нет! А что вам – тебе да братьям останется? Я от малу, от юности своєю трудов не оставляючи, кровавый пот не утирая, воевал, с седла месяцами не слезаючи, об том только имел заботу, чтобы больше сил собрать, чтобы рано или поздно, а взять всю Русь под великое княжение. Не своей гордыни ради, ради веры Православной, ради всего народа русского! Без великого княжения с распрями не совладать! Все опять врозь пойдет. Новгород богат, да ненадежен. Псков руку немцев держит. А что у нас? Переславль да Суздаль. Ну, Торжок... А ведь мы на краю земель Руси Великой. С латинянами лицо в лицо стоим!.. Давай-ко лучше перечтем, как у нас ныне все складывается, и что я на тебя оставляю.

На полночь до моря у нас вода! Племя путаное. Нынче с нами, завтра к еми и суми переметнется, как они с водью един язык – сродники суть. Однако оне сеев опасаются и немцев Ордена Тевтонского, потому руку Новгорода держат. Десять лет назад я за море рать водил, и Господь сподобил – карел крестить в нашу веру Православную, вот это нынче братья наши во Христе. Ежели свеи, даны или урмане озоровать придут, а и сумь да емь шевельнуться – карелы первые нам союзники.

В Новгороде простой люд всегда в шатании – то князь не надобен, то с немцами дружество водить станем. Золотые пояса в крепкой княжеской власти нуждаются, но ведь это среди них черниговские выкормыши обретались. Им ведь все едино – какой родом князь, им лишь бы прибыток иметь.

Однако, после Омовжи тут вся черниговская крамола повывелась. И полагаю я, можно княжить от Черниговцев безопасно. Новгород Черниговского князя к себе не пустит. Бог даст, никогда боле они сюда заявляться не смогут. Потому и оставляю тебя на княжении, что потише тут стало, поспокойнее... Будешь княжить мирно, потихоньку в совершенные лета входя и силы набираясь.

На полдень у нас литва – что сие такое, сам знаешь. Но меж нами и литвой Псков, а он литвы не любит. Псков в сторону рыцарей посматривает, там интерес свой имеет, с немцами соединиться и тайно и явно желает.

А вот на заход – ливы да эстии, а над ними меченосцы и главное зло – град их рыцарский, Рига.

2.

Про Ригу отец Александру толковал постоянно. Вот мол, где главное гнездо вражеское. Зачалась сия Рига не так давно, а беды от нее Руси бесчисленно.

Лет чуть более полста, в Ливонии проповеди христианской веры ради, высадился на лифляндский берег монах Августинского ордена Мейнгард. Попытался местных жителей обратить в веру католическую. Жители Ливонии, пребывавшие в язычестве, отчаянно католическому крещению противились. Тогда Мейнгард, возведенный в сан епископа ливонского, прибег к мечу.

На правом берегу Западной Двины стоял замок Икскуль, а может тогда еще и не замок, а так – городище укрепленное, потому как на финском наречии имя его означает «деревня». Вот эта «деревня» первая стала торговать с бременскими купцами. А купцы-то были руководимы августинцем, этим самым Мейнгардом. Он и поставил в 1186 году первую в Лифляндском крае церковь, якобы для нужд бременских купцов. Однако, местные жители охнуть не успели – всего через год вокруг церкви поставлена бысть крепость, а еще через год папскою буллою учреждено икскульское епископство, подчиненное бременскому архиепископству. И как грибы после дождя, стали в окрестностях Икскуля вставать не купеческие фактории да вольные торжища, а военные замки да укрепления.

Отсюда, после смерти Мейнгарда, пошло насильное и жестокое обращение местных жителей в католичество, а проще сказать – завоевание. Ждали лифляндцы да ливонцы товаров редкостных заморских, да дружества с купцами бременскими, а получили иго тяжкое, коему противится невозможно. Местные-то мужики, хоть и жилисты, да не воисты, а в замках рыцари, кои только и знают воевать, обирать да мирный люд примучивать. Но все же пытались мужики ливонские от немцев отмахаться, хоть кольем, хоть дубьем, хоть ножами засапожными. Бесперывно война шла. Однако, сила солому ломит! Вот сила-то католическая на лифляндцев и пришла! Где мужику неоружному, к бою не приученному противу рыцаря устоять?!

Один из преемников Мейнгарда, Альберт фон Буксгевден, построил в 1201 году на берегу Двины, у впадения ее в море, город Ригу с кафедральным собором во имя Святой Марии. А для борьбы с язычниками собрал монашеский рыцарский орден Меченосцев, подобный существовавшему в Палестине ордену Тамплиеров.

В 1202 году папа Иннокентий III издал буллу, утверждавшую статут нового ордена. Альберт стал набирать рыцарей. Набирали в спешке кого попало. На одного истинного рыцаря-монаха приходилось по десятку головорезов с темным прошлым, самозванцев, даже и не дворян, а сыновей бременских и любекских купцов да наемников ландскнехтов. Служили они не вере христовой, а наживе и грабежу в дикой, по их мнению, стране. Жизнь рыцарей ордена мало походила на монашескую, более – на притон разбойничий.

Первый магистр ордена Винно фон Рорбах был убит своим же рыцарским братом, коего пришлось повесить в Риге по приговору орденского суда. Но эта казнь ничего не изменила в разбойной жизни рыцарей ордена Меченосцев.

В Пруссии был другой рыцарский орден – Тевтонский, поселившийся среди прусского народа ливов и состоявший из знатных и родовитых рыцарей, связанных дисциплиной и строгими обетами, кои смотрели на ливонских меченосцев с презрением и недоверием. А ливов-то и за людей не считали! Язычники-ливы не могли сопротивляться меченосцам, их броне и твердыне замков, постепенно воздвигавшихся по всей земле, и были крещены, и быстро покорены. Поскольку рыцарям не хватало пехоты, они стали набирать в кнехты ливов. Кнехтам платили частью добычи, и хотя ливы, единственные из прибалтийских племен, поддерживали рыцарей, но все едино – рыцари ставили их ни во что, почитая жизнь кнехта дешевле жизни обозной лошади, вот и погибало ливов бессечно. Вскоре древнее и некогда могучее балтийское племя, населявшее земли от самого моря до Западной Двины, почти совсем исчезло, как исчезли истребленные или размытые среди иных племен их ближайшие родственники – пруссы.

Укрепившись в Риге и примучив местных язычников, оборотились ливонские рыцари на Литву – на ятвягов и земгалов.

Часть литовских племен платила дань полоцким князьям. Полоцкие священники постепенно и мирно крестили литовцев в православную веру. И православные литваки готовы были биться за свою родину и за веру православную до последнего вздоха. И если бы сопротивление завоевателям возглавили воеводы и дружинники полоцкие, глядишь, и отмахались бы от иноземцев. Здесь, в литовских лесах, и произошла первая сеча меченосцев с полоцкой русской дружиной. Но полоцкое княжество в то время было слабо. Альберт хитро обошел недалекого полоцкого Владимира. Проповедь католичества и завоевания в Литве продолжались без особого сопротивления Полоцка.

После литовцев меченосцы обратились на эстонскую Чудь. Здесь-то они и встретились с новгородцами и как в стену уперлись! Новгород оказался сильнее и упрямее Полоцка. Он не захотел уступить своих владений никому. Началась длительная, то замиравшая, то снова разгоравшаяся, война Новгорода с меченосцами. Успех в этой войне склонялся то на одну, то на другую сторону. Новгородцы несколько раз разбивали орденских братьев. В 1217 году они взяли приступом город Медвежья Голова (Оденпе). В следующем году они осаждали тогдашнюю столицу ордена Венден.

Рыцари ордена меченосцев обратились за помощью к Дании. В 1219 г. датский король Вальдемар высадился на балтийском побережье и быстро занял Эстию, распугав самих эстиев по лесам и болотам. Но, завоевав Эстию, не стал отдать ее меченосцам, но объявил ее датским владением. Орден вынес спор на решение папы, и папа Гонорий III решил его в пользу датского короля. Эти разногласия на некоторое время всецело захватили орден и помешали дальнейшим завоеваниям. Однако город-крепость, основанный русскими и по старой памяти все еще зовомый отцом Александра Кольванью, получил новое имя – Ревель, на языке эстиев Даллинн – город датчан, в который эстиам даже и входить-то не разрешалось.

Вскоре король Вальдемар во время междоусобной смуты был взят в плен собственным вассалом. Орден опять усилился.

В 1222 году эсты подняли восстание против захватчиков и изгнали их из своей земли. В Юрьев был приглашен на княжение русский князь Вячеслав (Вячко), из полоцких князей. Два года он отбивал натиск рыцарей, но к 1224 году сил у защитников города уже не осталось.

«... Число убитых доходило уже до тысячи. Русские, оборонявшиеся дольше всего, наконец, были побеждены и побежали сверху внутрь укрепления; их вытащили оттуда и перебили, всего вместе с королем около двухсот человек... Изо всех бывших в замке мужчин остался в живых только один – вассал великого короля суздальского, посланный своим господином вместе с другими русскими в этот замок. Братья-рыцари снабдили его потом одеждой и отправили на хорошем коне домой в Новгород и Суздаль сообщить о происшедшем его господам...»

Новгородцы же пришли было во Псков с многочисленным войском, собираясь освободить замок от тевтонской осады, но, услышав, что замок уже взят, а их люди перебиты, с большим горем и негодованием возвратились в свой город»³⁸).

И стал град Юрьев, прозываться на немецкий лад – Дерпт, и ничего русского в нем не осталось. Превратился Дерпт в крепость злую, откуда многие ковы Новгородским землям постоянно чинились.

Новгород вынужденно заключил с меченосцами мир, уступив им все земли к западу от Чудского озера. Рыцари из стран европейских все время в орден пребывали, поскольку здесь не особенно спрашивали, откуда рыцарь пришел, рыцарь ли он истинный или самозванец, и казалось, конца им нет. Все это время орден пополнялся новыми рыцарями и увеличивался. Он постепенно утверждался в завоеванных землях, и границы его надвинулись к рубежам Руси и Литвы. Он освободился от власти бременского архиепископа, которому был раньше подчинен, и стал самостоятельным.

Так, постепенно, против русских городов, на низких песчаных берегах Балтики и в эстонских и ливонских лесах вырос целый чужой Православию западный католический мир, с каменными стенами, с башнями, с тесными улочками городов, с полумраком готических соборов, со всем укладом средневековой жизни.

Однако многим на Руси этот мир казался привлекательным, и многие желали подобия его в землях своих. Потому стремились дружеством, а то и родством, к тому миру приблизиться. Таков был, как считали новгородцы, и сосед – пригород Господина Великого Новгорода – Псков.

Псковичи постоянно стремились укрепить торговлю и военное дружество с орденом. Орденские братья постоянно гостили во Пскове, немецкие купцы держали в городе склады и лавки. Псков постепенно во всех делах отдалялся от Новгорода. Не сходя с места, отрывался от Руси и уходил на запад. Напрасно духовенство увещевало богатых и заносчивых псковичей, указуя им на судьбу плачевну ливов да эстиев, коих и в столицу-то не пускали, и всякой своей воли и живота лишали постоянно, приутопив им место рабов и слуг, бессловесных при ордене. Говорили о беззакониях противу веры Христовой, постоянно чинимых орденскими рыцарями, но увещевания сии силы не имели.

Псковичей, пуще, чем новгородцев, донимала литва. Уцелевшие после разгрома князем Ярославом на Омовже меченосцы заключили с ним мир. Потому на Новгород, хотя бы некоторое время, наступать не могли. Однако, подкрепив свои силы большим числом новых рыцарей, приехавших из Германских княжеств, по благословению Папы Римского обратили свои устремления на языческую литву. В этом их новом походе горячо поддержали псковичи. Двести псковичей, не уступавших рыцарям ни вооружением, ни воинским мастерством, выступили в совместный поход с меченосцами.

Кроме рыцарей, прибывших из Европы, собрались рыцари из Риги и других прибалтийских городов, а также эстии и ливы во множестве. Они как саранча все сметали и сжирали на своем пути, оставляя за собою пожарища и горы трупов. Зверства, чинимые орденом и под эгидой его, подняли на борьбу и сплотили литовцев. С ними заодно были и славяне и все народы, державшие сторону литвы.

Потому, чем дальше заходили в леса и болота орденские братья и слуги их, тем опаснее им становилось отделяться от войска. Посланные в зажитья – не возвращались. Войско вытянулось в плотную колонну и медленно ползло по узким лесным дорогам. Белые плащи с алыми крестами, сверкающие доспехи, пестрые щиты и флюгера на тяжелых копьях, бряцанье оружия, скрип телег и фырканье коней, тяжкая поступь пехоты, песни, которые горланили эстии и ливы, стройное суровое пение рыцарей на марше не дали заметить войску, как стало подзрительно тихо в лесу. Понятное дело – сентябрь, птицы не поют как весной, но даже ведь и сорок не слышно!

Совершив победный марш, нагруженные добычей, рыцари и вспомогательные отряды двигались в обратный путь другой дорогой, чтобы не возвращаться через ограбленные пустые села, с горами разлагающихся трупов, коих некому хоронить.

В полдень 22-го числа войско спустилось с лесного холма и ступило на болотистую почву громадного луга. Кони начали вязнуть, а твердая тропа стала слишком узка для всей рыцарской колонны. Всадники остановились, кто-то сказал, что нужно заставить эстиев и ливов проложить через болото гать.

Позади колонны, действительно застучали топоры и стали валиться деревья. Но падать они начали на рыцарей, и сейчас же на дальней кромке болота появились несметные толпы литовцев.

- В ряды! Становитесь в ряды! – кричал магистр ордена Фолькпин.
- Не можем! – отвечали рыцари: – Негде расступиться, кони вязнут!

Но никакое, хоть и самое правильное по военной науке, построение уже бы и не помогло! Со всех сторон на колонну валом обрушились толпы латгалов, замгалов, славян и жемайтійцев. Началась свалка, отдаленно не напоминавшая европейский, привычный рыцарям, бой – когда, после того как рати сошлись, он рассыпался на десятки поединков. Звероподобные полуголые дикари, в медвежьих и волчьих шкурах, с топорами на длинных рукоятях и деревянными щитами, не отягощенные железными доспехами, разбрызгивая грязь, бежали по болоту, с ревом прыгали на всадников с деревьев. Впятером, вшестером схватив бревно, с разбегу, как тараном, сшибали им с коней зашитых в броню крестоносцев, рубили ноги коням и дубинами превращали рыцарские шлемы в лепешку. Повалив рыцаря, наваливались на него всем скопом и совали ножи в любую щель, в отверстия для глаз, резали ремни креплений, выковыривая рыцарей из доспехов как рачьё мясо из панцирей. В несколько минут были убиты гроссмейстер Фолькпин и другие рыцари ордена, десятки ливов, эстиев и почти все псковичи.

Троих же еще живых рыцарей литовцы усадили на израненных коней, сгрудили в кучу, завалили хворостом, смолем и зажгли громадный костер, принеся их в жертву своим языческим богам войны и возмездия. Вопли погибающих в костре смешались с криками жемайтійских жрецов, благодаривших богов за победу.

На это чудовищное беснование спокойно смотрели по-европейски вооруженные, богато одетые воины и литовские военачальники, среди которых выделялся молодой князь Миндовг.

Двадцать человек чуть живых псковичей он приказал отпустить. Рыцарей же и всех прочих раненых добила и потопила в болоте.

3.

– Ну, вот, – сказал Александру князь Ярослав, – Крестоносцам крышка, нам передышка. Ордену меченосцев – конец! Это нам от Господа повеление! Услышал Господь мои молитвы, прошение мое, чтобы тебе полегче было на княжении, ну хоть на первых порах. Чтобы не сразу ты, в одиночку, в бой да в сечу. Стало быть, теперь самое время тебе вокняжиться по истине, по всему обычаю и вере Христовой.

К предстоящему готовился не только княжеский двор, но весь Новгород. Александр понимал, что этим торжеством отец хотел показать строптивым и буйным новгородцам, что правит в Новгороде не пришлый князь на правах наемника, коего сегодня позвали, а завтра и не надобен – другого позовут, а вождь, какой от этой земли возрос, владеет Новгородом и всею землею Новгородской по праву, как своей вотчиной. Все торжество устроили так, чтобы и горожанину и смерду ясно стало: не золотые пояса, не посадники Новгородские, князя позвавшие, ему на верность присягают, но отец сыну княжество свое передает, дабы и впредь все разговоры пресеклись. Сын отцу наследует, а Новгород – владение князей суздальских, вотчина князя Ярослава Переяславского, и никто же кроме его рода владеть Новгородом не может. Таким образом, о черниговской крамоле теперь и помыслить невозможно.

Предвидя, что новгородцы могут такому княжескому замыслу воспротивиться – мы, де, новгородцы, на своих правах стоим, да и в вечевой колокол ударить, Ярослав стянул в город дружины – каждый приглашенный владетель с немалым отрядом дружинников приезжал. Новгородцы – народ ушлый, все сие понимали, но предпочитали до поры помалкивать, смуту не поднимать.

Какой тут вечевой колокол, когда в Новгороде целая разноплеменная рать стоит!

Но ведь не век она в городе стоять будет! Уберутся гости восвояси, уведут дружины, а там, коли князь не гожа окажется, ему и отворот поворот показать можно прежним обычаем: «ты – себе, а мы себе! Новгороду другого князя помыслим».

Из Переславля приехала княгиня – мать Александрова и все младшие братья его.

Наполнилось княжеское Городище шумом, зазвенели за толстыми стенами детские голоса. Александр всех привечал, всем радовался, и по обычаю и от души, но с младшим братом Андреем дружба у него, как у них с Федором, не заладилась.

Андрей сперва предложил померяться ростом. Александр оказался выше. Тогда Андрей предложил померяться силой. Скинули кафтаны, стали бороться. Брат, слов нет, был и крепок и увертлив, но Александр сильнее. И когда он хотел нарочно поддаться младшему брату, отец и прикрикнул:

– Борись взаправду! Не скоморошничай!

Александра бороться учил гридень Ратмир – родом половец, который знал много приемов рукопашного боя, в северной Руси неизвестных. Александр ухватил брата за пояс и за плечо и повалил через бедро.

– Не на лопатки! Не на лопатки! – закричал красный и потный Андрей, резво подымаясь. – Я поскользнулся.

Александр глянул на отца, стоявшего в окружении ровесников бояр – «Продолжать ли?»

Отец велел бороться, да еще приказал:

– Борись всерьез, покажи выходку! – и Александр, взявши брата покрепче, бросил его через себя, припечатал к траве, да еще придержал опешившего от неожиданности подростка с раскинутыми руками.

– Воооот! – захохотал отец: – Не хвались на рать идучи, хвались идучи с рати..!

Андрей вскочил, отряхнулся и зыркнув на Александра, по-волчьи, черными глазами, сказал – пригрозил:

– Погоди, орясина долговязая, я тя подловлю ужо...

– Андрюш, Андрюш... погодь... Ну я ж старше, потому и сильнее, – пытался остановить и утешить его Александр.

– Не сильнее! Ты меня не силой, а хитростью взял! – Андрей руку брата с плеча страхнул и побежал через двор к своей горнице, где ему было с младшими братьями житье отведено.

– Эва! Да хитрость – второй ум! – смеясь, крикнул ему вслед отец.

Но Александру было неприятно, а когда рассказал он все духовнику, тот заметил:

– Умным хитрость не нужна, ибо хитрость – ум неправедный, грязный.

Ежедневно Александр по несколько часов стоял на молитве, ходил из Городища в Святую Софию пешком, почасту босой. Ради усмирения гордыни, держал строгий монашеский пост.

Настоятель и причетники собора подробно рассказали и показали, где – кто на церемонии будет стоять, да как выходить, да кто поведет Александра под руки, под какие слова молитвы, что будет вершиться. Даже шагами вымеряли, как Александру ступать, и по храму его, как в будущей церемонии надлежит быть, провели.

Несколько раз Александр оставался в храме на ночь. Поднимался на хоры и сидел в своем излюбленном месте, где обычно читал книги и летописи.

Когда затворяли двери собора, спускался вниз и молился, стоя перед царскими вратами алтаря, бос на каменном полу, либо на коленях, прекращая молитву только, когда у дверей храма начинал звенеть ключами пономарь. Ночи пролетали, как одна минута.

– Уж больно ты, Александр, много на сердце берешь... – заметил как-то отец. – Венчание на княжество, конечно, дело серьезное – перед Господом обет, но уж так-то горячо... Смотри, перегоришь душой, а тебе во княжении силы будут потребны. И вот пост ты держишь... Перед Богом – хорошо, душе угодно, но ведь ты – воин, тебе сила телесная нужна, а ну как завтра на рать идти, а ты слабый, опосля поста?..

– Я постом не слабею, а укрепляюсь... – только и сказал княжич. И это была правда. С каждым днем, приближавшим его к вокняжению, в нем прибывало силы, какое то лихорадочно-сладкое тепло разгоралось в душе, заставляя не испытывать ни голода, ни жажды...

Князь Ярослав как-то даже заметил со смешком:

– Я уж и не рад, что вокняжение сие затеял... Уж больно ты углублен сделался. А так-то ведь: сегодня в одной земле вокняжился, а завтра в другую перешел, что ж, каждый раз эдак гореть? Ты вот, примерно, к исповеди каждый раз как на Страшный суд Господень идешь? Нет ведь!.. За обыденно поисповедуешься и дале проживаешь...

– То-то и беда... – сказал Александр, – кабы каждый раз – как на Страшный суд!..

– Да как же тогда жить?! – ахнул Ярослав.

– Не жить, – пробормотал сын, – а служить!

– Оно, конечно... – грустно, в ответ на какие-то свои мысли, сказал Ярослав, – Да без греха в миру не сохранишься. Бережнее себя тратить нужно... А то сгоришь в одночасье, какая тогда с тебя княжеская служба?..

4.

Отшумело пирование, где Александр сидел на почетном княжеском высоком месте. Отец посадил. Сам рядом сел как гость и всячески величал нового молодого князя. И бояре с дружинниками, князьями и гостями, прибывшими на торжество, пили за его здоровье, славили и желали всему дому князей суздальских, а пуще молодому князю новгородскому Александру «многия и благия лета». Александр, как положено, с полным знанием обычая, который безупречно выполнял – благодарил, принимал подношения и сам одаривал гостей.

Князь же Ярослав с удовольствием примечал, что сын кубок подымает, заздравные тосты «по чинам», чтобы никого не обидеть, складно произносит, но ни дорогого зелена вина заморского, ни своих медов ставленных не пьет. И так-то ловко исхитряется, что, ежели, нарочно за ним не следить, то и покажется, будто пьет молодой князь со всеми наравне. Только вот уж которые гости с лавок валяются, и гридни их утаскивают в холодке отдохнуть, а молодой князь тверез сидит. Кудрями густыми потряхивает да улыбается белозубо. Совсем молодую, первую, светлую, еще пуховую бородку, пощипывает, а светлыми глазами ясно да зорко поглядывает. Всех видит, все слышит и, стало быть, все помнит, кто кому что по пьяному делу говорил.

Потому, когда среди ночи вошел Ярослав в спальный покой Александра, не удивился, что сын не раздевался и на постели не лежал. А стоял перед аналоем, шелковым платком рот и нос завеся, чтобы дыхание хмельное (все же глотков несколько сделать пришлось) Писание не оскверняло.

– Пойдем- ко, князь Александр, княжью службу вершить. Таковую, что на виду не бывает. Засапожный нож не забудь.

Они прошли теремным коридором. В отцовской спальне Ярослав приподнял ковер на стене, за ним оказалась небольшая дверь. Князь ее открыл, отодвинув кованый засов и засветил малый смоляной факел, шагнул за дверь и стал с ним спускаться по длинной пологой галерее. Сажень через сто дошли до коридора под таким низким потолком, что пришлось еще сажень тридцать идти, сутулясь чтобы на голове шишек не набить.

Пахнуло тинной, и впереди, в конце коридора блеснула вода. У воды на замощенной площадке лежала лодка и весла. Ярослав и Александр столкнули лодку на воду, сели на весла и, отталкиваясь им, как шестами, поплыли по узкому каналу, который вывел их на речной простор. Правда, перед тем как выйти на волю, сгибались в три погибели, чуть на дно не ложились, чтобы протиснуться в узкий ход наружу. Ночь была лунная, светлая.

– Примечай, – сказал Ярослав, – вон на мысу часовня, а перед ней на берегу обетный крест. Когда крест на часовне и крест обетный совпадут – лаз за спиной твоею, с воды тайный вход отыщется, а иначе нипочем не найдешь.

Этого отец мог и не говорить. Берег, от коего они отходили, терялся в таких густых зарослях, что и в двух шагах хоть летом, хоть зимой ничего отыскать невозможно.

Они выгребли вдоль берега с версту и вылезли на мостки не то у баньки, не то у рыбацкой избушки, какие повсюдно торчали по берегу.

Сначала Александру показалось, что в избушке никого нет, но когда отец затеплил каганец, он увидел, что за столом, словно вросший в столешницу, немо сидит человек. Он заговорил с отцом по-кипчакски. Александр этот язык знал, но не твердо, потому-то говорить на нем в новгородских землях не с кем, только что с двумя-тремя конными гриднями – половцами. Кроме них, в Новгороде, пожалуй, что языка этого никто и не разумел. К удивлению своему, сейчас он понимал почти все, о чем говорил отец с этим человеком, про коего ничего вообще сказать было невозможно – какого он чина-звания, рода-племени и даже возраста.

Откуда пришел человек – неясно. Говорил он и о литве, и о немцах так, словно еще вчера у них столовался. Пока все что, он рассказывал, Ярославу и Александру было известно. Единственно, что для Александра оказалось внове, человек победу литваков над меченосцами особо не превозносил.

– Папа Римский, – говорил он, – ни за что своих замыслов двигаться на восток не оставит. Ну и что, что меченосцев здесь почти всех перебили? В Германии, да и в других странах, рыцарей – пруд пруди. Работы им нет, кормиться надо – только позови, они мигом сюда соберутся...

– Куда соберутся? – усмехнулся Ярослав, – ордена боле нет...

– Орден жив, пока стоит Рига, – сказал человек. – Кроме меченосцев, есть Тевтонский Орден.

– Да никогда тевтоны с меченосцами дружество водить не станут, – сказал отец, – они меченосцев и за рыцарей-то не почитают.

– Папа благословит – соединятся. Тем более, что прежних меченосцев почти совсем не осталось.

– Поскрести – наберется! Кое-кто уцелел. И эти меченосцы под тевтонов не пойдут!

– Стало быть, будет какой-то другой Орден и не меченосцев, и не тевтонов. Третий. Помяни мое слово. К весне, не то к следующей зиме – крайний срок – новый Орден подыметься. Так что роздых от рыцарей будет коротким.

– Да эта напасть нам известная, – вздохнул отец.

– А вот и страшней беда грядет... Ведомо ли тебе, что мунгалы, те самые, что рати русские на Калке изрубили, нынешний год повоевали всю Булгарскую землю?

– Слышал, – вздохнув, сказал Ярослав, – Уж с год как от Волги булгары, все имение, все животы побросав, во Владимирские земли бегут. Князь Юрий сему вельми рад. Принимает их с радостью и попечением, расселяет их по своим городам. Еще бы: и мужики бегут работающие да сильные, и ремесленники, и торговый народ булгары ти, от веку весь волжский путь до моря Хвалынского под собой держат.

– Держали, – сказал безликий, – Ныне мунгалы разгромили их главный город – Булгар, и перебили всех от младенца до старца. Все пожаром выжгли! Нет боле Болгарской державы. Верные люди князю Юрию это все в точности доносили...

– А он?

– Он, вроде, на себя надеется. Говорит, не посмеют на нас напасть. У нас города крепкие, отстоимся. Да еще, говорит, мунгалы имеют войско конное – им Волгу не перейти.

– Может, истинно так?

– Ан вот не так! За Волгой спокон веков жили венгры, те, что до нынешнего Венгерского королевства не дошли еще с Атиллою. Венгры в королевстве – католики, а заволжские – язычники. Папа Римский послал туда к ним для проповеди веры Христовой монаха доминиканского Юлиана. Вот он с булгарами в земли Владимирские, от мунгалов спасаясь, прибежал. Там и письмо составил легату папскому Перуджи... Вот список с того письма. По-латыни писано. Хочешь, сам прочти, хочешь, я прочту...

– Читай ты... – сказал Ярослав, – вот и князь Александр послушает.

– Все-то письмо пространно, а вот что важно, – Человек придвинул к себе каганец и стал сразу переводить письмо по-русски:

«...Ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что все войско, идущее в страны запада, разделено на четыре части. Одна часть – у реки Итиль (Волги – А. Б.) на границах Руси с восточного края подступила к Суздалью. Другая же часть в южном направлении уже нападала (?)* на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж (?)**, также княжества русских. Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь...

Многие передают за верное, и князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима ...»

– Ну, дальше неважно... – сказал человек.

– Список оставь – после еще посмотрю.

Они еще говорили о том, как в случае срочной нужды Александр будет принимать подслухов. Договорились о знаках, кои оповещать должны, когда подслух с донесением придет, где встречаться.

Глухой предрассветной порою плыли обратно молча. Ясно, что думали об одном и том же, о той вести, от которой у Александра душа зашлась, заледенела.

– Отец, – спросил он, – Пойдут на Русь мунгалы нынешней зимой?

– Не они первые, не они последние – вздохнул Ярослав, – Редкий год без войны да набега... Какая разница – мунгалы ти неведомые либо половцы, нам давно знаемые, коих из степи на города князя друг против друга наводят...

Так Александр и сам бы сказал. Хотел-то спросить «Устоим ли?», но не решился. Может, почувствовал в этом вопросе грех, как при гадании. Зачем на судьбу гадать, когда все в руке Господней. Спросил по-другому:

– Что ж князь Юрий то?..

– А что князь Юрий?

– Да, вроде, не готовится...

– Как готовиться ти? – горько усмехнулся Ярослав, – Если письму этому верить – они с разных сторон ударить намереваются. Где войско ставить? В одном месте соберется рать, а они – конны все, скоры, как пожар степной, в другом ударят. Да и не соберутся княжеские дружины вместе. А даже и сберутся – как на Калке все и будет! Дрянь народ стал!

– Ежели войско все конно, как же они города брать собираются? – стал рассуждать вслух Александр, – Пойдут по рекам, как лед станет... Изгоном вряд ли в города ворваться смогут. Стало быть, осадой. А в осаде конные долго не устоят...

– На города-то вся и надежда. Две недели, ну три, и то, ежели в зажитьи коням корму достанут. И все... Дале – обезлошадят. Вот и выходит, что в осаде стоять нужно крепко! По зимнему времени осаду держать можно. Откосы заледенить, стены заледенить... Припас готовить, – сказал Ярослав, – Ведь на Низу, что ни год, какая-нибудь орда из степи налетает, а города-то редко берет. Ну, разве когда изгоном, ежели ворота затворить не успеют. Половцы-то ведь уж знают: изгоном не взяли – надо уходить...

Однако, вздохнув, добавил:

– Пускай мать у тебя с братьями подольше погостит. Я-то во Владимир поеду, оттуда, мыслю, в Киев. А они пускай у тебя поживут. Ты теперь старший. Половину суздальцев тебе оставляю, а на их место новгородцев возьму. Все тебе полегче, понадежнее, ежели что...

5.

В лето 6744 (1236). Пошел князь Ярослав из Новгорода к Киеву на стол, взяв с собою новгородцев лучших: Судимира в Славне, Якима Влунковича, Косту Вячеславича и новоторжцев 100 человек, а в Новгороде посадил сына своего Александра. И, придя, сел в Киеве на столе; и продержал новгородцев и новоторжцев одну неделю и, одарив, отпустил прочь; и вернулись все здоровы...

Привезли новгородцы из Киева с поклоном от отца и гостинцы, сорочки вышитые да порты узорчатые, сапоги юфтяные. Младшие братья Александра бегали в новых сапогах, при топывали серебряными подковками по дубовым половицам. И мать примерила украшения и паволоки, что Ярослав прислал. Вот только короб Александра стоял закрытый, и княжичи гадали, что отец старшему брату прислал, потому как Александр, в тереме на княжеском Городище то, почитай, что и не бывал, порой и ночевал даже в городе.

По его приказу, пока земля мягкая была, ров вокруг Детинца углубили, рогатки да волчьи ямы обновили. Именитые люди – золотые пояса, должно что-то уже прослышали и смердов в черную работу – землю копать – гнали твердо и повсюдно. Простой приневоленный народ роптал.

– Ишь, – говорили новгородцы на торгу, – властью княжеской ему потешиться захотелось! Всякие работы придумал! Одна супротив другой тяжелее! Воев своих, всю молодшую дружину ученьем измучил. Прямо вот жалко робят!

– Это что... – говорили другие, – Он по всей округе все зерно да сено скупил! Из-за него, недоумка сопливого, вон как цены на хлеб в Новгороде подскочили! Золотым поясам – прибыль, а нам, простому люду, каково? Весь припас в Детинец и волокут, и волокут! В осаду он, что ли, садиться вздумал? От кого? Куды столько зерна – ведь сгниет все!..

– Он ведь эдак всю казну Новгородскую, глазом моргнуть не успеешь, истощит.

– Новгородскую- то истощит, а свою, небось, пополнит!

– Погоди, то ли еще князя удумают, когда отец его Ярослав вернется. Робяты, что с ним в Киев ходили, бают: в этом Киеве-то и глянуть не на что. Одни церкви обгорелые стоят, да стены дырявые. Сказывают – не стал новгородцев держать, мол, и своих-то воев кормить нечем!

– Это в Киеве? В мати городов русских?

– Вот те и в Киеве!

– Да они, князя-то, как псы ветошку этот Киев друг у друга рвут! Вот она, ветошка-ти, и износилася, изорвалася... Ить, что не год этот Киев жгут!

– Вот я и говорю. Он ведь, Ярослав-князь, вернется, да как прежде дорогу на Низы перекроет, чтобы хлебного подвоза не стало, вот молодой-то князь и почнет зерном приторговывать... Помяни мое слово! Так и будет!

– Да Бог с тобой, все же он князь, его ли это дело торговать?

– Да он, чай, не сам. Понаймет торговцев, с тороватыми людьми стакнется, они все вмиг управят, а прибыль ему!

Морозы сразу ударили крепкие. Стал лед на реках, установились зимники – дороги по болотам.

Александр, измотанный постоянными хлопотами, казалось, совсем разучился спать. Даже, чего с ним не бывало прежде, всю службу до конца в церквах, где случалось ему бывать, не выстаивал, а на хоры в Софии, где хранились бесценные летописи, даже и не поднимался.

Как-то, в окрестностях Новгорода, застала его с отрядом ночь. Ночь не беда. Развели костры, отаборились санями, задремали, стали рассвета дожидаться. Тут и прибился к костру странник не странник, не то путник, не то богомолец... Ближе к свету не садился, но так нарочито боком к Александру повернулся, что князь его узнал. Когда отошли они подальше от дружинников, он и сказал весть сокрушительную:

– Тевтонский орден и орден меченосцев объединились в орден, рекомый именем Ливонский... Силой раз в несколько больше прежних. И земли его теперь от литвы до моря... Это не все! Против того, чтобы новый орден соделался, поднялся датский король. Решил король свою выгоду от союза этого нового иметь. Потребовал, чтобы орден датчанам землю эстиев вернул, тогда, мол, новый орден признаем!

– И что?

– Послали на суд папы Римского. Тот права датского короля подтвердил, и рыцари, скрепя сердце, Эстляндию датчанам вернули. Так что теперь противу Новгорода в союзе два ордена: Тевтонский, какой не распустили, новый Ливонский и датский король! Злая туча собирается!

Александр благодарил подслуха, дал ему денег, но, возвращаясь к костру, подумал, что и сам не сомневается – хоть и велика беда от рыцарей, только можно до этой беды и не дожить. Неизвестно, какая туча страшнее: с трех сторон враги – немцы с датчанами теперь вместе, далее на юг литва, а с юга в степях диких неведомых конные орды подступают. Да это еще не все. С севера свеи да урмане. Рыцари язычников эстиев, ливов и пруссов покорили, каких и в строй поставили, чтобы было кем рвы при штурмах заваливать. А свеи язычников финнов – сумь, емь да тавастов тако ж католичат да примучивают. Одни только православные карелы и держатся, по милости Божией. Чуть Русь ослабей – подымут финнов из Новгородских земель: ненадежную воду, призовут чудские племена – вот те и еще одно нашествие. Одна для новгородцев дорога открыта на северо-восток, да там места вовсе дикие, гиблые – тайга на тысячи дней пути да студеные моря. Однако сейчас все эти напасти отступали перед главной – той, что конским топотом, будто дальним громом, накатывала из темной неведомой степи, из Дикого поля.

Александрю иногда бессонными ночами чуть не в яви представлялось, как идут, наступают со всех сторон иноземные рати. И себе он мнился в полусне мальчонкой маленьким, как тогда на охоте... А беда наступает со всех сторон, давит... Просыпался, сбрасывал муть ночного кошмара, всматривался в темноту, и хотелось ему крикнуть:

– Отец! Где ты! Где ты сильный князь?! Что ж я один-то остался?!

Почасту, даже не вставая с одра, чтобы не тревожить спящих вокруг дружинников, не поселять в них сомнения – мол, князь слаб, робок, потому и молится непрестанно, читал он про себя молитвы, а то и просто так своими простыми словами призывал Господа и всех святых в помощь себе... С тем и забывался сном, а утром вскакивал, будто прошлым днем и не уставал вовсе. Неутомимо скакал от одного городка до другого, где поновляли укрепления или ставили новые городки. Незаметно для себя научился и покрикивать, и по ленивым башкам кулаком брызгать, а кого и плетью перетянуть.

Но боялся, что его тревогу новгородцы примут за слабость, за страх перед врагами. Работали-то мужики из-под палки, не чуяли беду. Казалось им, что это князь дурит по младости лет и недомыслию. Объяснить же им, что враг при дверях стоит, Александр не мог. Во-первых, каждому не объяснишь, во-вторых, каждый нарочитый муж о своей голове заботится, вот и опасался, что мужики не укрепления возводить станут, а по лесам да болотам разбегутся, ежели в опасность поверят!

– Дрянь народ! – говорил в сердцах, видя нерадение смердов, ближний и верный боярин Федор Данилович. – Дрянь народ, лживый, ленивый и малодушный... Что смерды, что и бояре тако ж!

– Иных где взять! – оборвал его брюзжание Александр.

И старый боярин примолк. Только теперь молча и свирепо бил наотмашь сотников да десятников работного люда.

Александр запретить сего ему не мог. Боярин годами старше! Но понимал – когда при нем старый слуга лодырям зубы считает – зlobятся-то на князя! Хоть бы и за дело боярин зубо-

тычины раздавал да плетью согбенные спины охаживал! Александр и отъехать не мог, вроде тогда боярин свою волю вершит, а князь не во что! Но и видеть сего не хотел – отворачивался.

Подымались городки-крепости на Шелони, да только медленно, ох, как медленно!..

Не успел князь в Новгород вернуться, как понеслись вести и с голубиной почтой, и с нарочными, валом – одна за другой, и одна другой страшнее да горше: 21-го декабря орды хана Батыея взяли Рязань. Дальше, сметая все на своем пути, будто и не задерживаясь совсем у малых городов, двинулась на Владимир.

Вскоре голубиной почты не стало, известия пресеклись. Объяснение сему скоро нашлось: мунгалы, коих теперь все зовут татарами, на походе везут с собой орлов и соколов охотничьих. Те всякую птицу бьют – допрежь всех голубей – скоровестников. Как орды город обложат – сокольники настороже стоят. Только голубь из города взлетит, тут сокола на того голубя и подкидывают. А куда голубю против бойцовой птицы?!.

Толпами повалили беженцы, говорили они вещи небывалые, кои и слышать оторопь и ужас берет:

7 февраля ордой взят стольный Владимир, из которого незадолго до того выехал великий князь Юрий Всеволодович собирать войска для отпора Орде. Оборону города князь Юрий возложил на своих сыновей Всеволода и Мстислава и на старого воеводу Петра Ослядюковича.

Несколько суздальцев, кои скликали рать к месту сбора войска Юрия Всеволодовича, привели собранный отряд к Владимиру, но на месте города уже дымилось пожарище, и лежали горы трупов. Сотни зарубленных или замерзших людей валялись кучами вдоль зимников. Редкие, полубезумные, уцелевшие владимирцы рассказывали:

– ... В субботу мясопустную начали татары готовить леса, и пороки устанавливали до вечера, а на ночь поставили ограду вокруг всего города Владимира. В воскресенье мясопустное после заутрени пошли они на приступ к городу, месяца февраля в седьмой день, на память святого мученика Феодора Стратилата... И так вскоре взяли Новый город...

А епископ Митрофан и княгиня – жена Юрия Всеволодовича с дочерью, и со снохами, и с внучатами, и другие, и сноха ее княгиня жена Владимира Юрьевича с детьми, и многое множество бояр и простых людей заперлись в церкви Святой Богородицы. И были они здесь без милости сожжены... Татары же силой выбили двери церковные и увидели, что одни в огне скончались, а других они оружием добились...

Так погибли и сыновья великого князя Юрия Всеволодовича, и всё его семейство, и многое множество горожан – и знатных, и простых людей, мужчин, женщин, детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.